

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

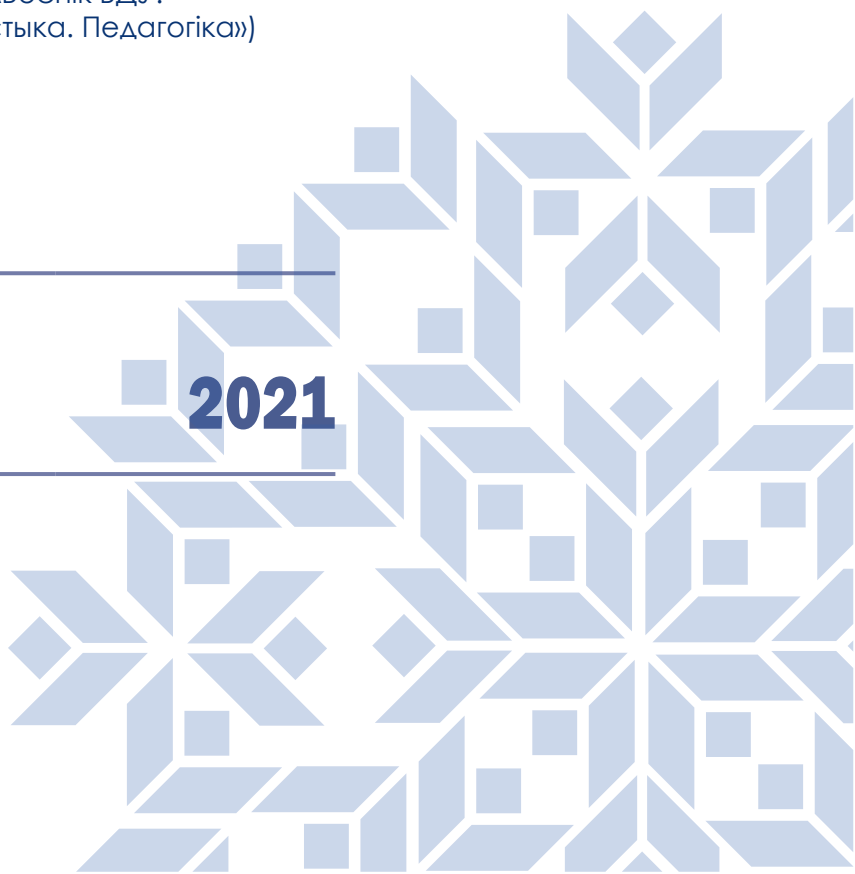
Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БДУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

3

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsenstseva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЯНЕНКО Н. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинэль К.** Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Институт языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Савич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЯНЕНКА Н. В. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Генчэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

JANIENKA N. V., PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: natallia.janienka@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Yakub Kolas Institute of Linguistics of the Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

ВЫДАТНЫЕ ДАТЫ

REMARKABLE DATES

Беларускаму дзяржаўнаму ўніверсітэту – 100 гадоў
Белорусскому государственному университету – 100 лет
Belarusian State University celebrates 100th anniversary

УДК 378.4(476-25).096:80(091)

НАЧАЛО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Характеризуются подготовительный и начальный этапы работы ученых и организаторов науки по обеспечению профессиональной филологической подготовки в БГУ. Показывается зависимость содержания лингвистических и литературоведческих курсов и методов их преподавания в первые годы существования университета от внешних, в первую очередь экономических, факторов. Описывается социальный состав первых студентов этнолого-лингвистического отделения БГУ.

Ключевые слова: БГУ; филология; этнолого-лингвистическое отделение; 1921 г.; язык; литература.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. Начало филологического образования в Белорусском государственном университете. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021; 3:5–13.

For citation:

Zuyeva OV. The beginning of philological education at the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3:5–13. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Olga V. Zuyeva, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

ПАЧАТАК ФІЛАЛАГІЧНАЙ АДУКАЦЫІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Характарызуюцца падрыхтоўчы і пачатковы этапы працы навукоўцаў і арганізатараў навукі па забеспячэнні прафесійнай філалагічнай падрыхтоўкі ў БДУ. Паказваецца залежнасць зместу лінгвістычных і літаратуразнаўчых курсаў і метадаў іх выкладання ў першыя гады існавання ўніверсітэта ад знешніх, у першую чаргу эканамічных, фактараў. Апісваецца сацыяльны склад першых студэнтаў этнолага-лінгвістычнага аддзялення БДУ.

Ключавыя словы: БДУ; філалогія; этнолага-лінгвістычнае аддзяленне; 1921 г.; мова; літаратура.

THE BEGINNING OF PHILOLOGICAL EDUCATION AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

O. V. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The preparatory and initial stages of the work of scientists and organisers of science to provide professional philological training at the Belarusian State University are characterised. The dependence of the content of linguistic and literary courses and teaching methods in the early years of the university on external, primarily economic factors is shown. The social structure of the first students of the ethnological and linguistic department of the Belarusian State University is indicated.

Keywords: Belarusian State University; philology; ethnological and linguistic department; 1921; language; literature.

Введение

В университетской газете «За ленинские кадры» 24 мая 1939 г. было размещено объявление, которое начиналось так: «Пры БДУ з 1 верасня г. г. пачынае працаваць філалагічны факультэт. На першы курс філфака ў 1939 годзе будзе прынята 60 чалавек. Падрыхтоўка высокакваліфікаваных педагогаў-выкладчыкаў сярэдніх школ і малодшых навуковых работнікаў па рускай мове і літаратуры, па беларускай мове і літаратуры з'яўляецца галоўнай праблемай філалагічнага факультэта»¹. Открытие самостоятельного филологического факультета БГУ относится к 1939 г. Также с этого года ведется и отчет всех юбилеев факультета. Вместе с тем профессиональная филологическая подготовка в университете осуществлялась с 1921 г., и еще предыстория БГУ отражает последовательное планирование обучения новых поколений белорусских филологов на специализированном факультете.

К настоящему времени опубликован ряд трудов, посвященных исследованию белорусской науки 1920-х гг. в ее непосредственной связи с историей университетской филологии [1–3]. Подробная библиография по данной теме представлена в работах С. Н. Запрудского [4; 5]. Цель настоящей статьи – определить, какие существовали проекты организации лингвистической и литературоведческой подготовки в 1919–1921 гг., обучение каким специальностям, по каким дисциплинам велось в университете и как реализовался этот замысел. Внимание сосредоточено на моментах, относящихся к периоду накануне открытия университета и к первым годам после этого события.

Результаты и их обсуждение

О значимости учреждения в начале XX в. высшего учебного заведения на белорусских землях, о титаническом бесперывном труде представителей белорусской интеллигенции, направленном на открытие университета в Минске, написано немало работ. Не теряют своей научной ценности сочинения,

¹Адкрываецца філалагічны факультэт // За ленин. кадры. 1939. 24 мая (№ 11). С. 2.

созданные столетие назад². Среди современных исследований и материалов, посвященных истории БГУ, особое место занимает фундаментальный коллективный труд «Памяць і слава: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. 1921–1941», подготовленный к 80-летию БГУ [6]. В книге подробно, по годам, восстановлена хронология важнейших событий, касающихся открытия и работы БГУ, размещены копии документов, фотографии и др. На основе названной книги создан открытый проект «История БГУ», представленный на сайте университета³. Профессор М. Ф. Шумейко, исследуя вклад академика Е. Ф. Карского в организацию белорусской высшей школы, указывает: «Впервые идею о необходимости создания в Беларуси университета Е. Ф. Карский продекларировал на Первом Всебелорусском съезде, состоявшемся в Минске в декабре 1917 г. <...> По мнению докладчика, наиболее подходящим местом в составе четырех главных факультетов (историко-филологического, юридического, естественно-математического и медицинского) должен был стать Минск...» [7, с. 121]. Включение в структуру университета историко-филологического факультета продолжало классические академические традиции. Спустя почти год, 13 октября 1918 г., в газете «Вольная Беларусь», выходившей в оккупированном немцами Минске, Е. Ф. Карский публикует «Проект устава Белорусского университета»⁴, в котором указывает следующее: «Агульнае палажэнне. § 1. Універсітэт для Беларусі адчыняецца у г. Менску і складаецца з 5-і факультэтаў: богаслоўскага, гісторыка-філалагічнага, фізіка-матэматычнага, юрыдычнага і медыцынскага (в представленном в 1917 г. докладе было четыре факультета, богословский не назывался. – О. З.). <...> 11. На гісторыка-філалагічным факультэце павінны быць гэтакія катэдры: а) філэзофія (псіхалёгія, лёгіка, гісторыя філэзофіі); б) педагогіка (гісторыя педагогікі, дыдактыка, методыка выкладання); в) клясычная філалагія (грэцкая і латынская мовы, гісторыя літэратураў з тлумачэннямі аўтараў старасветчыны); г) параўнаўчае мовазнаўства з санскрытам і літоўскаю мовамі; д) велікаруская мова і пісьменство (літэратурная мова, велікаруская дыялекталёгія, гісторыя мовы, палеаграфія, пісьменство прыгожае і народная славаеснасьць); е) беларуская мова і пісьменство; ж) польская мова і пісьменство; з) славянская філалагія (глаўнейшыя мовы і літэратуры, этнографія славянаў); і) агульная гісторыя (гісторыя Усходу, даўнейшая, асабліва – Грэцыя і Рым, – сярэдняя і новая); к) гісторыя велікаруская, а так сама ў асобку Беларусі і Украіны; л) гісторыя славянаў; м) гісторыя агульнай літэратуры; н) тэорыя і гісторыя мастацтва»⁵.

После проекта следовал комментарий редакции: «Вышэйпаданы проэкт статута Беларускага ўніверсітэта ня можа здаволіць культурна-нацыянальных патрэб Беларусі. Яго праграма па гіст.-філалагічнаму факультэту хутчэй велікаруская, але не беларуская, – так мала там мейсца беларушчыне»⁶. Главным редактором газеты был Я. Ю. Лёсик.

Ровно через месяц после публикации этого проекта 13 ноября 1918 г. произошло историческое событие: ВЦИК РСФСР аннулировал Брестский мирный договор. В условиях непрекращающихся драматичных политических преобразований, начавшейся советско-польской войны правительство новой страны, ССРБ, 25 февраля 1919 г. издало декрет об открытии БГУ. Были созданы две комиссии по организации Белорусского университета – Минская и Московская. В докладной записке, подготовленной Минской комиссией для Московской не ранее 25 февраля 1919 г., указывается среди прочего следующее обоснование необходимости открытия университета: «В Белоруссии смешанный состав населения при преобладающем русском (белорусском) племени. Здесь живут еще евреи, поляки, татары, цыгане, кое-где литовцы и латыши; вследствие чего *изучение филологических наук* возможно не только в теории, но и на практике... <...> ...Уже с 1919 г. можно было открыть в Минске 1-й курс *факультетов словесно-филологического* с отделениями белорусской и еврейской филологии, историко-политических наук (юридического), физико-математического с отделением агрономическим и медицинского» (курсив наш. – О. З.) [6, с. 40].

Белорусские представители университетской комиссии 11–18 августа 1920 г. находились в командировке в Москве. Во время выступлений члены делегации отстаивали идею создания в университете пяти факультетов: филологического, медицинского, естественного, агрономического и факультета общественных наук. Е. Ф. Карский обращал внимание на то, что открыть филологический факультет и факультет общественных наук не сложно будет уже осенью 1920 г. (см. отчет делегации: [6, с. 53–61]). В. И. Пичета в 1928 г. в статье «Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні ўніверсітэта на Беларусі» писал:

² Турок Ф. Ф. Университетская летопись // Тр. Белорус. гос. ун-та в Минске. 1922. № 1. С. 175–207; Пичета В. И. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым // Працы Беларус. дзярж. ун-ту ў Менску. 1928. № 19. С. 3–19.

³ См.: <https://time.bsu.by/ru/>.

⁴ Карскі Е. Праэкт статута Беларускага Універсітэту // Вольная Беларусь. 1918. 13 кастр. (№ 35). С. 256–260.

⁵ Там жа. С. 258. (Здесь и далее тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – О. З.)

⁶ Там жа. С. 260.

«Нарэшце, калегія навуковага секратарыята народнага камісарыята асветы РСФСР ад 18 жніўня 1920 г. паставіла ўтварыць у Мінску Дзяржаўны ўніверсітэт у складзе факультэтаў: рабочага, прыродазнаўчага, медычнага, аграрна-літаратурна-філалагічнага» [6, с. 77] (состав факультетов отличается от варианта белорусской делегации, но филологический остается).

В газете «Савецкая Беларусь» от 15 сентября 1920 г. появилась заметка следующего содержания: «Для Беларускага ўніверсітэту адведзена памяшканьне гошпітэля на Александраўскай вуліцы, з усімі акружнымі пляцамі, якія ўжо адбудовваюцца ў хуткім парадку, каб у восені можна было адчыніць філэлягічны факультэт (курсив наш. – О. З.). На днях маецца прыехаць з Масквы камісія для абсьледаваньня таго, што мае Менск для ўніверсітэту і што яшчэ патрэбна. У Маскве зацьверджана сьмета для ўніверсітэту на чатыры месяцы ў ліцу 104 мільёнаў рублёў»⁷.

Члены Московской комиссии (реорганизованной в августе) только в конце декабря 1920 г. прибыли в Минск, чтобы определить степень готовности университета к его открытию. Комиссия определила необходимость создания инициативных групп, ответственных за открытие факультетов: «Были намечены следующие группы: 1) по рабочему факультету... 2) По медицинскому факультету... 3) По историко-литер. факульт. проф. Карский, проф. Пичетта (sic!), проф. Янчук и т. Ф. Ф. Турук; 4) По естеств. факультету... 5) по агрономическому факультету...»⁸. Как видим, список факультетов соответствует постановлению от 18 августа 1920 г., которое упоминал В. И. Пичета в приведенной выше цитате из его статьи 1928 г. В процессе работы Московской комиссии профессора Н. А. Янчук и В. И. Пичета высказали мнение о возможности открытия в университете филологического факультета в здании бывшего мужского духовного училища и организации в нем библиотеки⁹.

В документах тех лет отражается варьирование названия предполагаемого факультета: филологический, историко-филологический, историко-литературный.

«Вопросы, представленные профессором М. В. Довнар-Запольским Председателю Народного секретариата», датированные 1920 г., – крайне интересный текст. Знаменитый ученый раскрывает свое видение организации университета, перечисляет предполагаемые факультеты (в том числе богословский и историко-филологический с двумя отделениями – историческим и историко-литературным). Время требовало постановки экономического фактора выше всего: «При распланировкѣ университетскаго преподаванія слѣдуетъ достигнуть наибольшаго удешевленія содержанія университета. Намѣченные мною факультеты распланировываются такимъ образомъ, что многія кафедры обслуживаютъ сразу два, или даже три факультета. Число кафедръ опредѣляется самое необходимое безъ излишней роскоши»¹⁰ [4, с. 34–36]. Следующая мысль М. В. Довнар-Запольского была такой: «Однако придется сдѣлать исключеніе для историко-филологическаго факультета и допустить на немъ извѣстнаго рода роскошь преподаванія, что вызывается національнымъ характеромъ университета. (Кафедры бѣлорусскія, польскія и литовскія)»¹¹ [4, с. 34–36]. Знаменитый историк подчеркивал культурное значение создания университета в многонациональной стране и преподавания в нем гуманитарных наук. Безусловно, БГУ имел идеологическую значимость как самый западный университет советского государства, призванный не допустить отток молодежи за рубеж¹². Без учета идеологической и политической составляющих университет не был бы открыт. Не менее важными являлись следующие факторы (об их роли постоянно говорила и писала белорусская интеллигенция): необходимость возрождения прерванной много десятилетий назад научной традиции; предоставление возможности учащимся как получать образование на родных языках, так и изучать их профессионально. Открытие этих перспектив требовало «роскоши преподавания»¹³.

Несмотря на то что усилия создателей университета были направлены на открытие среди прочих профильного факультета, предназначенного для изучения филологических дисциплин, такому факультету не суждено было появиться сразу. Это было связано в том числе с реорганизацией высшей школы

⁷ Універсітэт на Беларусі // Сав. Беларусь. 1920. 15 верас. (№ 27). С. 4.

⁸ Белорусский государственный университет // Школа и культура Сов. Белоруссии. 1921. № 1–2. С. 112.

⁹ Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

¹⁰ Там же. Л. 15–16.

¹¹ Там же.

¹² Приведем фрагмент из письма заместителя наркома просвещения БССР М. Я. Фрумкиной «т. Соловьеву», не датировано: «5. В интересах коммунизма, в интересах советской власти поставить в Минске дело так, чтобы этот далеко выдавшийся на запад аванпост советской власти был живым ярким примером советского строительства, в частности, в области национального вопроса. Многомиллионные массы Белоруссии, ныне разрезанной на части, вправе иметь (sic!) свой белорусский рассадник высшего знания» (НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 15. Л. 46–46об.).

¹³ Е. Ф. Карский в докладе на Первом Всебелорусском съезде в декабре 1917 г. выразился так: «Действительно, университет должен содействовать умственному, нравственному, эстетическому и хозяйственному возрождению Белоруссии» (перевод наш. – О. З.) [4, с. 28].

в молодом государстве. 18 апреля 1921 г. ЦИК БССР принял постановление об открытии в Минске университета в составе пяти факультетов (список их отличается от списка, утвержденного 18 августа 1920 г.): рабочего, общественных наук, медицинского, сельскохозяйственного, физико-математического [6, с. 65]. О планировании обучения на факультете общественных наук читаем в докладной записке временного правления БГУ от 2 июня 1921 г., поданной в Главное управление профессионального образования РСФСР (далее – Главпрофобр): «По предложению Главпрофобра на факультете общественных наук Белорусского государственного университета должны были быть открыты четыре отделения, а именно: 1) общественно-педагогическое с двумя циклами: школьным и внешкольным; 2) правовое с двумя циклами: судебным и административным; 3) экономическое с двумя циклами: промышленности и труда, снабжения и распределения и 4) *этнолого-лингвистическое с отделениями русского, белорусского, польского и еврейского языков*» (курсив наш. – О. З.) [6, с. 67].

В 1921 г. на отделение польского языка набора не было¹⁴. Тяжелое экономическое положение не позволило открыть пять факультетов – БГУ начал работу в составе факультета общественных наук, медицинского и рабочего факультетов.

Итак, на факультете общественных наук началась профессиональная подготовка филологов. Профессор С. З. Каценбоген, заместитель ректора, в отчете о первом году работы университета представил цифры фактического набора на факультет общественных наук: «На факультете числилось всего 739 студентов, из коих: на экономическом отделении – 237, на правовом – 195, на общественно-педагогическом – 221 и на этнологическом – 86»¹⁵. Изначально планировался больший набор (см. объявление в газете «Звезда» от 24 июля 1921 г.: «Факультет Общественных наук Белорусского Государственного Университета открывается в составе отделений: 1) этнолого лингвистического (sic!) с циклами русского, белорусского и еврейского яз. (отсутствует польское отделение. – О. З.); 2) общественно-педагогического с циклами школьными и внешкольным; 3) экономического и 4) правового. Число слушателей установлено на лингвистический и общественно-педагогический по триста (300) человек, на экономическое и правовое по сто (100) человек»¹⁶). Первым деканом факультета общественных наук стал нарком просвещения БССР, историк, будущий академик В. М. Игнатовский.

О том, как велась подготовка филологов на первом году существования БГУ, можно узнать из документации и научно-методических публикаций тех лет: отчетов ректора В. И. Пичеты и его заместителя С. З. Каценбогена, докладных записок временного правления БГУ, учебных планов, объяснительных записок к программам дисциплин и др. Само отделение называется в документах по-разному (чаще всего – этнолого-лингвистическое; существуют и другие варианты: этнолингвистическое, этнологическое). Примерные учебные планы были опубликованы в первом томе научного издания «Труды Белорусского государственного университета в Минске»¹⁷. Все курсы на этнолого-лингвистическом отделении были систематизированы по пяти разделам: 1) общие курсы; 2) основные курсы; 3) курсы факультативные (два по выбору); 4) педагогические дисциплины; 5) семинарии. Раздел «Общие курсы» был одинаковым для всех четырех секций (белорусской, русской, еврейской, польской). Раздел «Педагогические дисциплины», в зависимости от секции, на которой он был введен, имел незначительные различия.

Обращают на себя внимание большое количество дисциплин и значительный объем учебной нагрузки (любопытно, в какой мере с ней справлялась студенческая аудитория).

Из указанного выше отчета С. З. Каценбогена можно узнать, какие курсы и разделы курсов были прочитаны теми или иными лекторами на первом году подготовки филологов¹⁸. Например, в фрагменте отчета, в том числе для иллюстрации русского научно-делового подстиля начала 1920-х гг., написано: «М. Г. Сыркин прочитал на этнолого-лингвистическом отделении в 1-м и 2-м семестре курс античного искусства, не законченный по недостатку времени, а также отдельные части истории еврейского искусства. <...>

Е. И. Боричевский прочитал во 2-м семестре студентам этнолого-лингвист. отдел. курс поэтики, а также вел со слушателями упражнения в формально-эстетическом анализе образцов поэзии.

А. Н. Вознесенский прочитал в 1-м и 2-м семестре общий курс русской литературы XIX века, включая сюда писателей: Карамзина, Жуковского, Крылова, Батюшкова, Козлова, Одоевского, Рылеева,

¹⁴Спустя год после открытия университета в беседе с корреспондентом газеты «Савецкая Беларусь» профессор Н. М. Никольский объяснял это так: «У мінулым акадэмічным годзе польская сэкцыя не функцыянавала дзеля адсутнасці прафэсароў» (Пэдфак БДУ // Сав. Беларусь. 1922. 31 кастр. (№ 241). С. 4).

¹⁵Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1921/22 академический год: итоги и перспективы // Тр. Белорус. гос. ун-та в Минске. 1922. № 2–3. С. 336.

¹⁶В Госуниверситете // Звезда. 1921. 24 июля. (№ 171). С. 4.

¹⁷Турук Ф. Ф. Университетская летопись // Тр. Белорус. гос. ун-та в Минске. 1922. № 1. С. 186.

¹⁸Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1921/22 академический год... С. 335–342.

Нарежного, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя... вел также практические занятия в пределах того же общего курса русской литературы XIX в., которые состояли в том, что участники работ составляли письменные рефераты, которые читались и обсуждались в часы практических занятий.

М. Н. Петухович во 2-м семестре на этнолого-лингвист. отделении прочитал курс белорусской народной устной словесности, состоящий из следующих частей: 1) собрание произведений народной словесности; 2) обрядовая поэзия; 3) бытовая поэзия; 4) сказки и легенды; 5) духовные стихи»¹⁹.

Содержание преподаваемых курсов находилось в непосредственной связи с книжным фондом Минска. Так, в программе просеминарских занятий по истории русской литературы XIX в. А. Н. Вознесенский писал: «Схема просеминарских занятий по истории русской лит-ры строится с таким расчетом, чтобы, во-первых, углубить знакомство начинающих слушателей Уни-та с общим курсом по истории русской лит-ры 19 в., который и читается в текущем 1921–22 акад. году, и, во-вторых, путем внимательного изучения отдельных научных трудов, развить в них умение уловить основные взгляды автора известной научно построенной работы, его метод и способы его конкретного осуществления в ней. В этих видах руководителем просеминарск. занятий, применительно к книжным средствам г. Минска, предлагаются следующие примерные темы, которые имеют между собою известную генетическую связь и в конечном счете, при условии разработки их всех, дадут довольно полную и законченную картину изучаемого периода литературы.

1) Просвещение в Александровскую эпоху, 2) Общественные течения в первую четверть 19 в., 3) Декабрьское движение и литература декабристов в ее главных моментах. <...> Некоторая элементарность и широта их обуславливается не только начальной формой практикума, но и наличием в пользовании студентов, гл. об., лишь общих пособий по истории р. литературы»²⁰.

Менее чем через год после открытия университета факультет общественных наук был реорганизован. В мае 1922 г. правление БГУ приняло решение о создании нового, педагогического, факультета, руководителем которого стал В. М. Игнатовский (туда было переведено этнолого-лингвистическое отделение).

На втором году функционирования университета его создатели продолжали день за днем преодолевать огромные трудности. Еще в отчете о первом году работы С. З. Каценбоген описывал перспективы деятельности университета на новый учебный год: «За отсутствием достаточного кадра преподавательских сил в истекшем году не представлялось возможным широко развернуть работу языковых (белорусской, русской, еврейской и польской) секций этнолого-лингвистического отделения. В настоящем году лингвистическая часть обеспечена преподавательскими силами, в лице приглашенных проф. Панасюка и проф. Соколова. Для преподавания специальных предметов на секциях приглашены профессора: на кафедру русской литературы – Замотин, белорусской литературы и фольклора – академик Карский (академик от приглашения отказался. – О. З.), средневековой еврейской литературы и древнееврейского языка проф. Маркон, новейшей истории евреев – проф. Лозинский, польской истории и литературы – проф. Мархлевский и Бабинский, кроме того, ведутся переговоры со специалистами по семитской лингвистике, германской филологии, археологии и этнографии Белоруссии»²¹.

Лекторы сетовали на недостаточное количество часов и отмечали специфичность новой студенческой среды, в частности неодинаковый уровень подготовки учащихся. Так, в протоколе № 2 заседания предметной комиссии по новым и древним языкам от 24 марта 1923 г. содержится следующая информация: «Настаивать перед деканатом педфака об установлении 3-х годичного срока для прохождения языков, исходя из нижеследующих соображений.

1. Обширность программ по языкам.
2. Неподготовленность большей части студентов, начинающих изучение языков с азбуки.
3. Перегруженность студентов, имеющих, кроме учебных занятий, служебные обязанности, так как многие из них состоят на службе.
4. Недостаточность времени преподавания языков, так как для лекций по языкам не может быть предоставлено время в нормальные часы лекций вообще»²².

Составляя план лекций по старославянскому языку на 1922/23 учебный год, языковед Л. Н. Цветков замечал: «В этом учебном году предполагается пройти морфологию существительных. Быть может, удастся пройти и морфологию других имён. Что касается морфологии глагола, а также учения о формах словообразования в старо-славянском языке, то при двух сорокаминутных чтениях в неделю это

¹⁹Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1921/22 академический год... С. 338.

²⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 752. Л. 7–7об.

²¹Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1921/22 академический год... С. 351.

²²НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 755. Л. 4.

представляется слишком обширным материалом, который вместить в данное число часов невозможно. О синтаксисе сообщаются лишь краткие сведения»²³.

Материальная база педагогического факультета также оставалась крайне ограниченной. В протоколе № 1 заседания предметной комиссии по языкам от 25 февраля 1923 г. было написано следующее:

«Слушали.

3. О необходимости черных досок в аудиториях.

Постановили.

3. Просить о снабжении черными досками аудиторий, предоставленных лекторам языков, так как преподавание языков без возможности пользоваться доской сильно затрудняется»²⁴.

На заседании этой же комиссии от 22 сентября 1923 г. (номер протокола в деле не указан) вопрос приобретения классных досок ставится снова и более остро: «Просить Деканат принять срочные меры к снабжению аудиторий досками»²⁵.

Преподаватели иностранных языков столкнулись с необходимостью проведения занятий в группах, объединяющих студентов разных факультетов, что виделось в те годы целесообразным, если не единственно возможным. Преподаватель К. О. Полоновская в программе учебного плана занятий по французскому языку на 1922/23 академический год отмечала: «Во избежание чрезмерного дробления пришлось группировать студентов не по факультетам и отделениям, где изучение иностранного языка могло бы более соответствовать характеру факультета, а сообразно степени познаний студентов в избираемом ими иностранном языке»²⁶.

С. З. Каценбоген опубликовал обстоятельный отчет и о втором учебном году университета (1922/23), в котором названы дисциплины этнолого-лингвистического отделения, переведенного на педагогический факультет, перечислены курсы, а также указаны выступления на открытых лекциях, командировки и научные труды преподавателей²⁷. Автор отчета указывал на то, что «в текущем академическом году (т. е. 1923/24. – О. З.) открылись III курсы социально-исторического и этнолого-лингвистического отделений...»²⁸, а также уточнял, что «в текущем академическом году предстоит 1-й выпуск педагогов (по этнолого-лингвистическому и социально-историческому отделениям), экономистов и юристов...»²⁹. Однако первый выпуск педагогов состоялся позже. Об этом сказано в отчете за 1924/25 учебный год: «Особо надлежит отметить первый выпуск студентов Педфака: окончило курс 82 студента; из них 42 по историческому отделению, 27 по литературно-лингвистическому и 13 по естественному... Почти все окончившие были направлены на педагогическую работу, преимущественно в деревню»³⁰.

В БГУ в 1920-х гг. работали известные филологи, деятели белорусской науки и культуры. Их судьбы (нельзя не добавить – глубоко трагичные), а также научное и творческое наследие неоднократно становились и продолжают становиться темами специальных исследований (за последние годы опубликованы материалы об ученых, стоявших у истоков преподавания филологических дисциплин в БГУ: Е. И. Боричевском, П. А. Бузуке, А. Н. Вознесенском, И. В. Волке-Левановиче, И. И. Замотине, Я. Ю. Лёсике, С. М. Некрашевиче, М. Н. Пиотуховиче, Л. Н. Цветкове [8–12]).

Кого привлекало филологическое образование в 1921 г.? В документе «Список студентов II курса Педагогического факультета Этнолого-лингвист. отделения Б.Г.У. Год поступления 1921» из фондов НАРБ названы 49 студентов³¹. Среди них, например, такие известные в истории белорусской культуры личности, как З. М. Аксельрод (поэт, журналист), И. К. Белькевич (языковед; он оказался самым старшим студентом на отделении, 1883 г. р.), Ю. О. Бибилло (основатель белорусского библиотековедения; в документе фамилия приведена в форме «Бибило»), Е. Е. Киппель (общественный деятель в среде белорусской эмиграции), В. В. Чержинский (литературовед; в документе фамилия приведена в форме «Чержинский»). В списке сообщается о возрасте, происхождении, партийности, образовании, национальности студентов. Так, большинство первокурсников окончили гимназию или школу II ступени, были выпускники духовной семинарии, женского бухгалтерского училища, учительских курсов,

²³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41. Л. 67.

²⁴ Там же. Д. 755. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1922/23 академический год: итоги и перспективы // Работы Беларус. дзярж. ун-ту ў Менску. 1923. № 4–5. С. 245–247.

²⁸ Там же. С. 248.

²⁹ Там же. С. 230.

³⁰ Хроника Б.Г.У. // Работы Беларус. дзярж. ун-ту ў Менску. 1925. № 8–10. С. 332.

³¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 774. Л. 1–5, с об.

учительской семинарии, педтехникума, высших женских курсов в Киеве. Социальное положение указано у 12 студентов: 8 школьных работников, 2 служащих, зубной врач и крестьянин. Не все студенты первого набора окончили университет.

Известно, что в 1920-х гг. в БГУ поступали учиться писатели, определявшие облик белорусской литературы той эпохи: А. Бабареко, Т. Кляшторный, К. Крапива, М. Лужанин, А. Дудар, А. Александрович, М. Зарецкий (правда, трое последних в 1928 г. открыто (с публикацией в печати) заявили об уходе из университета) и другие знаменитые деятели.

В середине – второй половине 1920-х гг. этнолого-лингвистическое отделение называлось также литературно-лингвистическим.

Заклучение

Совет народных комиссаров БССР 28 июля 1931 г. постановил преобразовать педагогический факультет БГУ в самостоятельный Белорусский государственный высший педагогический институт, куда была переведена подготовка филологов. В 1939 г. правительство снова пересмотрело вузовскую концепцию, и задача обеспечения филологического образования вернулась к университету. В газетах весны – лета 1939 г. содержатся объявления с приглашением абитуриентов поступать на филологический факультет БГУ³²; в университетской печати появляются фотографии и творческие «пробы пера» первокурсников нового факультета³³. Однако профессиональное филологическое сообщество БГУ было сформировано задолго до этого – в те годы, когда первые университетские преподаватели, в том числе языковеды и литературоведы, закладывали основы белорусской высшей школы.

Библиографические ссылки

1. Цыхун ГА. З гісторыі беларускай славістыкі. У: Супрунчук МВ, складальнік. *Беларусістыка, славістыка, арэальная лінгвістыка: выбраныя працы*. Мінск: Права і эканоміка; 2011. с. 299–340.
2. Чарнякевіч Ц. Спрэчка дзвюх культур: абмеркаванне дакладу В. Воўк-Левановіча 1 лютага 1924 г. у кантэксце філалагічнай навукі Беларусі 1920-х гадоў. *Асоба і час*. 2011;4:346–365.
3. Прыгодзіч МР. Беларуская мова як складнік гісторыі і сучаснасці БДУ. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;2:5–12.
4. Запрудскі СМ. *Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады*. Мінск: БДУ; 2013. 367 с.
5. Запрудскі С. Беларуская лінгвістыка 1920-х гг. в ее отношениях с властью. *Studia Białorusinistyczne*. 2014;8:139–156.
6. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі. *Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт*. 1921–1941. Мінск: БДУ; 2006. 383 с. (Memoria et Gloria).
7. Шумейка МФ. К вопросу о роли академика Е. Ф. Карского в создании Белорусского государственного университета. В: Брянский государственный университет. *Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 18*. Брянск: РИО Брянского государственного университета; 2016. с. 115–138.
8. Абламейко СВ, Бригадин ПИ, Грибко ИЛ, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941)*. Абламейко СВ, Яновский ОА, редакторы. Мінск: БГУ; 2017. 303 с.
9. Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Король АД, Яновский ОА, редакторы. Мінск: БГУ; 2019. 335 с.
10. Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981)*. Король АД, Яновский ОА, редакторы. Мінск: БГУ; 2020. 303 с.
11. Малюгин ОИ, Максимчик АН. И. В. Волк-Леванович и его воспоминания: штрихи к портрету лингвиста. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;2:59–79.
12. Свістунова МІ. Леў Цвяткоў: рэдактар, паэт, перакладчык – новыя штрыхі да партрэта філалага. В: Казакова ИВ, редактор. *Женщины-ученые Беларуси и России: материалы Международной научно-практической конференции; 26 марта 2021 г.; Минск, Беларусь*. Мінск: БГУ; 2021. с. 305–315.

References

1. Cyhun GA. [From the history of Belarusian Slavic studies]. In: Suprunchuk MV, compiler. *Belarusistyka, slavistyka, areal'na lingvistyka: vybranyja pracy* [Belarusian studies, slavic studies, areal linguistics: selected works]. Minsk: Law and economics; 2011. p. 299–340. Belarusian.
2. Charnjakevich C. [The two cultures dispute: discussion of V. Volk-Levanovich's report on 1924 February 1 in the context of the philological science of Belarus in the 1920s]. *Asoba i chas*. 2011;4:346–365. Belarusian.

³²См.: За ленін. кадры. 1939. 24 мая (№ 11) ; Звязда. 1939. 14 июля (№ 159) ; Сов. Белоруссия. 1939. 21 июля (№ 165).

³³См.: За ленін. кадры. 1939. 16 верас. (№ 12) ; Там жа. 1939. 29 верас. (№ 13) ; Там жа. 23 кастр. (№ 14).

3. Pryhodzich MR. The Belarusian language as an integral part of history and modernity of the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;2:5–12. Belarusian.
4. Zaprudski SM. *Belaruskae movaznavstva i razvicio belaruskaj litaraturnaj movy: 1920–1930-ja gady* [Belarusian linguistics and the development of the Belarusian literary language: 1920–1930s]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 367 p. Belarusian.
5. Zaprudski S. [Belarusian linguistics of the 1920s in her relationship with the authorities]. *Studia Bialorutenistyczne*. 2014;8: 139–156. Russian.
6. Hodzin SM, Shumejka MF, Janowski AA, compilers. *Pamjac' i slava: Belaruskij dzjarzhawnyj wniwersytet. 1921–1941* [Memory and glory: the Belarusian State University. 1921–1941]. Minsk: Belarusian State University; 2006. 383 p. (Memoria et Gloria). Russian.
7. Shumeiko MF. [On the question of the role of Academician E. F. Karsky in the creation of the Belarusian State University]. In: Bryansk State University. *Problemy slavyanovedeniya. Sbornik nauchnykh statej i materialov. Vypusk 18* [Problems of Slavonic studies. Collection of scientific articles and materials. Issue 18]. Bryansk: The editorial and publishing department of the Bryansk State University; 2016. p. 115–138. Russian.
8. Ablameiko SV, Brigadin PI, Gribko IL, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1941)* [Intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Ablameiko SV, Yanovskii OA, editors. Minsk: Belarusian State University; 2017. 303 p. Russian.
9. Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1961)* [Intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, Yanovskii OA, editors. Minsk: Belarusian State University; 2019. 335 p. Russian.
10. Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1981)* [Intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1981)]. Korol' AD, Yanovskii OA, editors. Minsk: Belarusian State University; 2020. 303 p. Russian.
11. Maliugin OI, Maksimchik AN. J. V. Volk-Levanovich and his memories: touches on the portrait of linguist. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;2:59–79. Russian.
12. Svistunova MI. [Lev Tsvetkov: editor, poet, translator – new touches to the portrait of the philologist]. In: Kazakova IV, editor. *Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Rossii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26 marta 2021 g.; Minsk, Belarus* [Women scientists of Belarus and Russia: materials of the International scientific-practical conference; 2021 March 26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 305–315. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 24.09.2021.
Received by the editorial board 24.09.2021.

УДК 821.161.3

ЭГО-ДОКУМЕНТ «СВОИ СТРАНИЦЫ» (1952–1983) ЯНКИ БРЫЛЯ В НАРРАТОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ

О. Н. ГУБСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

XX в. характеризуется активным развитием документально-художественной, фактографической литературы, с одной стороны, и исследовательским интересом к роли факта в литературном произведении – с другой. Уровень развития литературоведения в XXI в. дает возможность сконцентрировать исследовательское внимание не только на роли реального факта в литературном произведении, но и благодаря открытиям семиотики и инструментам нарратологии на процессе, актуализирующемся этим фактом. Имеются в виду авторская рефлексия на определенное событие, иногда выступающая импульсом для формирования высказывания, удаленного от факта, более объемного, чем факт; выражения, демонстрирующие и мировосприятие писателя, и картину культуры конкретной эпохи в целом. Такое понимание роли факта в литературном произведении, во-первых, дает возможность понять автообраз, «автопортрет» писателя, который иногда отличается от зафиксированного биографами; во-вторых, помогает воссоздать культурную картину эпохи; в-третьих, позволяет продемонстрировать роль документального и художественного дискурсов эго-документа. Также отмечается, что в белорусской литературе понятие «эго(я)-документ» более емкое (широкое), чем «литература факта», так как не только информирует о наличии фактографизма, но и концентрирует внимание и на образе реального писателя, и на образе нарратора, и на образе автора. Высказывается мнение, что эго-документ в белорусской литературе скорее всего приобретет самостоятельное, отдельное от литературы факта, значение. Цель статьи – с помощью приемов нарратологии раскрыть коммуникативный потенциал эго-текста, т. е. проанализировать литературное произведение сразу на нескольких текстовых

Образец цитирования:

Губская ВМ. Эго-документ «Свои страницы» (1952–1983) Янки Брыля ў нарраталагічным прачытанні. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;3:14–28.

For citation:

Gubskaya ON. Ego-document «My pages» (1952–1983) by Yanka Bryl in narratological reading. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3:14–28. Belarusian.

Автор:

Ольга Николаевна Губская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского и русского языков факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Olga N. Gubskaya, PhD (philology), docent; head of the department of Belarusian and Russian languages, faculty of international business communications.
o_gubskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8066-4207>

уровнях: *событие – наррация – дискурс, события в произведении – исторический контекст*, отношения *реальный автор – нарратор – читатель*. В качестве материала для изучения выступает литературное произведение Янки Брыля «Свои страницы» (1952–1983). В результате исследования делаются следующие выводы: в произведении наблюдается дробление повествовательной инстанции (нарратор может выступать как хроникер и свидетель); нарративная модель создается двумя видами нарратива (дневниковый (автобиографический) и мемуарный); для произведения характерен двойственный хронотоп (внешний, с наличием интенций официального государственного дискурса – авторитетного слова, и внутренний, очерченный присутствием авторского слова в произведении).

Ключевые слова: эго-документ; литература факта; нарратив; хронотоп; нарратор; коммуникативное событие.

ЭГА-ДАКУМЕНТ «СВАЕ СТАРОНКІ» (1952–1983) ЯНКІ БРЫЛЯ Ў НАРАТАЛАГІЧНЫМ ПРАЧЫТАННІ

В. М. ГУБСКАЯ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь*

XX ст. характарызуецца актыўным развіццём дакументальна-мастацкай, фактаграфічнай літаратуры, з аднаго боку, і даследчыцкай цікавасцю да ролі факта ў літаратурным творы – з другога. Узровень развіцця літаратуразнаўства ў XXI ст. дае магчымасць сканцэнтравана даследчыцкую ўвагу не толькі на рэальнага факта ў літаратурным творы, але і дзякуючы адкрыццям семіётыкі і інструментам нараталогіі на працэсе, які актуалізуецца гэтым фактам. Маюцца на ўвазе аўтарская рэфлексія паводле пэўнай падзеі, што часам выступае імпульсам для фарміравання выказвання, аддаленага ад факта, больш аб'ёмнага, чым факт; выказвання, якое дэманструе і светаўспрыманне пісьменніка, і стан культуры канкрэтнай эпохі ў цэлым. Такое разуменне ролі факта ў літаратурным творы дазваляе, па-першае, зразумець аўтавобраз, «аўтапартрэт» пісьменніка, які часам адрозніваецца ад зафіксаванага біёграфіямі; па-другое, дапамагае ўзнавіць культурную карціну эпохі; па-трэцяе, дае магчымасць прадэманстраваць ролю дакументальнага і мастацкага дыскурсаў эга-дакумента. Таксама адзначаецца, што ў беларускай літаратуры паняцце «эга(я)-дакумент» больш ёмістае (шырокае), чым паняцце «літаратура факта», бо не толькі інфармуе пра наяўнасць фактаграфізму, але і канцэнтруе ўвагу і на асобе рэальнага пісьменніка, і на вобразе наратара, і на вобразе аўтара. Выказваецца меркаванне, што эга-дакумент у беларускай літаратуры хутчэй за ўсё набудзе самастойнае, адасобленае ад літаратуры факта, значэнне. Мэта артыкула – з дапамогай прыёмаў нараталогіі раскрыць камунікатыўны патэнцыял эга-тэксту, гэта значыць прааналізаваць літаратурны твор адразу на некалькіх тэкставых узроўнях: *падзея – нарацыя – дысккурс, падзеі ў творы – гістарычны кантэкст*, адносіны *рэальны аўтар – наратар – чытач*. У якасці матэрыялу для вывучэння выступае літаратурны твор Янкі Брыля «Свае старонкі» (1952–1983). У выніку даследавання робяцца наступныя высновы: у творы назіраецца драбленне апавядальнай інстанцыі (наратар можа выступаць як хронікёр і сведка); наратыўная мадэль ствараецца двума відамі наратыву (дзённікавы (аўтабіяграфічны) і мемуарны); для твора характэрны дваісты хранатоп (знешні, з наяўнасцю інтэнцый афіцыйнага дзяржаўнага дыскурсу – аўтарытэтнага слова, і ўнутраны, акрэслены прысутнасцю аўтарскага слова ў творы).

Ключавыя словы: эга-дакумент; літаратура факта; наратыў; хранатоп; наратар; камунікатыўная падзея.

EGO-DOCUMENT «MY PAGES» (1952–1983) BY YANKA BRYL IN NARRATOLOGICAL READING

O. N. GUBSKAYA^a

^a *Belarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus*

The 20th century is characterised by the active development of documentary-fiction (creative non-fiction), factual literature, on the one hand, and research interest in the role of fact in a literary work, on the other. The level of development of literary criticism in the 21st century makes it possible to focus research attention not only on the role of a real fact in a literary work, but, thanks to the discoveries of semiotics and the tools of narratology, on the process actualised by this fact. This refers to the author's reflection on a certain event, sometimes acting as an impulse for the formation of an expression that is removed from the fact, more voluminous for the fact; an expression that demonstrates both the

writer's worldview and the picture of the culture of a particular epoch as a whole. Such an understanding of the role of a fact in a literary work will allow, firstly, to understand an auto-image, a «self-portrait» of the writer, which sometimes differs from the image recorded by biographers; secondly, it will help to recreate the cultural picture of the world; thirdly, it will allow us to demonstrate the role of documentary and fiction discourses of the ego-document. It is also noted that in Belarusian literature, the concept of ego-document is more capacious (broad) than fact literature, since it not only informs about the presence of factography, but also focuses attention on real writer, on the image of the narrator, and on the image of the author. The opinion is expressed that the ego-document in the Belarusian literature is likely to acquire an independent, separate meaning from the literature of fact. The purpose of the article is to reveal the communicative potential of the ego-text using the techniques of narratology; that is, to analyse a literary work at several textual levels at once: *event – narration – discourse, events in the text – historical context*, the relationship *real author – narrator – reader*. The research material is the literary work «My pages» (1952–1983) by Yanka Bryl. As a result of the research, the following conclusions are made: there is a fragmentation of the narrative instance in the work: the narrator can act as a chronicler and a witness; the narrative model is created by two types of narrative-diary (autobiographical) and memoir; the work is characterised by a dual chronotope: external, which is characterised by the presence of intentions of the official state discourse – the authoritative word, and internal, outlined by the presence of the author's word in the work.

Keywords: ego-document; literature of fact; narrative; chronotope; narrator; communicative event.

Уводзіны

Мемуарная проза, аўтарскія нататкі, дзённіковыя запісы ўваходзяць у парадыгму дакументальна-мастацкай літаратуры, дэманструючы якасці эга-дакумента. Чым выклікана актыўнае развіццё дакументальна-мастацкай, фактаграфічнай літаратуры менавіта ў XX ст.? Як адзначае В. М. Стральцова, «грамадска-палітычны кантэкст канца 80-х – пачатку 90-х гадоў XX ст. (разбурэнне сацыялістычнай сістэмы, працэсы дэмакратызацыі і г. д.) стварыў надзвычай спрыяльныя ўмовы для развіцця літаратуры, дзе на першы план выходзіць асобавы аўтарскі пачатак. Значная колькасць пісьменніцкіх дзённікаў і мемуараў, эпістэлярных публікацый і нататкаў, лірычных мініячур і запісаў, якія выйшлі з друку на працягу постперабудовачнага дзесяцігоддзя, дае падставы меркаваць, што наспела пільная неабходнасць асэнсаваць гэту літаратурную сітуацыю як з'яву эстэтычнага, псіхалагічнага, гісторыка-літаратурнага характару»¹. Менавіта ў яе навуковым даследаванні «Беларуская аўтабіяграфічная проза канца XX стагоддзя як мастацкая сістэма» адбылася спроба «сістэматызаванага гісторыка-тэарэтычнага разгляду аўтабіяграфічнай прозы як асобнага віду дакументальна-мастацкай літаратуры, як спецыфічна шматжанравай катэгорыі зместу, дзе вызначальнай (дыферэнцыяльнай) прыкметай выступае фактычная дакладнасць, сапраўднасць аўтабіяграфічных і аўтапсіхалагічных рэалій, закладзеных у структуру твора»².

Варта адзначыць, што цікавасць да літаратуры з асабовым аўтарскім пачаткам³ узнікла і ў рускай літаратуры. Расійская даследчыца Е. Г. Месцергазі сцвярджае, што гэта звязана з «адначасова заўважнай і ў літаратуры, і ў жыцці, і ў кіно, і ў сацыялогіі, і ў гісторыі (у медыявістыцы і не толькі), і ў іншых галінах глыбіннай цікавасцю культуры XX–XXI стагоддзяў да гісторыі прыватнага жыцця і што-дзённасці як галіны творчасці»⁴ [1, с. 45].

Пры гэтым важна падкрэсліць, што цікавасць да ролі факта ў літаратурным дыскурсе ў беларускай і рускай літаратурах носіць розны характар. У рускай літаратуры цікавасць да факта як самастойнага элемента твора ўзнікла яшчэ ў XIX ст. праз творчыя пошукі Ф. М. Дастаеўскага, які пісаў: «Хто ж будзе іх [газетныя факты] заўважаць, іх тлумачыць і запісваць?»⁵. Як адзначае П. В. Паліеўскі, «ён [Дастаеўскі] бачыць іх мастацкую магчымасць ужо ў тым, “што яны факты” – нейкае асаблівае пісьменства, часткова фантастычнае, наступленне мастацкага сэнсу знутры самога матэрыялу» [2, с. 133]. Наступны этап увагі да факта можна звязаць з росквітам авангарда і ўзнікненнем творчага аб'яднання «Левы фронт мастацтваў» (ЛЕФ), які пачаў выпускаць зборнік «Літаратура факта» (1929). Нягледзячы на тое, што дэкларатыўна пра ролю факта ў зборніку ЛЕФа выказваліся быццам бы і аб'ектыўна («Вельмі сумна і вельмі нецікава збіраць факты, удумвацца ў гэтыя факты, звязваць іх; больш эфектна і значна прасцей напісаць бутафорскую аповесць, у якой усё было б як у оперы, як у тэатры. Але бутафорыя пры ўсёй сваёй знешняй займальнасці і эфектнасці рана ці позна выявіцца, і бутафорскія

¹ Стральцова В. М. Беларуская аўтабіяграфічная проза канца XX стагоддзя як мастацкая сістэма : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : па спец. 10.01.01; 10.01.08. Мінск : НАН Беларусі, 2000. С. 1.

² Там жа. С. 2.

³ Тэрміналагічным варыянтам можа выступаць паняцце «эга-дакумент». – В. Г.

⁴ Тут і далей пераклад наш. – В. Г.

⁵ Биография, письма и заметки. Из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб. : Тип. А. С. Суворина; 1883. С. 267.

аповесці і апавяданні, якія, можа быць, у першы момант іх з'яўлення і ствараюць некаторае ўражанне, забываюцца вельмі хутка, а фіксацыя і мантаж фактаў застаюцца назаўжды» [3, с. 80]), П. В. Паліеўскі характарызуе іх дзейнасць не так аптымістычна: «Прынцып цікавай чалавечай асобы быў не проста забыты, але наўмысна выгнаны. Звышсучасная тэхніка вынаходзілася, але не для таго, каб з жыццёвага факта што-небудзь каштоўнае і чалавечае атрымаць, а каб нешта новае і запатрабаванае сканструяваць, скласці. У мастацкім сэнсе гэта была тэхніка гвалту. Яе абслугоўваў прынцып “мантажу”: скласці дакументальныя ўрыўкі так, каб яны выказалі зададзены тэзіс» [2, с. 142].

Сапраўднае натуральнае жыццё факт атрымаў, на думку П. В. Паліеўскага, «разам з сусветным узрушэннем апошняй вайны. Яе плынь адсунула ад людзей усё мінулае далёка назад і прывяла да новага адчування жыцця. <...> Сталі выкрывацца паверхні, агаляючы на злome свет, што пераўзыходзіў сваёй насычанасцю любыя здагадкі. Дакумент, якому пашчасціла прыняць у сябе такое імгненне, – заўсёды адкрыццё, і да яго можна вяртацца столькі ж, колькі да класічнага твора» [2, с. 146–150]. Такім чынам, у рускай літаратуры факт выступіў гатовым вобразам пасля падзей Другой сусветнай вайны.

У беларускай літаратуры гэта адбылося значна раней – у дакументальна-аўтабіяграфічнай кнізе М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне» (1926). Як адзначае З. Трацяк, «Гарэцкі пайшоў на незвычайны для беларускай літаратуры таго часу фармальны эксперымент, спалучыўшы пад адной вокладкай розныя тыпы аповеду: эпістальны, дзённіковы і традыцыйны» [4, с. 138].

Такім чынам, пакуль у рускай літаратуры члены ЛЕФа ставілі эксперыменты над фактам, у беларускай стваралася тая сапраўдная літаратура факта з паглыбленай увагай да жыццёвых рэалій, якая сёння стаіць у адным шэрагу з творамі Э. Хэмінгуэя і А. Барбюса.

Паняцце «літаратура факта» ўсё больш трывала замацоўваецца ў сучасным літаратуразнаўстве, часам выступаючы «як сінонім дакументальнай літаратуры (куды можна аднесці мемуары, біяграфію, аўтабіяграфію і інш.)» [1, с. 39]. Паралельна можна сустрэць сацыялагічны тэрмін «эга-дакумент», які прыйшоў у літаратуразнаўства ў 1970-я гг. у якасці абагульняючага наймення «такіх дакументальных жанраў, як дзённікі, запісныя кніжкі, лісты, аўтабіяграфіі, нататкі, успаміны і мемуары» [1, с. 45]. Менавіта разгляду эга-дакумента як асобнай, самастойнай камунікатыўнай стратэгіі ў беларускай літаратуры і будзе прысвечаны далейшы артыкул.

Вынікі і іх абмеркаванне

Відавочна, што памкненне да адэкватных, як мага больш дакладных ведаў пра рэальную аснову, на якой грунтуецца літаратура факта, усё часцей становіцца аб'ектам увагі даследчыкаў. Так, Л. Ф. Луцэвіч адзначае, што «дакументальнасць у літаратуры – гэта перш за ўсё інтэнцыя, гэта значыць імкненне да факта як да нейкай данасці падзеі, да выяўнасці асобы ці рэчы, псіхічнага, інтэлектуальнага стану і інш., далей – якасць думкі (“прывязанай” да факта) і, нарэшце, разнастайнасць тэксту (якая культывуе разнастайныя спосабы, формы праўдападабенства)» [5, с. 45–46]. Дадзеная трактоўка дакументальнасці відавочна вылучае асобу пісьменніка і яго ўнутраны стан на першы план літаратурнага твора. Гэта абсалютна лагічна, бо для працы з літаратурай факта важнай з'яўляецца канцэнтрацыя не столькі на ролі рэальнага (жыццёвага, гістарычнага) факта як сюжэтастваральнага элемента, колькі на асобе апавядальніка (наратора), спосабе нарацыі і тым вобразе свету, які нам прэзентуецца праз актуалізацыю гэтага самага факта. У дадзеным выпадку матэрыял, які пацвярджаецца фактам, разам з яго суб'ектыўнай падачай робіцца больш інфарматыўным, каштоўным, пазнавальным, чым непасрэдны фактаграфізм.

Менавіта па названай прычыне паняцце «эга-дакумент», на наш погляд, дастаткова ўпэўнена замацоўваецца ў сучасным міжнародным літаратуразнаўчым дыскурсе, набываючы папулярнасць. І нягледзячы на тое, што дэфініцыя гэтага паняцця знаходзіцца ў працэсе фарміравання, яно яшчэ даволі шырокае і недастаткова акрэсленае, аднак яго адметная сэнсавая сутнасць ужо замацавалася ў навуковым ужытку. Працэс фарміравання новых літаратуразнаўчых тэрмінаў Л. Ф. Луцэвіч звязвае з навуковакрытычнай рэфлексіяй, «...якая выпрацоўвае катэгорыі і паняцці для асэнсавання зменлівых літаратурных формаў. <...> ...XX стагоддзе ўсё часцей і часцей называюць “стагоддзем дакумента”. Відаць, усебаковае яго асэнсаванне яшчэ наперадзе, хоць і цяпер ужо намецілася нямала плённых падыходаў, пераважна індуктыўных, сутнасць якіх вызначаецца характарам з'явы даследавання» [5, с. 44–45].

На наш погляд, паняцце «эга(я)-дакумент» больш ёмістае (шырокае), чым паняцце «літаратура факта», бо не толькі інфармуе пра наяўнасць фактаграфізму, але і канцэнтруе ўвагу і на асобе рэальнага пісьменніка, і на вобразе наратора. Больш за тое, эга-дакумент у беларускай літаратуры хутчэй за ўсё набудзе самастойнае, адасобленае ад літаратуры факта значэнне: ці правільна лічыць эга-дакументам творы С. Алексіевіч, кнігу Я. Брыля, А. Адамовіча і У. Калесніка «Я з вогненнай вёскі», заснаваныя на шматгалосці рэспандэнтаў, ці можна паставіць іх у адзін шэраг з я-гучаннем голаса А. Адамовіча ў заповесці «Vixi» ці з голасам Я. Брыля ў мініяцюрах? У творах са шматгалосным гучаннем нель-

га, бо там мы маем справу з асабістай гісторыяй персанажа (я-гісторыяй); аднак усе гэтыя я-гісторыі з'яўляюцца яшчэ і канструктам аўтара, які транслюе іх як своеасаблівы, адзіны агульны факт гісторыі. Так, пісьменніца С. Алексіевіч нават у назвах сваіх твораў акцэнт увагі не на я-персанажы, а на пэўным зборным вобразе: «У вайны не жаночы твар» (зборны вобраз жанчыны на вайне), «Цынкавыя хлопчыкі» (зборны вобраз маладога салдата), «Чарнобыльская малітва» (зборны вобраз відавочца трагедыі) і г. д. Тое ж самае можна сказаць і пра спецыфіку нарацыі ў творы Я. Брыля, А. Адамовіча і У. Калесніка «Я з вогненнай вёскі». Нягледзячы на тое што ў назве зроблены акцэнт на асобе (я-персанажы), сам твор дэманструе нам сукупнасць лёсаў, гісторый, трагедый, якія разам складаюць гістарычны факт трагедыі мірнага насельніцтва ў ваенны час.

Беларуская даследчыца Л. Д. Сінькова вельмі трапна адзначыла: «На справе ці не кожны тэрмін, народжаны ў пэўнай культурнай традыцыі, мае свае істотныя нюансы, якія неабходна высвятляць, бо яны дазваляюць убачыць вядомае з новага боку» [6, с. 70]. Істотнае сэнсавое адрозненне, а значыць, асобнае прызначэнне паняццяў «літаратура факта» і «эга-дакумент», хутчэй за ўсё і стане той адметнасцю ў тэрміналагічнай сістэме, што сфарміравалася ў межах беларускай літаратуры.

Узровень развіцця літаратуразнаўства ў ХХІ ст. дае магчымасць сканцэнтравана даследчыцкую ўвагу не толькі на ролі рэальнага факта ў літаратурным творы, але і дзякуючы адкрыццям семіётыкі і інструментам нараталогіі на працэсе, які актуалізуецца гэтым фактам. Тут маецца на ўвазе аўтарская рэфлексія паводле пэўнай падзеі, якая часам выступае імпульсам для фарміравання выказвання, аддаленага ад факта, больш аб'ёмнага за факт; выказвання, якое дэманструе і светаўспрыманне пісьменніка, і, па сутнасці, карціну культуры канкрэтнай эпохі ў цэлым.

Што нам дасць такое разуменне ролі факта ў літаратурным творы? Па-першае, дазволіць расчытаць аўтавобраз, «аўтапартрэт» пісьменніка, які часам адрозніваецца ад зафіксаванага біёграфамі; па-другое, дапаможа ўзнавіць культурную карціну эпохі; па-трэцяе, дазволіць прадэманстраваць ролю дакументальнага і мастацкага дыскурсаў у з'яўленні эга-дакумента.

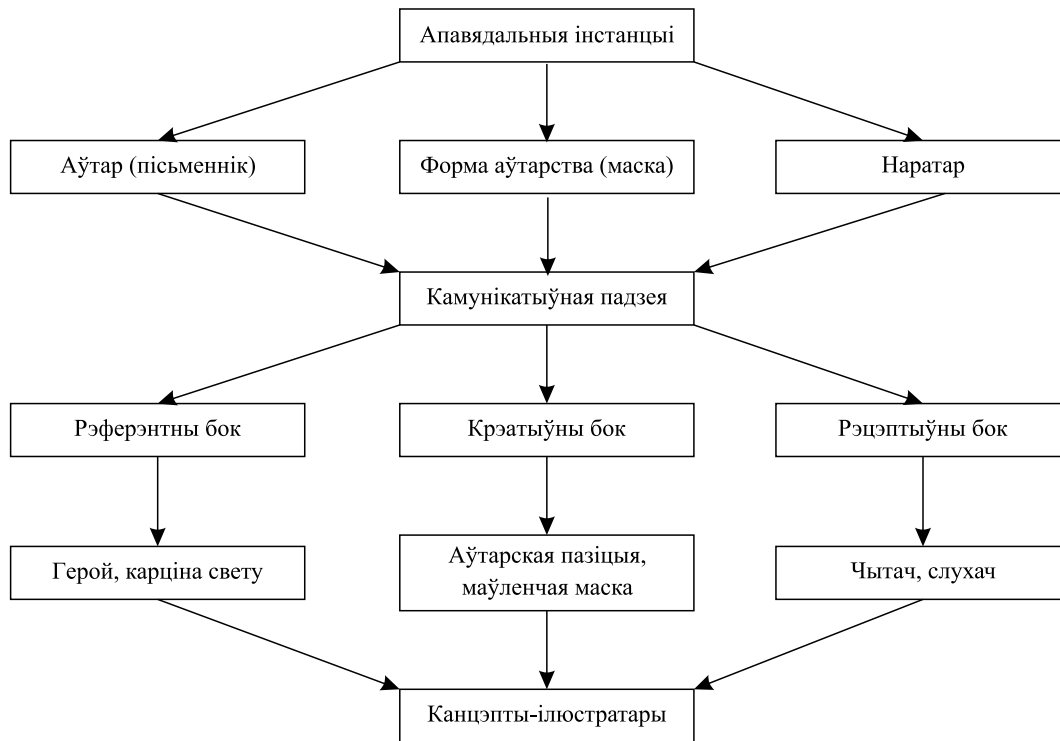
Для пісьменніка эга-дакумент – гэта акт камунікацыі з чытачом, абсалютна свядомы працэс дэманстрацыі ўласных думак шырокаму колу сваіх прыхільнікаў; для чытача, адпаведна, – вельмі прыдатны матэрыял для вывучэння Я пісьменніка. Ён дазваляе нам зразумець, як сам творца ўспрымае сябе, як ацэньвае свае стасункі з акружэннем, як рэагуе на гістарычныя і палітычныя змены ў грамадстве. Адным словам, такі фармат літаратуры дае нам магчымасць усвядоміць я-рэчаіснасць і я-рэальнасць у падачы пісьменніка.

Трэба адзначыць, што паняцце «эга-дакумент» актуалізуе паняццёвую пару *перадтэкст* – *эга-тэкст*. Гэтыя паняцці актыўна выкарыстоўвае М. Б. Міхееў у сваёй манаграфіі «Дзёнік як эга-тэкст (Расія, ХІХ–ХХ)» (2007), даючы ім наступную фармулёўку: «Перад-тэкст у маім разуменні – гэта тэкст у яго няскончаным, чарнавым выглядзе, да якога аўтар яшчэ мяркуе вярнуцца, каб яго перапісаць або дапоўніць. У адрозненне ад таго, як ужываецца гэты тэрмін у тэорыі інтэртэкстуальнасці, тут важная прынцыповая незавершанасць такога роду тэксту. У наступным тлумачальным паняцці – эга-тэкст – істотныя абедзве прыкметы: (1) – гэта тэкст пра сябе самога, гэта значыць які мае сваім аб'ектам абставіны жыцця самога аўтара, і (2) – тэкст, напісаны з суб'ектыўнага аўтарскага пункту гледжання, гэта значыць, чалавекам з эгацэнтрчнай пазіцыі» [7, с. 6].

Такім чынам, каб распачаць даследчую працу над эга-тэкстам, трэба дакладна ўсвядоміць: мы маем завершаны літаратурны твор, які пісьменнік рыхтаваў для чытача, ці перадтэкст, які стаў вядомым у сваім незавершаным выглядзе. Ідэальным можна лічыць варыянт, калі захаваліся і чарнавікі, і выніковы тэкст, аднак, на нашу думку, добрым фільтрам для фіксацыі ступені мастацкай апрацаванасці эга-дакумента могуць з'яўляцца публіцыстычныя матэрыялы пісьменніка⁶.

Адзначым, што факт (у тым ліку і ў літаратуры факта) не можа існаваць у творы сам па сабе, нават калі ён пашпартызаваны, гэта значыць заяўлены аўтарам і трактаваны наратарам як аб'ектыўная рэальнасць. Ён усё роўна рэалізуецца (раскрываецца) праз сродкі пэўнай наратывнай стратэгіі і тым самым падкрэслівае камунікатыўны намер аўтара. Такім чынам, працэс напісання літаратурнага твора – гэта акт камунікацыі аўтара з патэнцыйным чытачом. Адпаведна, любы літаратурны тэкст, дзе задума пісьменніка транслюецца праз наратара, з'яўляецца камунікатыўнай падзеяй, якая змяшчае тры бакі: рэфэрэнтны, крэатыўны, рэцэптыўны. Схематычна гэта паказана на малюнку ніжэй. Больш падрабязна гэтая тэорыя раскрываецца ў працы В. І. Цюпы «Нараталогія як аналітыка апавядальнага дыскурсу».

⁶Рэалізацыя падобнага прыёму даследавання прадэманстравана намі. Гл.: Губская В. М. Эга-дакумент як камунікатыўная падзея ў літаратурным працэсе (на прыкладзе аўтабіяграфічнай аповесці А. Адамовіча «Vixi») // Bialorutenistyka Bialostoka. 2021. Т. 13. С. 75–90.

Структура тэксту як камунікатыўнай падзеі
The structure of the text as a communicative event

Наколькі прадуктыўным можа быць інструментарый нараталогіі для аналізу эга-дакумента? Ці можна ў звычайных аўтабіяграфічных нататках вылучыць наратара, слова якога гучыць асобным голасам? Грунтоўны адказ на гэтае пытанне дае В. Шмід: «Апавядальны тэкст не можа быць цалкам вольны ад сімптомаў [знакаў прысутнасці наратара]. Паколькі тэкст непазбежна ўтрымлівае індэксы імпліцытнага адлюстравання, хоць бы і ў самай рэдукаванай форме, мы зыходзім з таго, што ў кожным апавядальным творы непазбежна прысутнічае наратар» [8, с. 43–44]. Вобразна кажучы, нараталагічны аналіз – гэта рэнтген літаратурнага твора, які высвятляе не толькі яго ўнутраную будову, але і камунікатыўныя магчымасці.

Калі наратыў у творы з’яўляецца камунікатыўным актам, то нас цікавіць, якімі камунікатыўнымі стратэгіямі карыстаецца пісьменнік, якую карціну свету транслюе твор як камунікатыўная падзея (у якой ступені адпаведную рэчаіснасці або выдуманую, эмацыйна афарбаваную або максімальна фактаграфічную), якая ў цэлым мадэль арыгінальнага засваення свету прадстаўлена ў творы.

Наша мэта – з дапамогай прыёмаў нараталогіі раскрыць камунікатыўны патэцыял эга-тэксту, гэта значыць прааналізаваць літаратурны твор адразу на некалькіх тэкставых узроўнях:

- *падзея – нарацыя – дыскурс* (вызначэнне інтэрферэнцыі дакументальнага і мастацкага дыскурсаў у эга-дакуменце, характарыстыка трансфармацыі рэальнага факта падчас яго пераўвасаблення ў нарацыю);
- *падзеі ў творы – гістарычны кантэкст* (фіксацыя наяўнасці ўнутранага і знешняга хранатопай);
- *рэальны аўтар – наратар – чытач* (вывучэнне суадносін вобраза наратара і рэальнага пісьменніка, ступені іх набліжанасці, вызначэнне аўтарскай прысутнасці ў творы, узораў расшчаплення наратыўнай інстанцыі).

Раскрыццё сутнасці гэтых узаемаадносін прадэманструем на матэрыяле літаратурнага твора Я. Брыля «Свае старонкі» (1952–1983), «сапраўднага майстра дзённікавых запісаў» [6, с. 74].

Варта адзначыць, што творчасць Я. Брыля, класіка беларускай літаратуры, даследаваная дастаткова. Толькі ў апошнія тры дзесяцігоддзі яе вывучэннем займаліся В. Стральцова⁷, А. Альштынук [9], Д. Бугаёў [10], А. Верабей [11], Т. Дасаева [12], Г. Кісліцына [13], Р. Казлоўскі [14], В. Нікіфарава [15], Г. Тварановіч [16]. Аднак даследчыкі ў асноўным карысталіся культурна-гістарычнай метадалогіяй: іх

⁷Стральцова В. М. Беларуская аўтабіяграфічная проза канца XX стагоддзя як мастацкая сістэма...

цікавілі пытанні тэматычнай разнастайнасці і жанравай асаблівасці твораў пісьменніка, разглядалася лірычная мініяцюра як аўтарскае адкрыццё ў малой прозе, вывучалася асоба пісьменніка ў кантэксце сусветнай літаратуры. Пры гэтым аўтабіяграфічная проза Я. Брыля яшчэ ні разу не разглядалася з выкарыстаннем інструментаў нараталогіі. Менавіта структурна-семіятычныя метады даследавання дапамагаюць ясна ўбачыць у літаратурных творах розныя якасці фактаграфізму, прасачыць дынаміку наратыву, вылучыць фонавую прысутнасць пісьменніка ў яго тэксце; іншымі словамі – убачыць працэс персаніфікацыі і дэперсаніфікацыі ў дакументальна-мастацкай прозе.

У якасці інструментаў для літаратуразнаўчага аналізу будзем выкарыстоўваць апэратыўныя тэрміны нараталогіі (табл. 1), ужо апрабаваныя намі пры аналізе твораў М. Гарэцкага з элементамі фактаграфізму [17, с. 29].

Табліца 1

Інструменты нараталагічнага аналізу

Table 1

Narrotological analysis tools

Наратыўныя трансфармацыі	Апавядальныя інстанцыі
Падзея	Канкрэтны аўтар
Гісторыя (наратыўная падзея)	Абстрактны аўтар
Нарацыя	Наратар

Стратэгія камунікацыі (ад якой залежаць жанравыя характарыстыкі закончанага твора) у запісах пісьменніка становіцца зразумелай канкрэтнаму чытачу з першых старонак: аўтар указвае, што тэкст «Свае старонкі» трэба адносіць «да творчай аўтабіяграфіі» [18, с. 176]. Падкрэслім, што аўтабіяграфічную прозу, у якой галоўным аб'ектам для спавядальнай рэфлексіі робіцца ўласнае жыццё, Я. Брыль пачынае пісаць у пачатку 1960-х гг. Пры аналізе прычын фарміравання гэтай літаратурнай з'явы польская даследчыца А. Альштынук выказвае наступнае меркаванне: «Як вядома, сацыяльна-палітычныя абставіны ў пасляваенным Савецкім Саюзе ніякім чынам не спрыялі развіццю спавядальнай літаратуры. І толькі пасля развянчання культу асобы Сталіна ў другой палове пяцідзясятых гадоў адкрытасць і шчырасць у асэнсаванні знешніх падзей, унутранага жыцця асобы, аўтабіяграфізм занялі нарэшце ў літаратуры сваё належнае месца. Прынамсі, многія пісьменнікі нібы набылі новае дыханне» [9, с. 119].

Аўтарская задума Я. Брыля навідавоку: пісьменнік вырашыў падзяліцца з чытачом сваімі ўспамінамі, фактамі жыцця і ўнутранымі перажываннямі. На першы погляд, наратыўная стратэгія аўтабіяграфічнага жыццёапісання, абраная пісьменнікам, павінна дэманстраваць храналагічна паслядоўны ланцуг фактаў, месцамі ўскладнены філасафічнымі разважанымі пра жыццё ад імя я-наратора; чытачу павінна адводзіцца роля спадарожніка-саўдзельніка. Задача ж пісьменніка – стварыць нараталагічную падзею, адрасаваную чытачу, з шэрагу гістарычных, палітычных і прыватных фактаў.

Аднак трэба памятаць, што трансфармацыя падзеі (у дадзеным выпадку факта) у нарацыю адбываецца не адразу. Як адзначае В. І. Цюпа, «паміж падзей і свядомасцю заўсёды маецца некаторага роду прызма камунікатыўнага акта вербалізацыі, якая праламляе камунікатыўнае асяроддзе выкладу (нават калі гэта пакуль яшчэ толькі патэнцыяльны выклад дадзенай падзеі, якая зарадзілася ў недыскурсіўных формах ўнутранага маўлення, патэнцыяльнаму слухачу)» [19, с. 5]. Такім чынам, В. І. Цюпа фіксуе той этап у працы пісьменніка, на якім даследчык атрымлівае магчымасць аналізаваць мастацкае выказванне на ўзроўні падзея – нарацыя – дыскурс.

Ёсць яшчэ адзін важны момант, які трэба браць пад увагу, працуючы з матэрыялам эга-дакумента. Сутнасць яго добра выкладзена ў выданні «Энцыклапедыя наратыўнай тэорыі» (*Encyclopedia of narrative theory*): «Аўтабіяграфічны дыскурс рэтраспектыўны, паколькі аўтар разглядае ўласнае мінулае жыццё з пункту гледжання сучаснага і спрабуе растлумачыць развіццё сваёй асобы. Акцэнт на ўнутраным жыцці адрознівае аўтабіяграфію ад мемуараў, якія падкрэсліваюць грамадскую ролю аўтара сярод вядомых сучаснікаў. <...> З “наратывісцкага” пункту гледжання, Я – гэта прадукт гісторый індывіда, такім чынам, аўтабіяграфія – гэта псіхалагічны працэс стварэння асобы, а не літаратурная форма як такая» [20, с. 34–36].

Усвядоміўшы гэту інфармацыю, звернемся да дзённікаў Я. Брыля. Першы аўтабіяграфічны запіс датуецца 1952 г. і пачынаецца з рэальнага жыццёвага факта: пісьменнік (праз максімальна блізкага яму наратара) узгадвае, як разам са сваёй жонкай Нінай наведваў Ясную Паляну. Аднак відавочна, што за мэта

ставілася не канстатацыя падзеі, а аналіз эмоцый, якія былі выкліканы ёю, акцэнт не столькі на знешнім жыцці, колькі на ўнутраным. Так, у сваіх думках пісьменнік звяртаецца да роднага брата Мішы: *Як добра было б разам з намі, разам са мною і Нінай, пайсці па бярозавым лесе, дзе хадзілі калісьці старэчыя ногі нашай вялікай радасці, святла нашай душы, моўчкі пастаяць над ціхай магілай пад вечназялёнымі лістамі папараці, падумаць пра «зялёную палачку», якую мы з табой шукалі... Як добра было б схіліцца з табой над старонкамі яго чарнавікоў, успамінаючы нашу паэтычную маладосць, думаць пра нашу харошую, працавітую сталасць, думаць пра тое, чаго мы не паспелі зрабіць!..* [18, с. 176]; *Думаў пра 1934 год, калі я, следам за пушкінскім «Вновь я посетил», пісаў верш «Брату», – аб такіх вось пачуццях ціхай радасці і чыстай дружбы, пачуццях, маладзейшых ужо на цэлыя 18 год...»* [18, с. 177]. Прадэманструем яшчэ некалькі прыкладаў, дзе відавочна праяўляецца рэтраспектыўнасць аўтабіяграфічнага дыскурсу з уяўнай аўтарскай прысутнасцю: *Перакладаю «Мае ўніверсітэты». Над Горкім добра думаецца пра перажытае* [18, с. 178]; *Чыюсьці нянавісць я ўспрымаю часцей за ўсё балюча. Нельга прызвычаіцца...* [18, с. 183]; *Чытаю апавяданні П. Галавача, сумяшчаючы рэдагаванне са знаёмствам з гэтым цікавым, так дзіка і незаслужана выкінутым калісьці з жыцця і з літаратуры, чалавекам і пісьменнікам* [18, с. 188].

Аднак вельмі хутка, праз некалькі старонак, сустракаемся з іншай формай падачы інфармацыі (больш адасобленым пазіцыянаваннем наратара, які глядзіць на жыццёвыя факты з пэўнай дыстанцыі): *Былы партызан, ненармальна нярослы С., трынаццаць гадоў пасля выхаду з пушчы раптам чамусьці расказваў мужчынам на вячорках пра сям'ю, якую ён калісьці замардаваў, на котлішчы якое, толькі новую хату зрабіўшы, ён жыве. Развітаўся, пайшоў адзін дахаты і ноччу навесіўся ў хляве* [18, с. 193]; *Каля станцыі вузкакалейкі – паляна, даволі вялікі лужок, далей лес. Набліжаецца дажджлівая хмара. Баба, жонка начальніка гэтай станцыі. Як мага завіхаецца, копіць сена, і дзіка вераішчыць на сваіх хлапчукоў, каб ішлі памагаць. Аматару цішыні і красы варта падумаць, слухаючы гэты крык, што бабу гадоў ужо як пятнаццаць луціце п'яны муж, а дзяцей, чатырох хлапчукоў, карміць неяк трэба...* [18, с. 192]; *Ярэмічы. Лета 1941 года. Паліцаі змушалі старую, хворую яўрэйку ўзбірацца на тэлефонны слуп... Вясковыя хлопцы, што яшчэ учора, здаецца, былі звычайнымі, спакойнымі, нявіннымі рабацямі. Яўрэйская дзяўчына, што раней вучылася з Колям Б., прыбегла да яго, хаваючыся ад гвалтаўнікоў-паліцаяў: «Каб яшчэ хто людскі прапанаваў такое, а то... Не, лепш ужо мне намерці!..»* [18, с. 194].

Ва ўсіх прыведзеных вышэй прыкладах выразна бачна драбленне апавядальнай інстанцыі на два тыпы: сведка, які максімальна набліжаны да пісьменніка і адлюстроўвае яго ацэнку рэчаіснасці, перажывання і эмоцыі, і хранікёр, які перадае ход падзей, можа дэманстраваць уласны пункт гледжання. Карыстаючыся падобнай «стрэзаскапічнасцю», свабодным чаргаваннем пунктаў гледжання на жыццёвыя падзеі, Я. Брыль і стварае надзвычай выразны вобраз аўтара ў сваіх запісах. Як дынамізм у пазіцыянаванні апавядальнай інстанцыі варта вызначыць і асноўны прыём, і ўсю наратыўную стратэгію Я. Брыля як аўтара аўтабіяграфічнай прозы. Наратыўная мадэль тут арганізуецца двума відамі наратыву: дзённікавым (аўтабіяграфічным) і мемуарным. Для дзённікавага (аўтабіяграфічнага) наратыву характэрны аповед ад першай асобы, экспліцытны вобраз я-наратара, пазіцыя якога адкрыта дэманструе светапогляд пісьменніка; мемуарны наратыв адметны наяўнасцю наратара-хранікёра, які адлюстроўвае пазіцыю пісьменніка імпліцытна, праз спецыяльныя індэксы праяўлення.

Пры гэтым відавочна, што талент пісьменніка забяспечвае яго творчую свабоду ў тым сэнсе, што яму не трэба прыкладаць спецыяльныя намаганні для змены апавядальных інстанцый, роўна як і фарміраваць наратыв менавіта двух відаў. Як адзначае В. Шмід, «індэксы, якія паказваюць на самога аўтара, з'яўляюцца, як правіла, не наўмыснымі, а міжвольнымі. Бо аўтар звычайна не мае намеру адлюстроўваць самога сябе, ператвараць сябе ў фіктыўную фігуру. Самавыяўленне аўтара, як правіла, гэтак жа міжвольна, як і нявольнае самавыяўленне любога прамоўцы» [8, с. 44]. Прыблізна аб тым жа піша Я. Брыль: «У лірычнай прозе, асабліва ў запісах апроч усіх іншых, станоўчых і адмоўных, якасцей, ёсць яшчэ адна, нават ці не галоўная, – ты сам, твая асоба. А гэтага ж якраз табе самому і не відно – збоку, а не з сярэдзіны. І судзіць не табе. І ўсё-такі ў сваіх мініяцюрах я адчуваюся найбольш самім сабою» [18, с. 341].

Гэтае жаданне заставацца самім сабою дакладна выяўляецца ў індэксах праяўлення, пададзеных праз канцавыя рэмаркі і спецыяльную арганізацыю матэрыялу ў тэксце: спачатку факт (як правіла, драматызаваны), потым выснова – рэмарка імпліцытнага наратара.

Узнікае адчуванне, што менавіта хранікёр рэпрэзентуе працэс пераламлення рэальнага факта ў наратыву. Напрыклад, індэксам праяўлення пісьменніка ў мемуарным наратыве часта становіцца іронія.

⁸ Тут і далей вылучана намі. – В. Г.

Аб'екты аўтарскай іроніі як пазнакі светапогляднай пазіцыі чытач лёгка можа знайсці ў дзённіковым наратыве, прадстаўленым я-наратарам для камунікацыі з чытачом. Вельмі часта менавіта такім чынам фарміруецца шматстайная і прыцягальная апавядальная плынь у запісах Я. Брыля.

Звернемся да ўспаміну, якому пісьменнік даў красамоўны загалолак «Устами младенцев»: *У доме творчасці знялі са сцяны партрэт Сталіна. Застаўся толькі цвік. Насупраць, на другой сцяне, – партрэт Леніна. Пяцігадовая дзяўчынка глядзіць на Ільіча і кажа: «Гэта таварыш Ленін». Азірнулася на пустую сцяну «А бываюць і Сталіны»* [18, с. 188]. Менавіта тут, у загалоўку, імпліцытна праз іронію (якую В. Шмід называе індэксам праяўлення) дэманструецца голас самога пісьменніка – Я. Брыля. Асэнсавальная (кагнітыўная) інтэнцыя надаецца факту таксама і праз нейкія іншыя, дадатковыя прыёмы: выяўленне жэстаў, інтанацыі, цытаты з маўлення другаснага наратора (каларытнага суразмоўцы). Вось яшчэ некалькі прыкладаў: *Дзядзька расказвае пра смаленскіх бежанцаў, што ў галодны пасляваенны год выдатна агітавалі ў Заходняй супраць калгасаў. «А хрысцяца, браток, да самых каленяў»* [18, с. 197]; *Былая падпольшчыца, што за свае перакананні сядзела ў панскіх турмах. Цяпер – нягледзячы што яўрэйка, а можа, іменна таму – працуе ў калгасе свінаркай. Калі дачка яе выходзіла замуж, цешча падарыла зяцю на вяселлі трохтомны Марксаў «Капітал». Калі ж пасля дачка, дырэктар школы, прыязджала неяк да яе, каб паскардзіцца маме на цяжкасці, тая суха сказала ёй: «Влейся в коллектив». Дачка, плачучы: «Мамачка, дык я ж у ім і так ужо задыхаюся»* [18, с. 203]. Дзённіковы наратыў, прадстаўлены ва ўспамінах наратарам-сведкам, дазваляе чытачу пазнаёміцца з пісьменніцкім успрыняццём рэчаіснасці. Голас я-наратора цалкам супадае з голасам пісьменніка і шматаспектна дэманструе яго светабачанне. Памятаючы, што Я – гэта прадукт яго гісторыі, а аўтабіяграфія – псіхалагічны працэс стварэння сябе, прыходзім да высновы, што праз я-нарацыю маем магчымасць назіраць за тым, як пісьменнік стварае канструкт, што будзе прэзентаваць яго асабістую сістэму каштоўнасцей. Варта адзначыць, што, нягледзячы на дзённіковы наратыў, для якога характэрны спантаннасць эмоцый, фрагментарнаць і мазаічнасць падачы інфармацыі, асноўныя паняцці (мастацкія канцэпты) згаданага вышэй канструкту прасочваюцца даволі дакладна.

Псіхалагічны працэс тэкставага стварэння асобы грунтуецца на асэнсаванні невялікай, але вельмі інфарматыўнай групы вобразаў-канцэптаў, якія пастаянна тым ці іншым чынам актуалізуюцца ў запісах Я. Брыля. Часам гэтыя вобразы-канцэпты прадстаўлены кантэкстуальнымі антонімамі: *родная – чужая мова, добрая – дрэнная літаратура, герой вайны – звычайны салдат, замежжа – родны край*. Відавочна, пісьменнік акцэнтаваў увагу на самых значных і актуальных для яго аспектах жыцця. У межах дадзенага артыкула спынімся больш падрабязна на вобразах-канцэптах «мова» і «літаратура» ў творы «Свае старонкі» (табл. 2 і 3).

Табліца 2

Рэпрэзентацыя вобраза-канцэпта «мова» ў аўтабіяграфічнай нарацыі Я. Брыля [18]

Table 2

Representation of the image-concept «language» in the autobiographical narration of Yanka Bryl [18]

№ п/п	Цытаты з твора «Свае старонкі»
1	У нас многа любві да рускай мовы, культуры, моцнае пачуццё братняй і інтэрнацыянальнай дружбы, аднак, нам варта і трэба было б павучыцца ва ўкраінцаў, як трэба паважаць саміх сябе (195 / 1960)
2	Я не памятаю самога сябе без любві да Расіі, да рускай мовы, літаратуры, не памятаю сябе беларускім нацыяналістам, хаця даўно і сам, і назаўсёды вырашыў, што кожная бочка павінна стаяць на сваім уласным дне (214 / 1961)
3	Пасля Куляшоў чытаў свой, тут напісаны, цыкл санетаў. Радасна было за нашу асмейваную, зацюканую мову, за тое, што на ёй пішуцца такія рэчы , што будуць на радасць людзям пісацца і лепшыя! (224 / 1962)
4	Дык што ўжо казаць пра нас, беларусаў, з нашай пакрыўджанай мовай, з нашай воляй, што магла б, у сэнсе культурнай аўтаноміі, быць куды большай (248 / 1965)
5	Якое ўсё-такі трэба мець вялікадзяржаўнае нахабства , каб гаварыць нам, беларусам, што вывучэнне нашай роднай мовы ў нашых школах перашкаджае нашым дзецям вывучаць мову рускую!.. (266 / 1966)
6	У персанала медыкаў шпіталя інвалідаў – раздвоенасць: памрэ ці не беларуская мова (« отомрет!... »). У тэатры імя Купалы няма каму выступіць перад школьнікамі па-беларуску. І трэба жыць, і трэба працаваць (432 / 1982)

Заўвага. Тут і далей пры цытаванні ў табліцах першая лічба – нумар старонкі, другая – год запісу, пазначаны аўтарам.

У прыведзеных цытатах намі спецыяльна фіксуецца год запісу. Менавіта гэта аўтарская храналогія дазваляе вывучыць тэкст твора «Свае старонкі» яшчэ на двух узроўнях: выявіць сувязь *падзеі ў творах* – *гістарычны кантэкст* і прааналізаваць унутраны і знешні хранатопы, нягледзячы на адсутнасць звязанай падзейнасці ў творы. Знешнім хранатопам у нашай сітуацыі будзем лічыць наяўнасць інтэрнацыянальнага дзяржаўнага дыскурсу 1960–80-х гг., які А. Юрчак называе аўтарытэтным словам⁹, а ўнутраным – сітуацыі прысутнасці аўтарскага слова ў творы (праз яго пісьменнік трансліруе ўласную пазіцыю, перадае свае настроі і думкі).

Такім чынам, знешні хранатоп – гэта савецкая эпоха, калі «фактычны дамінуючы статус рускай мовы быў канчаткова замацаваны ў рамках чарговай праграмы Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, зацверджанай на XXII з’ездзе КПСС у 1961 г. Фактычны статус рускай мовы як першай сярод роўных моў СССР атрымаў ідэалагічнае абгрунтаванне ў выглядзе формулы “мовы міжнацыянальных зносін”, а яе засваенне (у працэсе “добраахвотнага вывучэння”) павінна было спрыяць “узаемнаму абмену вопытам і далучэнню кожнай нацыі і народнасці да культурных дасягненняў ўсіх іншых народаў СССР і да сусветнай культуры”» [21, с. 160]. Гэты палітычны дыскурс вельмі добра прасочваецца ў нататках Я. Брыля праз фрагменты аўтарытэтнага слова: *моцнае пачуццё братняй і інтэрнацыянальнай дружбы, вывучэнне нашай роднай мовы ў нашых школах перашкаджае нашым дзецям вывучаць мову рускую, отомрет!..* Вылучаныя перыфразы аўтарытэтнага слова вельмі ярка кантрастуюць з аўтарскім словам унутранага хранатопу: *асмейваная, зацюканая мова, трэба было б павучыцца ва ўкраінцаў, як трэба павважаць саміх сябе, кожная бочка павінна стаяць на сваім уласным дне, воля магла б, у сэнсе культурнай аўтаноміі, быць куды большай, вялікадзяржаўнае нахабства*. Такі кантраст выклікае ў нас адчуванне недасказанасці, нягледзячы на тое што агучана і так нямала. М. Ю. Міхееў пра падобную з’яву, характэрную для дзённікавых запісаў, адзначае наступнае: «Пісьмовы тэкст фіксуе нам толькі сказанае, прамоўленае, г. зн. нешта хоць бы аднойчы ўжо славесна аформленае, лагічна ператворанае (пераўтворанае ў логас або лексіс)... Але што застаецца рабіць у тым выпадку, калі словамі падзеі ўсё ж такі не вычэрпваюцца – калі акрамя іх знутры падзеі прасвечвае, у ім застаецца яшчэ рэшта або “ззор” не аформленага ў логасе або лексісе?» [7, с. 152]. Вось гэты ззор, не запаўняючы яго рэальным выказваннем, а даючы адсылкі да пэўных дыскурсаў, надзвычай выразна дэманструе чытачу пісьменнік Я. Брыль.

Аналагічны прыклад – рэпрэзентацыя вобраза-канцэпта «літаратура» ў аўтабіяграфічнай нарацыі Я. Брыля, якая адлюстравана ў табл. 3.

Табліца 3

Рэпрэзентацыя вобраза-канцэпта «літаратура» ў аўтабіяграфічнай нарацыі Я. Брыля [18]

Table 3

Representation of the image-concept «literature» in the autobiographical narration of Yanka Bryl [18]

№ п/п	Цытаты з твора «Свае старонкі»
1	Чытаў Коласа , дарэвалюцыйныя апавяданні і «На ростанях», новыя раздзелы трылогіі. Апошнія, здаецца, «не блешет» . Абсмактаны вобраз школьнай бабкі, дыялогі на мяжы слабoga. Маці Лідачкі з яе гнілазубай усмешкай і здольнасцю перапіваць мужчын. Лідачка – пятнаццацігадовы падлетак, якога цалуе стары бык Лабановіч – нясмачна (177 / 1952)
2	Над Горкім добра думаецца пра перажытае (178 / 1952)
3	Маё юнацкае захапленне Талстым прывучыла мяне да пэўнай самастойнасці, да ўмення не баяцца быць «не такім, як усе». Гэтая якасць сяды-тады абуджаецца ў маёй натуры і дае сілы быць самім сабой, не вельмі баяцца самоты, абыйдзенасці, няласкі (357 / 1975)
4	Зноў кожны дзень сяджу над перакладам «Гномаў» Канапніцкай . Цяпер пяць гадзін, сонца схіліла з поўдня і свеціць на мой вясковы стол, і мне добра, – так супакойвае праца, хоць і не поўнаасцю творчая, свая. Здрава ўсё-такі пісала жанчына! Працую са здавальненнем і зайздасцю: чаму ж гэта не я напісаў такое для дзяцей – шматфарбнае, сакавітае, паэтычнае, задушэўнае!.. (184 / 1956)
5	Узяў адрэдагаваць Карпюкоў зборнік, таксама з жаданнем дапамагчы хлопцу выйсці з пэўнага тупіка, у якім яго трымае выдавецтва, а пасля ўвайшоў у смак. Будзе добры пісьменнік, а тым часам, пакуль друкуецца шмат лухты, яго трымаюць у чорным целе (187 / 1957)

⁹Гл.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не закончилось. М. : НЛО, 2019. 604 с.

№ п/п	Цытаты з твора «Свае старонкі»
6	Учора кончыў «Жана-Крыстофа», пачатага зімой, калі хварэў. Думка на думцы, усе яны напоены крывёю сэрца. А якая глыбіня пачуцця! Рашуча замала аднаго жыцця, каб паспець прачытаць хоць бы найлепшае, а тут жа прыходзіцца часамі чытаць шмат такога, што не дае ніякае карысці (189 / 1957)
7	Глядзеў нядаўна ў кіно «Чалкаша» і «Мальву». Крыўдна, балюча і злосць на Горкага за яго адносіны да сяляніна, якога вякамі лічылі карміцелем, – адносіны аднабокія, грэблівыя і няправільныя (189 / 1957)
8	Галоўнае з прачытанага – «Идиот» Дастаеўскага . Такую кніжышчу вытрымаць у такой дынаміцы, што хочацца часамі закрываць далонню ніз старонкі, так цягне наперад, – дзеля гэтага трэба быць геніем. Колькі глыбіні, псіхалогіі – у жыцці нават такіх пустых людзей-паразітаў! Так зацікавіць іх лёсам можа, зноў жа, толькі геній (191 / 1957)
9	Купіў «За далью даль», першае асобнае выданне, і ахвотна сеў перачытваць яе поўнасьцю. І не зрабіла ўражання. Думалася нават і так: Няўжо ў літаратуры нашай такі застой, што і такая глыбіня – мімаходная – лічыцца глыбокай, і такая смеласць – заднім чыслом – называецца мужнасцю?.. Гэта – пры ўсёй маёй павазе да Твардоўскага (202 / 1960)
10	Чытаю Буніна , «Жизнь Арсеньева». Нельга памногу адразу, як есці мёд, – перагусціў майстэрства. А ўсё ж не толькі радасна, але і вучыцца трэба ў яго (219 / 1961)
11	Чытаў у «Літгазете», часткова чытаныя раней у «Дніпры», фрагменты з дзённіка Даўжэнкі . Гаварылі перад гэтым з Адамовічам пра смеласць Даўжэнкі, яго чалавечае характава і пра жаль ягоны, што марна згінула дваццаць гадоў жыцця. Ці ў аднаго яго?! (236 / 1962)
12	Чытаючы Салжаніцына , радасна было за простага чалавека, за доўгачаканы ўздых, за вялікую літаратуру, да якой мы пачынаем – праўдзівасцю – набліжацца (236 / 1962)
13	Чытаў «Камароўскую хроніку». У асобе Гарэцкага страчаны добры, таленавіты і вельмі беларускі пісьменнік. Недарма я адчуваў і адчуваю да яго сімпатыю даўно, спачатку – проста інтуітыўна (258 / 1966)
14	Наогул пара ўжо чытаць з большым разборам, шануючы толькі тое, што напісана чыстай рукой, чыстым сэрцам (279 / 1969)
15	Тры пісьменнікі не змаглі ў нас па-сапраўднаму разгарнуць свае крылы, не сталі тым, чым стаць маглі б, – Багдановіч, Гарэцкі і Чорны . Колькі яны казалі б пра свой народ, колькі далі б народу і чалавецтву!.. (281 / 1969)
16	Гарэцкі мацнейшы за Чорнага, шырэйшы, глыбейшы, больш «еўрапеец», агульналюдскі. Застаючыся – разам з тым – вельмі нашым (340 / 1973).
17	Як гэта цяжка – быць беларускім пісьменнікам, у нашай мелкай, бесхрыбетнай правінцыі, у блакадзе моўнага бар’ера, без роднага дома, які ёсць у літоўцаў, армян, эстонцаў... У іх жа няма майго, нашага адчування: як пад нагамі абсоўваецца бераг, як звужаецца кола чытачоў, як мова наша адыходзіць (410 / 1980)

Нават такая няпоўная вытрымка выказванняў, звязаных з літаратурным жыццём пісьменніка, дазваляе нам адчуць яго пазіцыю і разуменне сваёй ролі ў творчым жыцці краіны. Тут у якасці наратара выступае сведка, а аўтабіяграфічны наратыў дэманструе чытачу яшчэ адзін бок пісьменніцкага **Я**. Відавочна, што наратар падзяляе літаратуру на «сапраўдную» і фармальную і не любіць чытаць тое, «што не дае ніякае карысці». Наратар (максімальна набліжаны да рэальнага **Я**. Брыля) знаходзіцца ў сусветным літаратурным кантэксце, дзе ўсе літаратуры роўныя. Для яго не існуе аўтарытэтаў і няма абмежаванняў для выказвання крытыкі. Так, мы знаходзім даволі рэзкі каментар у бок прызнанага літаратурнага аўтарытэта **Я**. Коласа, таксама **А. Твардоўскага**, **М. Горкага** і шчырае захапленне пісьменнікамі, якія яшчэ не мелі статусу агульнапрызнаных літаратурных «ікон». Асабліва ўражвае захапленне **Я. Брыля** творчасцю **М. Гарэцкага**, які сапраўды ў ХХІ ст. лічыцца прызнаным класікам беларускай літаратуры. Такім чынам, наратар-сведка, голас якога абсалютна супадае з голасам пісьменніка, выступае ў ролі літаратурнага аналітыка (гэта шырэй, чым крытык), які асэнсоўвае літаратурны працэс і адначасова адчувае сябе часткай гэтага ж працэсу. Менавіта такую падвойную функцыю наратара-сведкі трэба лічыць асобным камунікатыўным прыёмам, якім вельмі часта карыстаецца **Я. Брыль**. Тут чытач мае магчымасць самастойна вырашаць, давяраць апавядальніку ці не, як гэта і бывае пры любой персональнай камунікацыі.

У сваіх аўтабіяграфічных запісах пісьменнік дзеліцца не толькі ўспамінамі і шчырымі думкамі, але і разважае пра чытача. Безумоўна, ён піша для кожнага, але пры гэтым удакладняе дэталі, ілюструючы ўласную літаратурную творчасць. Карыстаючыся тэрмінамі нараталогіі, можна сказаць, што пісьменнік раскрывае працэс стварэння вобраза абстрактнага чытача, пад якім мы разумеем «змест таго вобраза атрымальніка, якога (канкрэтны) аўтар меў на ўвазе, дакладней, змест таго аўтарскага ўяўлення пра атрымальніка, якое тымі ці іншымі інфармацыйнымі знакамі зафіксавана ў тэксе» [8, с. 35]. Звернемся да прыкладаў: *Цяпер, прыехаўшы з горада ў вёску, нікога нічым не здзівіш. Радые, кіно, газета настолькі ўвайшлі ў побыт, што, пішучы, мы павінны адчуваць сябе з народамі-чытачом з вока на вока. І фальш тут адчуваецца вастры* [18, с. 205]; *Думаю сяды-тады, як бы з карысцю высмеяць крэда некаторых нашых маладых, – любым спосабам дамагацца дайсці да чытача, – не думаючы пра тое, што праз такія любыя спосабы, у рэшце рэшт, да чытача можна дайсці з апустошанай душой, растраціўшы нават тое нязначнае, што ў ёй было пры ўступленні ў літаратуру* [18, с. 323]; *Сузор’е блізкіх мне людзей у мяне невялікае, аднак яно ёсць. А некаторых зорак і зорчак я і не ведаю, – чытачоў. Толькі часамі хто-небудзь з іх «здрадзіць» свае пачуцці да майго слова, пісьмом ці праз кагосьці трэцяга* [18, с. 341].

Пісьменнік у межах аўтабіяграфічнай нарацыі праз наратара-сведку (я-наратара) адкрыта дэманструе канцэпцыю сваёй творчасці, ствараючы дыялог з чытачом і адначасова адказваючы на вельмі важныя пытанні пра элементы мастацкасці (элементы фікшн) у яго аўтабіяграфічным апаведзе, праходжанне фактаў праз пэўную фільтрацыю перад сустрэчай з чытачом і, адпаведна, пра тое, што пазіцыянаванне аўтарства відазмяняе вобраз наратара. Звернемся да прыкладаў (табл. 4).

Табліца 4

Пазіцыянаванне аўтарства ў аўтабіяграфічнай нарацыі Я. Брыля [18]

Table 4

Positioning of authorship in the autobiographical narration of Yanka Bryl [18]

№ п/п	Цытаты з твора «Свае старонкі»
1	Хочацца пісаць пра сябе , пра тое, напрыклад, што значыла ў тваім жыцці кніга, хочацца прывесці ў парадак свае запісы. Падлічваць, складаць баланс, яшчэ, вядома, рана, аднак успамінаць – з цёплай надзеяй, што такое запісванне можа быць карысным, хочацца (178 / 1953)
2	З аднаго боку, тое, што зроблена мною, перахвалена да нудоты, а зроблена – вельмі мала і, як кажуць крытыкі, не на ўсю сілу маіх магчымасцей. Не розумам, а сэрцам зразумеў, нібы ўпершыню адчуў, што я павінен зрабіць нешта вялікае, і дзеля гэтага трэба зрабіць з самім сабою штосьці незвычайнае, страсянуць сваю абвялую, застыглую душу, перажыць нейкі крызіс (як раіў Дзіме Кавалёву Міхаіл Святлоў), – загаварыць на ўвесь голас, пра што марыў, да чаго імкнуўся ў лепшыя дні жыцця... Хочацца сказаць – у лепшыя дні маладосці, якая прайшла (181 / 1955)
3	Успомніў, што думаў аднойчы ў вёсцы пра «марнасць жыцця»... Капаў чарвякоў, насаджваў іх на зазубні, выціскалася тое, што яны з’елі, а потым, увечары, увяліся, што мы – таксама чэрві, і страшна, сцюдзёна стала ад гэтага адчування... Як можна існаваць без высокай ідэі, без духоўнага жыцця?.. (181 / 1955)
4	Рыхтуючы «Избранное», сям-там зняў, выцер «культ асобы» (радасна, што ў мяне яго параўнальна мала!). У запісах – больш, асабліва ў жалобных дні. І нельга сказаць, што я быў няшчыры тады. Не буду выціраць або вырываць старонкі, прывечаныя Сталіну. Шкада, што знішчыў іншыя выказванні. Спалоханы правакацыйнай балбатнёй «сяброў», калі ў 1949 годзе – перапісваў, прыводзіў у парадак старыя запісы, дзе былі сённяшнія, цвярозыя думкі пра культ асобы, якія знаёмымі, маімі былі ўжо даўно (182 / 1956)
5	Калі я дрэнны больш за многіх іншых, дык мяне суцяшае думка, што я быў бы значна горшы, каб не стараўся аберагаць сябе (183 / 1956)
6	Нядрэнна было б самому дагледзець за выпускам свайго пасмяротнага поўнага збору твораў, самому скласці яго, прачытаць карэктур... (188 / 1957)
7	Горка, балюча, глыбока і шчыра адчуў учора, што мне ўжо сорак чатыры, а я яшчэ не напісаў «Вайны і міру»... Скрыган вельмі хваліць Мележаў новы раман. Я пазайздросціў – таксама горка (214 / 1961)
8	Моцнае і сталае пачуццё тугі па сапраўдным чалавеку. Пазнаеш, захапляешся, потым пазнаеш бліжэй – расчараванне і зноў туга (215 / 1961)

№ п/п	Цытаты з твора «Свае старонкі»
9	Як бы я быў рад і ўдзячны сам сабе цяпер, каб не спаліў у 1949 годзе тое са сваіх запісаў, што тады лічылася, а сёння ўжо не лічыцца крамолай!.. Са страху – за дзяцей, за жонку, за сябе? Усё гэта можна зразумець, але нельга апраўдаць (220 / 1961)
10	Зноў і зноў вяртаюся да думкі, што ў маіх запісах, каб яны загучалі па-сапраўднаму, – не хапае сувязі з жахамі часу, з вялікай мудрасцю жыцця, што робіць нас аптымістамі (226 / 1962)
11	У мяне многа цікавых запісаў. І вось я часта думаю цяпер пра іх: ці вас адразу аддаць чытачу, ці яшчэ ўсё захоўваць, як матэрыял? Прыклад і поспех адных, што апублікавалі такое (хоць бы «Былицы» Сакалова-Мікітова), спакушае мяне. Узрост мой – кажа пачакаць. Прыклад другіх, што дачакаліся старасці, права на публікацыю запісаў, пачалі рыхтаваць іх да друку і...не закончылі, – палохае (237 / 1963)
12	Пішам па-ранейшаму «тое, што трэба». Калі не поўнасю, дык часткова. І «праўда» літаратуры разыходзіцца з праўдай жыцця (243 / 1965)
13	Перапісваю з бланкета запісанае ў розны час, бо гэта не проста цытаты, але і сведчанні майго настрою, перажыванняў за мінулую восень і...ужо мінулую зіму (243 / 1965)
14	Прыемна думаецца, што мае мініяцюры могуць быць своеасаблівай «кнігай майго жыцця», – калі яе папаўняць увесь час, адбіраць лепшае, больш значнае (244 / 1965)
15	Пішуць: «Каб не было культу асобы, дык многія пісьменнікі пісалі б, безумоўна, лепш – праўдзівей, глыбей...». Праўда яшчэ і ў тым, каб не было таго культу, дык многія наогул не сталі б, так сказаць, пісьменнікамі, не ўлезлі б у літаратуру, на пустыя месцы, часам дзякуючы ім і апусцелыя (259 / 1966)

Відавочна, што матэрыял, сабраны ва ўспамінах – гэта не перадтэкст, а акуратна адабраны літаратурны варыянт. Пры гэтым такая інфармацыя не хаваецца ад чытача, а адкрыта агучваецца. Больш за тое, пісьменнік імкнецца растлумачыць, чаму штосьці ў яго творчым жыцці адбываецца. Фарміруецца разуменне, што пісьменнік, як носьбіт непрапісанага слова, дазваляе наратару-сведку данесці апрацаваную інфармацыю пра тое, што трэба шукаць высокую ідэю, «страсянуць сваю абвялую, застыглую душу», знайсці сапраўднага чалавека. І гэта інфармацыя, дэманструючы ўнутраны хранатоп, зноў уступае ў канфлікт з хранатопама знешнім, пакідаючы інфармацыйны зазор. Праз яго працываюцца два моманты: па-першае, пісьменніцкая стомленасць ад прапісанай аўтарытэтным словам вялікай ідэянасці, незадаволенасць сабой з-за ўласнага страху і спаленых у 1949 г. запісаў пра культ асобы Сталіна; па-другое, атмасфера часу хрушчоўскай адлігі, калі пісьменнік мог больш спакойна асэнсавать мінулае, смела выказацца пра набалелае. Відавочна, што літаратар ставіць перад сабой новыя задачы, якія характарызуюцца паняццямі «смеласць», «шчырасць», «сапраўднасць», акрэслівае новыя літаратурныя тэмы, у якіх павінна прагучаць уся праўда мінулай трагедыі. Пазначаная храналогія ўспамінаў (1952–1983) дае нам магчымасць прасачыць змену аўтарскага светаўспрымання, рэалізаванага ў наратыве. І тут уражвае наступнае: постсталінскі перыяд не робіць пісьменніка больш вольным, спакойным, задаволеным уласнай творчасцю. У нататцы за 1982 г. чытаем: *Час адшалаўшае часовае, у чалавеку застаецца асноўнае, перад абліччам вечнасці са шкадаваннем думаеш: чаму ж я не бачыў тое раней, што так выразна бачыцца цяпер?.. Аднак жа праўда і другое, – шмат, вельмі шмат было і ёсць таго, што перашкаджае бачыць у некаторых таленавітых сапраўдную іх глыбінную сутнасць. Перашкаджае нудна-панылае праседжванне творчага жыцця ў прэзідыумах, перашкаджае і адштурхоўвае перазахвальванне, перакормліванне тых, што хараіла пачыналі і значна больш ды лепш зрабілі б, каб не адышліся так далёка ад саміх сябе...* [18, с. 438]. З вышыні сённяшняга часу мы разумеем, што хацеў данесці нам пісьменнік, у творы ж гэта падаецца праз прамую нарацыю і сутыкненне знешняга і ўнутранага хранатопу.

Заклучэнне

Такім чынам, нараталагічны аналіз аўтабіяграфічных запісаў Я. Брыля «Свае старонкі» дапамог нам убачыць твор у новым ракурсе.

У дадзеным выпадку назіраецца драбленне апавядальнай інстанцыі: наратар можа выступаць як сведка, які максімальна набліжаны да рэальнага пісьменніка і адлюстроўвае яго ацэнку рэчаіснасці, перажывання і эмоцыі, як хранікёр, які перадае ход падзей, можа дэманстраваць уласны пункт гледжання. Хранікёр рэпрэзентуе пераламленне рэальнага факта ў нарацыю, прадстаўленую ў творы

«Свае старонкі» жанрам нататкі з элементамі мастацкага дыскурсу, які, у сваю чаргу, праяўляецца праз пэўныя індэксы: аўтарскую іронію, трансляцыю невербальных элементаў у сітуацыях маўлення і інш. Наратар-сведка выконвае ў творы двайную функцыю: яго голас тоесны голасу пісьменніка, які аналізуе літаратурны працэс і адначасова адчувае сябе часткай гэтага ж працэсу. Такое дваістае пазіцыянаванне наратара-сведкі (адначасова ўнутры працэсу і па-за яго межамі) можа лічыцца індывідуальным камунікатыўным прыёмам у адносінах аўтара з чытачом, што спрыяе фарміраванню чытацкага даверу.

Наратыўная мадэль у творы Я. Брыля «Свае старонкі» ствараецца двума відамі наратыву: дзённікавым (аўтабіяграфічным) і мемуарным. Дзённікавы (аўтабіяграфічны) наратыв утрымлівае экспліцытны вобраз я-наратара, пазіцыя якога адкрыта дэманструе светапогляд пісьменніка, мемуарны наратыв характарызуецца нааўнасцю наратара-храніцеля, які адлюстроўвае пазіцыю пісьменніка імпліцытна, праз спецыяльныя індэксы праяўлення. Сутыкненне двух відаў наратываў у межах твора дазваляе нам бачыць я-рэальнасць (усвядомленае, асэнсаванае пісьменнікам) і я-рэчаіснасць (імгненнае, эмацыйнае, імпліцытнае).

Хранатоп у творы дваісты: знешні, для якога характэрна нааўнасць інтэнцый афіцыйнага дзяржаўнага дыскурсу – аўтарытэтнага слова, і ўнутраны, акрэслены прысутнасцю аўтарскага слова ў творы. Паказальна, што інтэртэкстуальнасць аўтарытэтнага слова вельмі ярка кантрастуе з аўтарскім словам унутранага хранатопу.

Аналіз твора Я. Брыля «Свае старонкі» з дапамогай нараталогіі дазваляе раскрыць спецыфічныя прыёмы літаратурнай творчасці ў яе скіраванасці да камунікацыі з чытачом.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Местергази Е.Г. *Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия*. Москва: Совпадение; 2007. 327 с.
2. Палиевский П.В. *Литература и теория*. Москва: Советская Россия; 1979. 288 с.
3. Брик ОМ, Гриц ТС, Незнамов ПВ, Перцов ВО, Тренин ВВ, Третьяков СИ и др. *Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФа*. Москва: Захаров; 2000. 285 с.
4. Трацияк ЗІ. *Паэтыка амерыканскай і беларускай прозы пра Першую сусветную вайну (на прыкладзе творчасці Э. Хемінгуэя і М. Гарэцкага)*. Наваполацк: ПДУ; 2015. 200 с.
5. Лупевич ЛФ. *Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2018. 384 с.
6. Сінькова ЛД. *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск: Кнігазбор; 2019. 224 с.
7. Михеев МЮ. *Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX)*. Москва: Водолей Publishers; 2007. 264 с.
8. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 312 с.
9. Альштынук А. *Праблема аўтабіяграфізму ў творчасці Янкі Брыля*. Беласток: Універсітэт у Беластоку; 2017. 212 с.
10. Бугаёў Д. Мастак адкрыты свету (да 90-годдзя з дня нараджэння Янкі Брыля). *Польмя*. 2007;8:177–180.
11. Верабей АЛ. Уладзімір Караткевіч і Янка Брыль. В: Гончарова-Грабовская СЯ, редактор. *Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. Часть 2*. Мінск: РИВШ; 2007. с. 195–200.
12. Дасаева ТМ. *Максім Гарэцкі і Янка Брыль. Тыпалогія малых жанраў*. Мінск: БДУ; 2000. 113 с.
13. Кісліцына ГМ. *Лірычная мініяцюра як жанр беларускай літаратуры*. Мінск: Беларуская навука; 2002. 326 с.
14. Казлоўскі РК. Празвітная мініяцюра ў творчасці Янкі Брыля. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Фізіялогія*. 2000;2:162–169.
15. Нікіфарава В. Да пытання аб хранатопе ў цыкле лірычных нататак (на матэрыяле прозы Янкі Брыля). *Studia Wschodnioslowiańskie*. 2008;8:85–97.
16. Тварановіч Г. *Лірычная проза Янкі Брыля ў часопісе «Тэрмапілы»*. Гродна: ГрДУ; 2012. с. 277–282.
17. Губская ВМ. Фактаграфія і рэлігійны дыкурс як узаемазвязаныя элементы мастацкага цэлага (на прыкладзе філасофска-алегарычнага твора М. Гарэцкага «Лявоніус Задумекус»). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Фізіялогія*. 2020;2:26–34.
18. Брыль Я. *Збор твораў. Том 6. Лірычныя запісы і мініяцюры: 1945–1992*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2020. 798 с.
19. Тюпа ВІ. *Нарратология как аналитика повествовательного дискурса*. Тверь: Тверской государственный университет; 2001. 58 с.
20. Herman D, Jahn M, Ryan ML, editors. *Encyclopedia of narrative theory*. New York: Routledge; 2005. 641 p.
21. Арутюнова МА. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и языковая политика*. 2012;1:155–178.

References

1. Mestergazi EG. *Literatura non-fikshn. Eksperimental'naya entsiklopediya* [Non-fiction literature. Experimental encyclopedia]. Moscow: Sovpadenie; 2007. 327 p. Russian.
2. Palievskii PV. *Literatura i teoriya* [Literature and theory]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1979. 288 p. Russian.
3. Brik OM, Grits TS, Neznamov PV, Pertsov VO, Trenin VV, Tretyakov SI, et al. *Literatura fakta: pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa* [The first collection of materials of LEF employees]. Moscow: Zakharov; 2000. 285 p. Russian.

4. Traccyak ZI. *Pajetyka amerykanskaj i belaruskaj prozy pra Pershuju susvetnuju vajnu (na prykladze tvorchasci Je. Hemingujeja i M. Garjeckaga)* [The poetics of American and Belarusian prose about the World War I (on the example of the works of E. Hemingway and M. Goretsky)]. Navapolack: Polotsk State University; 2015. 200 p. Belarusian.
5. Lutsevich LF. *Dokumental'nost', ego-dokument, russkaya pisatel'skaya ispoved'* [Documentary, ego-document, Russian writer's confession]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2018. 384 p. Russian.
6. Sin'kova LD. *Belaruskaja «zvyšhlitaratura»* [Belarusian «superliterature»]. Minsk: Knigazbor; 2019. 224 p. Belarusian.
7. Mikheev MYu. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an ego-text (Russia, 19th–20th)]. Moscow: Vodolei Publishers; 2007. 264 p. Russian.
8. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2003. 312 p. Russian.
9. Al'shtinjuk A. *Problema awtabijagrafizmu w tvorchasci Janki Brylja* [The problem of autobiography in the work of Yanka Bryl]. Białystok: Uniwersytetu w Białymstoku; 2017. 212 p. Belarusian.
10. Bugajow D. [The artist is open to the world (for the 90th anniversary of the birth of Yanka Bryl)]. *Polymja*. 2007;8:177–180. Belarusian.
11. Verabei AL. [Uladzimir Karatkevich and Yanka Bryl]. In: Goncharova-Grabovskaya SYa, editor. *Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe XX–XXI vv. Chast' 2* [Russian and Belarusian literature at the turn of the 20th–21st centuries. Part 2]. Minsk: Republic Institute of Higher School; 2007. p. 195–200. Belarusian.
12. Dasaeva TM. *Maksim Garjecki i Janka Bryl'. Typalogija malyh zhanraw* [Maxim Goretsky and Yanka Bryl. Typology of small genres]. Minsk: Belarusian State University; 2000. 113 p. Belarusian.
13. Kislicyna GM. *Lirychnaja minijacjura jak zhanr belaruskaj litaratury* [Lyrical miniature as a genre of Belarusian literature]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. 326 p. Belarusian.
14. Kazlowski RK. [A prose miniature in the work of Yanka Bryl]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 1. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija i sacyjalogija. Kul'turalogija. Mastactvaznawstva. Pedagogika. Psihalogija. Pravaznawstva. Filalogija*. 2000;2:162–169. Belarusian.
15. Nikifarava V. [On the question of the chronotope in the cycle of lyrical notes (based on the material of Yanka Bryl's prose)]. *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2008;8:85–97. Belarusian.
16. Tvaranovich G. *Lirychnaja proza Janki Brylja w chasopise «Tjermapily»* [The lyrical prose of Yanka Bryl in the magazine «Thermopiles»]. Hrodna: Grodno State University; 2012. p. 277–282. Belarusian.
17. Gubskaya ON. Factography and religious discourse as interconnected elements of artistic whole (on the example of the philosophical-allegorical works of M. Harecki «Lyavonius Zadumekus»). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;2:26–34. Belarusian.
18. Bryl Ya. *Zbor tvoraw. Tom 6. Lirychnyja zapisy i minijacjury: 1945–1992* [Collection of works. Volume 6. Lyrical recordings and miniatures: 1945–1992]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2020. 798 p. Belarusian.
19. Tsyupa VI. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* [Narratology as an analyst of narrative discourse]. Tver: Tver State University; 2001. 58 p. Russian.
20. Herman D, Jahn M, Ryan ML, editors. *Encyclopedia of narrative theory*. New York: Routledge; 2005. 641 p.
21. Arutyunova MA. [Language policy and the status of the Russian language in the USSR and the post-Soviet states]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i yazykovaya politika*. 2012;1:155–178. Russian.

Артыкул напісаны ў рэдкалегію 30.09.2021.
Received by the editorial board 30.09.2021.

ИДЕЙНО-СТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА АРНОШТА ЛУСТИГАЕ. В. ВОСТРИКОВА¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Арношт Лустиг – один из самых известных чешских прозаиков второй половины XX – начала XXI в., писавших о Второй мировой войне. Его место в чешской военной прозе определяется тем, что он монотематический автор: А. Лустиг писал исключительно на тему холокоста, поскольку сам, будучи евреем, прошел через концентрационные лагеря. Исследуются идейно-стилистические доминанты творчества писателя, характеризуются его место и роль в чешской литературе. Автор статьи считает очень важным внедрить творчество А. Лустига в белорусский литературный и культурный контекст, так как тема войны и трагической судьбы народа занимает большой литературный сегмент как в отечественной, так и в русской литературе, а также в литературе других славянских народов Европы. Поскольку А. Лустиг эмигрировал из советской Чехословакии, его книги не упоминались на родине и не были известны в Советском Союзе. Мы считаем необходимым заполнить существующие культурные лакуны. Подчеркнем, что военная проза чешского автора сильно отличалась от официальной чешской литературы, апеллировавшей к военным реалиям и характеризовавшейся героическим пафосом, коммунистической идеологией, в то время как А. Лустиг писал о страданиях чешских евреев, в основном молодых девушек, детей, стариков, через призму экзистенциального видения мира. Его книгам свойственны драматизм, психологизм, подхода к интерпретации военной темы и подачи образов. Писатель делает акцент исключительно на этических вопросах, избегая однозначности в подходах к художественному материалу и черно-белой палитры при изображении персонажей своих произведений. Мы выделяем такие важные темы в прозе А. Лустига, как темы мести и утраченной любви, пробуждения человеческого сознания и человеческой солидарности, приводим конкретные примеры их воплощения в рассказах и романах чешского автора. В исследовании проанализированы особенности стиля А. Лустига: наличие нескольких временных планов, важность деталей-лейтмотивов.

Ключевые слова: чешская литература; Арношт Лустиг; военная проза; тема холокоста; психологизм; этическая проблематика; драматизм; тема мести; тема потерянной любви; тема человеческой солидарности; тема пробуждения сознания; художественный стиль.

ІДЭЙНА-СТЫЛЁВЫЯ ДАМІНАНТЫ
МАСТАЦКАГА СВЕТУ АРНАШТА ЛУСЦІГАА. У. ВОСТРЫКАВА^{1*}^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Арнашт Лусціг – адзін з самых знакамітых чэшскіх празаікаў другой паловы XX – пачатку XXI ст., якія пісалі пра Другую сусветную вайну. Яго месца ў чэшскай ваеннай прозе вызначаецца тым, што ён аўтар монатэматычнай: А. Лусціг пісаў выключна на тэму халакоста, паколькі сам, будучы яўрэям, прайшоў праз канцэн-

Образец цитирования:

Вострыкава АУ. Ідэйна-стылёвыя дамінанты мастацкага свету Арнашта Лусціга. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;3:29–35.

For citation:

Vostrykava AU. Ideological and stylistic dominants of the artistic world of Arnosht Lustig. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3:29–35. Belarusian.

Автор:

Елена Владимировна Вострыкова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Alena U. Vostrykava, PhD (philology), docent; associate professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology.
vostrykova72@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2693-981X>

трацыйныя лагеры смерці. Даследуюцца ідэйна-стыльовыя дамінанты творчасці пісьменніка, характарызуюцца яго месца і роля ў чэшскай літаратуры. Аўтару артыкула бачыцца вельмі важным увесці творчасць А. Лусціга ў беларускі літаратуразнаўчы і культурны ўжытак, паколькі тэма вайны і трагічнага лёсу народа займае вялікі літаратурны сегмент як у айчынай, так і ў рускай літаратуры, а таксама ў літаратуры іншых славянскіх народаў. Паколькі А. Лусціг эміграваў з савецкай Чэхаславакіі, яго творчасць не згадвалася на радзіме і практычна не была вядома на тэрыторыі Савецкага Саюза. Нам падаецца неабходным запозніць існуючыя культурныя лакуны. Мы акцэнтуюем увагу на тым, што ваенная проза пісьменніка вельмі адрознівалася ад афіцыйнай чэшскай літаратуры, якая звярталася да ваенных рэалій і вылучалася гераічным пафасам, камуністычнай ідэалогіяй, у той час як А. Лусціг пісаў пра пакуты чэшскіх яўрэяў, галоўным чынам маладых дзяўчат, дзяцей, старых, праз прызму экзістэнцыяльнага бачання свету. Яго кнігам уласцівы драматызм, псіхалагізм падыходу да інтэрпрэтацыі ваеннай тэмы і падачы вобразаў. Пісьменнік засяроджваецца выключна на этычнай праблематыцы, пазбягаючы адназначнасці ў сваіх падыходах да мастацкага матэрыялу і чорна-белай палітры пры абмалёўцы характараў сваіх персанажаў. Мы вылучаем такія важныя тэмы ў прозе А. Лусціга, як тэмы помсты і страчанага кахання, абуджэння чалавечай свядомасці і людскай салідарнасці, прыводзім канкрэтныя прыклады іх увасаблення ў творах чэшскага аўтара. У даследаванні прааналізаваны адметнасці стылю А. Лусціга: існаванне некалькіх часавых планаў, важнасць дэталей-лейтматываў.

Ключавыя словы: чэшская літаратура; Арнашт Лусціг; ваенная проза; тэма халакоста; псіхалагізм; этычныя праблематыка; драматызм; тэма помсты; тэма страчанага кахання; тэма чалавечай салідарнасці; тэма абуджэння свядомасці; мастацкі стыль.

IDEOLOGICAL AND STYLISTIC DOMINANTS OF THE ARTISTIC WORLD OF ARNOSHT LUSTIG

A. U. VOSTRYKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Arnosht Lustig is one of the most famous Czech writers of the second half of the 20th – early 21st centuries, who wrote about the World War II. His place in Czech military prose is determined by the fact that he is a monothematic author, since he wrote exclusively on the topic of the holocaust, and himself, being a Jew, went through concentration camps. The article examines the ideological and stylistic dominants of the writer's work, characterises his place and role in the Czech literature. The author of the study considers it very important to introduce A. Lustig's work into the Belarusian literary and cultural life, since the theme of war and the tragic fate of the people belongs to a large literary segment both in Belarusian and Russian literature, as well as in the literature of other Slavic peoples of Europe. Since A. Lustig emigrated from Soviet Czechoslovakia, his books were not mentioned in his homeland and were not known in the Soviet Union. We consider it necessary to fill the existing cultural gaps. We emphasise that the military prose of the Czech author was very different from the official Czech literature, which appealed to military realities and was distinguished by heroic pathos, communist ideology, while A. Lustig wrote about the sufferings of Czech Jews, mainly young girls, children, old people, through the prism of an existential vision of the world. His books are characterised by drama, psychological approach to the interpretation of the military theme and presentation of images. The writer focuses exclusively on ethical issues, avoiding unambiguous approaches to artistic material and black-and-white palette when portraying the characters in his works. We highlight such important themes in A. Lustig's prose as the theme of revenge and lost love, the awakening of human consciousness and human solidarity. Specific examples of their embodiment in the stories and novels of the Czech author are given. We analyse the features of A. Lustig's style, which are the presence of several time plans, the importance of leitmotif details.

Keywords: Czech literature; Arnosht Lustig; military prose; holocaust theme; psychologism; ethical issues; drama; revenge theme; lost love theme; human solidarity theme; consciousness awakening theme; artistic style.

Уводзіны

Творчасць чэшскага пісьменніка Арнашта Лусціга (Arnošt Lustig, 1926–2011) амаль цалкам прысвечана тэме Другой сусветнай вайны: канцэнтрацыйным лагерам і яўрэйскім гета, лёсу яўрэяў, псіхалагічным і фізічным пакутам людзей, суаднесенасці іх з экзістэнцыяльнымі праблемамі і жыццём у свеце і нават Сусвеце. Апаўяданні, аповесці і раманы пісьменніка могуць разглядацца ў рэчышчы чэшскай ваеннай прозы другой хвалі, пачатак якой суадносяць з 1960-мі гг., калі гераізацыя і пафас адыходзяць на другі план і аўтары звяртаюцца да апісання трагічнага лёсу чалавека і яго пакут падчас

вайны. У гэтым сэнсе проза А. Лусціга можа разглядацца ў параўнанні з творами такіх выдатных чэшскіх пісьменнікаў, як І. Вэйл, Л. Фукс, Л. Ашкеназі, Ё. Шкворацкі, Н. Фрыд, К. Птачнік, Я. Отчанапак.

Актуальнасць і перспектывы даследавання творчасці названага аўтара нам бачацца ў тым, што тэма Другой сусветнай вайны – велізарны і вельмі важны сегмент у літаратуры амаль усіх славянскіх народаў. Паколькі творы А. Лусціга па сутнасці для чэхаў – гэта так званая вернутая літаратура, з якой шырокі чытач пазнаёміўся толькі ў 1990-я гг. Гэта выклікана тым, што пісьменнік эміграваў пасля падаўлення Пражскай вясны і яго імя было не забыта, але абвешчана непажаданым. Ды і сам А. Лусціг як асоба не згадваўся на радзіме ў 1970–1980-я гг. і быў выключаны з літаратурнага і культурнага жыцця краіны. Адпаведна, на тэрыторыі Савецкага Саюза яго практычна не ведалі чытачы і не вывучалі літаратуразнаўцы, таму што творы пісьменніка друкаваліся толькі ў ЗША і еўрапейскіх краінах. У будучым вельмі цікавым падаецца параўнанне мастацкага свету і твораў названага аўтара з літаратурнай спадчынай на ваенную тэму беларускіх, польскіх, магчыма, рускіх пісьменнікаў. Таксама хочацца садзейнічаць папулярызацыі вельмі годнай творчасці А. Лусціга, звярнуць на яе ўвагу перакладчыкаў, беларускіх даследчыкаў і чытачоў. Савецкія і постсавецкія літаратуразнаўцы па сутнасці не вывучалі ваенную прозу гэтага чэшскага пісьменніка. Ён дзе-нідзе проста згадваецца ў панарамных аглядах пры апісанні гісторыі чэшскага літаратурнага працэсу другой паловы XX ст.: у артыкулах і рэцэнзіях 1960-х гг. Л. Долежала [1], К. Граха [2], А. Гамана [3; 4], М. Юнгмана [5; 6], Ё. Вогрызка [7], В. Кацоўрэка [8] і інш. Літаратуразнаўчыя працы названых даследчыкаў утрымліваюць ў сабе першасную рэакцыю на кнігі А. Лусціга, аўтары спрабавалі ацаніць адметнасць адлюстравання ваеннай тэмы ў творах чэшскага пісьменніка ў параўнанні з ужо існуючай прозай. Аднак гаворка вялася выключна пра афіцыйную літаратуру. Так, Л. Долежал разглядаў праблемы стылю ў ранняй прозе А. Лусціга; К. Грах пісаў пра адметнасць этычнай праблематыкі ў малой прозе чэшскага творцы; А. Гаман разглядаў творы А. Лусціга ў суаднесенні з іншымі пісьменнікамі, якія звярталіся да тэмы Другой сусветнай вайны, вылучаў розныя хвалі ваеннай прозы і спрабаваў акрэсліць іх тэматычную і ідэйную своеасаблівасць; М. Юнгмана цікавілі апавяданні А. Лусціга і эмацыянальная танальнасць, з якой падавалася яўрэйская праблематыка ў пісьменніка. Цікаваць да творчасці А. Лусціга ўжо ў незалежнай Чэхіі ўзнікла ў 1990-я гг. З'явіліся новыя даследаванні А. Гамана [9; 10], Я. Беднаржавай [11], І. Палачака [12], Ф. Мараша [13], О. Орнэста [14], інтэрв'ю і размовы К. Гвіждзлы з А. Лусцігам [15] і інш. Новыя працы крытыкаў ужо ўлічвалі шырэйшы кантэкст: месца, адметнасць і значнасць прозы А. Лусціга цяпер разглядаліся ў рэчышчы і вернутай, і эмігранцкай літаратуры, якая была забаронена ў сацыялістычнай Чэхаславакіі. Гэта тычыцца новых даследаванняў А. Гамана, Ё. Полачака, Я. Беднаржавай. Таксама даследчыкі ў сваіх працах ўлічвалі напісанае іншымі славянскімі пісьменнікамі на тэму халакоста. У шматлікіх інтэрв'ю і кнігах размоў з А. Лусцігам прысутнічае аўтарскае тлумачэнне твораў і самаінтэрпрэтацыя, што таксама дае пэўную «падсветку» прозе пісьменніка. У прапанаваным артыкуле мы ставім перад сабой *мэту* акрэсліць і прааналізаваць ідэйна-стылёвыя дамінанты мастацкага свету А. Лусціга, паказаць актуальнасць яго твораў, асвятліць гуманістычную канцэпцыю чалавека ў прайзайнай спадчыне чэшскага пісьменніка і тым самым прадэманстраваць цікавасць і запатрабаванасць яго творчасці ў сучасным свеце. Таксама мы бачым вельмі добрыя перспектывы ўнясення ваеннай прозы вылучанага аўтара ў беларускі і іншаславянскі літаратурны кантэкст, што дасць шырокія магчымасці для кампаратывнага разгляду апавяданняў, аповесцей і раманаў А. Лусціга айчыннымі літаратуразнаўцамі.

Пры напісанні артыкула выкарыстаны гісторыка-культурны, гісторыка-літаратурны, біяграфічны, сацыялагічны, апісальны метады з элементамі цэласнага аналізу мастацкага тэксту.

Вынікі і іх абмеркаванне

Ужо ў першых зборніках апавяданняў «Ноч і надзея», «Дыяманты ночы» А. Лусціг засяроджваецца на псіхіцы сваіх герояў. Практычна ва ўсіх творах яго героі фізічна выступаюць слабымі і бездапаможнымі ахвярамі гвалту нацысцкага рэжыму, але маральна і духоўна яны перамагаюць сваіх катаў. У прозе чэшскага пісьменніка не ідзе гаворка пра ідэйную альбо этычную эвалюцыю маладых людзей (прычым, як было ў тагачаснай чэшскай прозе, звычайна да марксісцкіх поглядаў), як, напрыклад, у кнігах К. Птачніка. А. Лусціг разгортвае перад чытачом асобныя моманты штодзённага, самага звычайнага жыцця (калі можна так гаварыць пра канцэнтрацыйныя лагеры смерці). Менавіта ў такіх умовах раскрываецца маральная сутнасць і каштоўнасць кожнага чалавека, стрыжань яго духоўнай існасці. Аўтар сугестыўна паказвае свядомасць і душу сваіх герояў, якая фізічна невынішчальная нават у нечалавечых умовах. А. Лусціг даследуе праз кожную гісторыю асобных персанажаў, ці можа чалавек у смяротнай небяспецы і фізічным гвалце захаваць гуманістычную мараль, спачуванне да іншага, павагу да самога

сябе і сваю чалавечую годнасць, ці душа яго памірае, калі ён застаецца фізічна жывы ў жахлівым свеце максімальных пакут.

Для твораў А. Лусціга характэрны драматызм і «мінімальныя памеры сцэны», дзе перад намі паўстае той ці іншы персанаж, унутраную чалавечую сутнасць якога даследуе аўтар. Канцэпцыя чалавека ў мастацкім свеце чэшскага празаіка вельмі ясная і аднолькавая ва ўсіх творах: А. Лусціг разумее чалавека як істоту, якая ў памежных сітуацыях страшнай пагрозы для свайго існавання можа мабілізаваць свае ўнутраныя духоўныя сілы і стаць здольнай пераўзысці натуральны інстынкт фізічнага самазахавання, скіравацца да нейкіх мэт вышэйшага парадку. Менавіта так, на думку А. Лусціга, чалавек пераадолюе прымітыўнасць сваёй біялагічнай экзістэнцыі, вядомы этычным пачуццём і ўсведамленнем салідарнасці з іншымі людзьмі. У сваіх пазнейшых раманах і малой прозе пісьменнік робіць акцэнт менавіта на маральнай праблематыцы. У яго герояў у найцяжэйшых умовах, пад уціскам страшнай татальнай сілы абуджаецца свядомасць і этычнае пачуццё. Сучаснікі А. Лусціга ўспрымалі яго прозу не толькі як творы пра пакуты ў гады нацызму, але і як актуальную ілюстрацыю да існуючага камуністычнага рэжыму, які таксама дэфармаваў душы і калечыў людскія лёсы. Многія сітуацыі і вобразы з твораў чэшскага літаратурнага гісторыка халакосту, кім мы можам лічыць А. Лусціга, набываюць сімвалічнае значэнне і могуць успрымацца як своеасаблівыя мадэлі людскіх паводзін у памежных сітуацыях выбару. Учынкi персанажаў пераўзыходзяць сферу палітычнага тлумачэння і набываюць маральна-філасофскае гучанне. Так тэма яўрэйскага генацыду ў гісторыі XX ст. выводзіцца пісьменнікам у шырэйшую плоскасць вечных праблем і каштоўнасцей.

Лусціг адлюстравваў у чэшскай прозе пакуты яўрэяў у канцэнтрацыйных лагерах без уліку палітычнай або ідэйнай дэтэрмінаванасці асобы. Ён адмовіўся ад гераізацыі сацрэалізма, акцэнтаваўшы ўвагу на чалавечай экзістэнцыі, засяродзіўся на маральна-этычных праблемах, тэме кахання, годнасці і самапавагі чалавека, прыніжанага жорсткай таталітарнай сістэмай. Экстрэмальныя ўмовы спрыялі нараджэнню ўнутранай духоўнай сілы і прагі да праўды жыцця ў герояў яго твораў. У гэтым заключаны гераізм персанажаў: не ва ўчынках, а ў самаадчуванні і здольнасці супрацьстаяць нягодам жыцця.

Проза чэшскага пісьменніка абмежавана пэўным тэматычным колам. Існуюць тэмы, якія, на думку аўтара, лепш дэманструюць маральную і эмацыянальную рэальнасць таго ці іншага часу. Адной з іх становіцца тэма помсты. Яна з'яўляецца ўжо ў першым зборніку А. Лусціга і рэалізуецца, як правіла, з дапамогай супрацьпастаўлення гвалту і свабоды, вылучэння кантрасту паміж нонканфармісцкімі паводзінамі маладых людзей і маральным кансерватызмам дарослых. Часцей за ўсё дзеянне адбываецца ў яўрэйскім асяродку. Так, у апавяданні «Блакітныя языкі агню» малады яўрэйскі рамеснік Датэл, у якога знайшлі антынацысцкія ўлёткі, хоча помсціць за ўсё несправядлівасці, крыўды, за безвыходную сітуацыю, у якой апынуўся, пачынае амаль усіх ненавідзець. Тое ж адбываецца ў апавесці «Малітва за Кацярыну Гаравітц», калі гераіня мусіць распрацацца дагала перад нацысцкімі салдатамі. Яе абурэнне і нянавісць нарастаюць магутнай хваляй, і ў выніку яна выходзіць з кабуры ў аднаго з фашыстаў пісталет і пачынае страляць у катаў. Гэта і становіцца кульмінацыяй твора. Гераіня гіне. А. Лусціг апісвае гэта вельмі эмацыянальна. Чытач адчувае вялікае псіхалагічнае напружанне, таму што пачуцці ўсіх удзельнікаў сцэны паступова ўзмацняюцца. Учынак яўрэйскай дзяўчыны быў імпульсіўны, непрадуманым, выкліканы прыніжэннем, на якое яна рэагуе дзеяннем, што стоіла ёй жыцця. Сцэна падаецца пісьменнікам вельмі візуалізавана, амаль кінематаграфічна. Да таго ж пратэст Кацярыны выглядае вельмі кантрасна ў параўнанні з пасіўнасцю астатніх ахвяр. Дакументальная гісторыя пра яўрэйскую дзяўчыну-танцорку становіцца вяршыняй адмаўлення і непрыняцця А. Лусцігам гвалту і прыніжэння чалавека чалавекам. У прозе пісьменніка персанажы ніколі не здзяйсняюць нейкіх гераічных учынкаў. Такія спробы заўсёды заканчваюцца трагічна. Малады хлопец з апавядання «Першы перад брамаю» са зборніка «Вуліца страчаных братоў» у майскія дні напрыканцы вайны спрабуе выкрасці зброю ў немцаў для паўстанцаў. Але ў выніку яго затрымліваюць і прывязваюць на браню танка спераду. Учынак юнака – гэта учынак безабароннага чалавека, які не можа перамагчы. Хлопец і яго бабуля становяцца ахвярамі немцаў. Матыў помсты прыніжанага чалавека (у А. Лусціга часцей за ўсё маладой дзяўчыны) сустракаецца, напрыклад, у рамане «Нелюбімая: з дзённіка сямнаццацігадовай Перлы Сх», дзе апісваецца гісторыя маладой яўрэйскай прастытуткі. Пра падзеі мы даведваемся з дзённіка Перлы ад 1943 г., які яна вядзе перад адпраўкай у Асвенцім з Тэрэзіна. Мы бачым яе прыніжэнне, што прыводзіць дзяўчыну да забойства нямецкага афіцэра, які становіцца ўвасабленнем зла, цынізму і жорсткасці. Перла пракрывае горла гэтаму немцу. Яўрэйская дзяўчына падаецца аўтарам выканальніцай акта справядлівай помсты. Асуджаная на пагібель у газавых камерах канцлагера, яна хоча выкрасці з памяці сваё ганебнае мінулае. А. Лусціг паказвае, як пагроза генацыду, штодзённым сведкам якой становіцца Перла, абуджае нянавісць, што, на думку чэшскага пісьменніка, хаваецца ў душы кожнага чалавека, як і міласэрнасць, і любоў. Учынак дзяўчыны А. Лусціг трактуе як дзеянне загнанага ў тупік чалавека, які не баецца

выйсця, а таму помсціць за свой злы лёс. Хаця пазней у адным з інтэрв'ю пісьменнік выказаўся пра тое, што помста не тоесна справядлівасці, паколькі апошняя мусіць быць чыстаю, але ў сваіх творах ён выступіў проста як сведка. А суддзёй будзе чытач.

Яшчэ адна значная тэма, якую мы можам вылучыць у творах пісьменніка, – гэта тэма абуджэння свядомасці. У апавяданні «Маральнае выхаванне» са зборніка «Ноч і надзея» расказваецца пра яўрэйскіх дзяцей у гета, якія мусяць займацца кражамі, таму што да гэтага іх змушае цяжкая штодзённая праца. Адзін з хлопцаў стаяў на варце, калі іншыя кралі ежу, і выпадкова параніў жанчыну з дзіцем. Яна таксама выпадкова апынулася на месцы злачынства. Хлопец пачынае ад гэтага пакутаваць, перажывае з-за свайго ўдзелу ў такіх справах, адчувае боль расчаравання. Так у яго абуджаецца моцнае маральнае пачуццё. У апавяданні «Ружовая вуліца» апісваецца, як эсэсавец здэкуецца са старой яўрэйкі. Гэта бачыць яго шафёр, які на наступны дзень прыносіць старой баначку з сардзінкамі ў алеі, а пазней забівае сабаку, якой жонка гэтага эсэсаўца травіла паміраючую жанчыну. А. Лусціг піша, што шафёр Вернер Бінда «адчуў у глыбіні сваёй душы нешта вельмі патаемнае»¹ [16, s. 139]. Мы разумеем, што гаворка ідзе пра дабрыню і чалавечасць, якія прачнуліся ў ім. У апавяданні «Блакітны дзень» таксама паказана абуджэнне маральнага пачуцця ў немкі-прастытуткі, якая ў часы Пражскага паўстання вывешвае нямецкі сцяг, па якім паўстанцы даведваюцца пра тое, што ў яе хаваецца нацысцкі фанатык. У акно кідаюць гранату, і жанчына гіне разам з фашысцкім афіцэрам. У рамане «Цемра не мае ценю» адзін з герояў твора, яўрэйскі хлопец, не можа забіць нямецкую жанчыну, якая стала сведкам таго, як яны, галодныя ўцекачы з канцлагера, кралі з таварышам ежу ў вёсцы, і яго з сябрам ловяць па дарозе ў Прагу. Але іншая нямецкая старая, у якой сыны на фронце, перашкаджае жыхарам вёскі забіць беглых яўрэяў, і іх адпускаюць.

Таксама важнай тэмай для А. Лусціга становіцца тэма чалавечай салідарнасці, якая яскрава праявілася ў зборніку «Дыяманты ночы». Назва сведчыць пра тое, што аўтар хацеў паказаць з'явы і сітуацыі, якія асвятлялі яўрэйскім абыяцелям цемру нацысцкай ночы. У апавяданні «Другое кола» яўрэйскі хлопец крадзе з вагона хлеб, а калі заўважае, што гэта бачыць эсэсавец, аддае хлеб не тым, каму ён прызначаўся. У самым знакамітым творы са зборніка «Кавалак» А. Лусціг апавядае нам гісторыю маладога яўрэйскага хлопца, які ў мёртвага бацькі выдзірае залатыя зубы, каб набыць лімон для хворай сястры. Дарэчы, А. Лусціг пазней згадваў, што гэта гісторыя адбылася на самай справе [19, s. 90]. У яўрэйскім асяродку сямейныя стасункі і стаўленне да бацькі характарызуецца вялікай павагай і значнасцю. Павага да мёртвых – таксама святое. Таму мы можам сказаць, што пісьменнікам падкрэсліваецца ўзнiкненне пэўнага канфлікту паміж традыцыйнымі каштоўнасцямі і жыццёвымі абставінамі, у якіх апынаюцца людзі ва ўмовах генацыду, калі абстрактныя правілы чалавечых паводзін у нармальным жыцці сталі другаснымі. У апавяданні «Белы» перад намі маналог яўрэйскага хлопца, які прыходзіць пад вокны інфекцыйнай бальніцы паразмаўляць са сваёй дзяўчынай Блехай, у якой запаленне мазгавых абалонак. Аднойчы ён прыносіць ёй падарунак, белага трусіка, якога скраў у багатых немцаў. Але дзяўчына не з'яўляецца. У канцы твора мы даведваемся, што яна памерла. Тут названая тэма чалавечай салідарнасці і ўзаемадапамогі спалучаецца з тэмай страчанага кахання, якое сустракаецца ў многіх творах чэшскага пражана. Тэма зараджэння любоўных пачуццяў і іх страта ў часы яўрэйскага генацыду прысутнічае ўжо ў апавяданні «Ноч і надзея». Яго героі – Шцепан і Ганна – сустракаюцца ў Тэрэзіне, але неўзабаве дзяўчыну вязуць на ўсход, а хлопец застаецца. Тэму страчанага кахання ў часы Другой сусветнай вайны распрацоўвалі многія чэшскія пісьменнікі, напрыклад Я. Агчанапак у рамане «Рамэа, Джульета і цемра». І А. Лусціг, і іншыя пісьменнікі паказваюць немагчымасць шчаслівага кахання ў вайнае ліхалецце. Каханне і смерць ідуць побач.

Паспрабуем вылучыць дамінанты мастацкага стылю чэшскага пісьменніка. Яшчэ ў 1960 г. чэшскі літаратуразнаўца Л. Долежал, разглядаючы апавяданні А. Лусціга, падкрэсліваў, што той размяжоўвае ў сваіх творах аб'ектыўны і суб'ектыўны час, калі падае гісторыю персанажаў [18, s. 94]. Пад суб'ектыўным часам крытык разумее час «душэўнага дзеяння і перажыванняў» сваіх герояў. Гэта становіцца яскравай кампазіцыйнай асаблівасцю першых зборнікаў апавяданняў, дзе А. Лусціг выкарыстоўвае «драматычнае запавольванне часу і дзеяння» [18, s. 94] і тым самым павялічвае псіхалагічнае і эмацыянальнае напружанне сітуацыі ў апавяданнях, дзе персанажы паказаны паміж жыццём і смерцю. Чэшскі даследчык В. Чэрны называе А. Лусціга «класічным апавядальнікам, навілістам, які збірае сапраўдныя жыццёвыя гісторыі» (цыт. па [18, s. 87]). Можам падкрэсліць, што пісьменнік добра ведаў лёсы тых, пра каго пісаў, таму што сам прайшоў праз падобныя жыццёвыя абставіны. У пазнейшых творах, напрыклад апавесці «Малітва за Кацярыну Гаравіц», аўтар, на думку А. Гамана, чэшскага даследчыка літаратуры, узмацняе супрацьпастаўленне аб'ектыўнага дзеяння і суб'ектыўных

¹Тут і далей пераклад наш. – А. В.

поглядаў і ўяўленняў, апісваючы цынічны падман нацыстамі групы амерыканскіх яўрэяў, што трапілі ім у рукі [18, s. 87]. Аб'ектыўнай логіцы фашыстаў, якая можа прывесці толькі да фізічнага знішчэння іх ахвяр, супрацьстаяць іх суб'ектыўныя ілюзіі і надзеі. Чытач бачыць, як рэальнае і ілюзорнае ўступаюць у драматычную канфрантацыю, кульмінацыяй якой становіцца бунт прыгожай яўрэйкі супраць татальнага зла і яе смерць. На нашу думку, у прозе А. Лусціга гаворка ідзе не проста пра канфрантацыю часовых пластоў, але і пра супрацьпастаўленне пэўных чалавечых поглядаў і светабачання ў цэлым.

На думку А. Гамана, А. Лусціг першы ў чэшскай прозе памежжа 1950–60-х гг. звяртаецца ў сваіх творах да мультыперспектыўнасці [18, s. 87], калі адну і тую ж падзею «бачыць» вачамі многіх герояў. Таксама трэба падкрэсліць, што ў тыя часы літаратура падавала чытачу афіцыйна прызнаны погляд на свет, падзеі, гісторыю, людзей і іх учынкi. А. Лусціг, як дарэчы і прадстаўнікі чэшскай паэзіі штодзённасці ў тыя часы, стаў паказваць рэчаіснасць з розных пунктаў гледжання, прычым гэта былі часта вельмі маргінальныя погляды, з «перыферыі тагачаснай гісторыі». Зварот чэшскага пісьменніка да памежных сітуацый (іх разглядалі экзистэнцыялісты) быў наватарскім і нязвыклым. Зварот увагі на псіхалагічны складнік мы можам таксама разумець як форму схаванай палемікі з уніфікацыяй думак і пачуццяў, якая навязвалася ў тыя часы таталітаранай уладай Чэхаславакіі, што арыентавалася на сталінска-жданаўскую мадэль грамадства, літаратуры і культуры. Пазней пра гэта неаднойчы гаварыў і сам А. Лусціг [19, s. 53].

Таксама як прымету мастацкага свету пісьменніка мы можам вылучыць няпэўнасць, неадназначнасць, часта зашыфраванасць, якія прысутнічаюць у яго творах. Гэта сюжэтныя, ідэйныя, кампазіцыйныя прынцыпы, што рэалізаваліся пісьменнікам на ўсіх творчых этапах. Часта названая рыса праяўляецца ў дуалізме свету, сітуацый, якія апісвае А. Лусціг. Яскрава гэта адметнасць праявілася ў рамане «Цемра не мае ценяў», які набыў свой канчатковы выгляд толькі ў 1991 г. Пасля прачытання твора застаецца ўражанне неадназначнасці жыцця і быцця, якое вынікае з разумення свету і чалавека, у аснове адносінаў паміж якімі перапляценне добра і зла, любові і нянавісці, ахвярнасці і эгаізму. Што з названага перамога, залежыць ад кожнага асобнага чалавека. Таму ў творах А. Лусціга няма адназначна адмоўнага стаўлення да немцаў як выключна да нацыстаў. Пісьменнік пазней успамінаў, як яго ўразіла знаёмства з маладым эсэсаўцам у Асвенціме ў 1944 г. Той дабравольна выбраў фронт, каб пазбавіцца ад нянавісці людзей, што былі ў канцлагеры і якіх ён мусіў сцерагчы. Іх нянавісць цалкам псіхалагічна знясіліла яго [20, s. 112]. Гэта рэальная сітуацыя ўвасобілася ў некалькіх апавяданнях А. Лусціга («Канец і пачатак», «Блакiтны дзень», «Ружовая вуліца»). Нават у ворагах аўтар бачыць элементы маральна-этычнай свядомасці (раман «Нелюбiмая: з дзённіка сямнаццацігадовай Перлы Сх»).

У першых зборніках апавяданняў канца 1950-х гг. («Ноч і надзея», «Дыяманты ночы», «Вуліца страчаных братоў») героі пагружаны ў мікрасвет штодзённасці пасля таго, як нацысты пачынаюць пераследаваць яўрэяў і абцягаюць вырашыць яўрэйскае пытанне канчаткова. Але потым у нечалавечых умовах некаторыя з іх пачынаюць паводзіць сябе як «святые»: яны знаходзяць у сабе сілы, нават калі самі становяцца ахвярамі. У пазнейшых прэзачных творах А. Лусціг часта распрацоўваў тэму страчанага кахання, што надае драматызму і псіхалагічнасці апісаным сітуацыям. Яго займае «пейзаж душы». Аўтар нібыта хоча засяродзіць увагу чытача не на знешніх абставінах, а на характарах, унутраным свеце герояў, іх суб'ектыўных уражаннях. Напрыклад, у рамане «Цемра не мае ценяў» адзін з цэнтральных персанажаў жыве мінулым, а другі – будучым. Жахлівае сучаснае нібыта не тычыцца галоўных герояў, маладых хлопцаў па мянушках Дані і Мані.

Вельмі характэрным для мастацкай манеры А. Лусціга з'яўляецца існаванне лейтматываў у яго творах. Звычайна ў якасці іх выступаюць дэталі, якія паўтараюцца на працягу ўсяго дзеяння. Можна сказаць, што такія дэталі выконваюць функцыі дамінуючых матываў. Як прыклад можна прывесці згадкі пра старога ў шапцы ў творы «Уніта» ці тракціршчыка з прычоскай Напалеона ў апавяданні «Вуліца страчаных братоў». Так, стары ўспрымаецца як пэўны сімвал капіталістычнай рэчаіснасці, сацыяльнай галечы Італіі 1960-х гг. Узгадваючы газавых лічыльніка, напрыклад, можа быць прадвесцем будучага лёсу яўрэйскай сям'і. На думку А. Гамана, «лейтматывы дадаюць мастацкаму свету прозы Лусціга ўнутраны рытм» [18, s. 92]. Увогуле трэба заўважыць, што дзеянне для А. Лусціга выконвае другасную функцыю, галоўнае – гэта паказаць характар свайго героя, яго ўнутраную сутнасць, таму важную ролю адыгрывае не гісторыя персанажа, а яго псіхалагічная характарыстыка. Менавіта такі падыход актуалізуе значэнне моўнай падачы героя. Часта апавед вядзецца ад першай асобы. Таксама ў А. Лусціга вельмі шмат дыялогаў у мастацкай тканіне тэксту. Так, у рамане «Цемра не мае ценяў» нямала ўнутраных маналогаў, лаканічных дыялогаў, якія служаць псіхалагічнымі характарыстыкамі сітуацыі і герояў Дані і Мані.

Калі паспрабаваць вызначыць месца і ролю А. Лусціга ў кантэксце чэшскай прозы, то, на нашу думку, яго вялікая заслуга ў тым, што пісьменнік працягнуў і значна абнавіў традыцыю псіхалагічнай плыні

ў чэшскай літаратуры 1960-х гг. і пазнейшага часу. Ён паказаў, як можа адчуваць сябе і рэалізоўвацца чалавек у цісках сістэмы, калі ўвогуле назіраўся крызіс гераічнасці як такой, а жыццё становілася наборам механічных стэрэатыпаў. Пра гэта дбалі ў сваіх творах многія чэшскія пісьменнікі другой паловы XX ст. Так, Б. Грабал вёў сваіх герояў дарогамі вызваленай фантазіі, якая ўвасобілася ў так званае грабалаўскае *пабэні*. Гратэскае праламленне названых стэрэатыпаў даваў у раманах У. Парал. У мастацтве філасофскага і інтэлектуальнага каментарыя знаходзіць выйсце М. Кундэра. Шырыўся скепсіс, які падмываў асновы чалавечага духу, і выражэнне сябе чалавекам у дзеянні, учынках адыходзіла на другі план, што і паказала тагачасная чэшская літаратура. Чалавек разважаў пра сябе, пра сваю тоеснасць і ідэнтычнасць, экзістэнцыяльныя асновы існавання ў жахлівым, несвабодным і жорсткім свеце. Сам А. Лусціг і яго героі ідуць крыху іншым шляхам. Персанажы спрабуюць захаваць сэнсанапаўненне свайго жыцця, пазітыўны погляд на яго. Мастацкі свет А. Лусціга і вобразы, створаныя ім у кнігах, напэўна, самыя зразумелыя, калі параўноўваць іх з вобразамі, створанымі названымі вышэй аўтарамі. Празаік піша хроніку генацыду яўрэйскага народа і паказвае наступствы гэтага з'явы. Робіць ён гэта сваёасаблівым рэпартажным дакументальным стылем, надаючы шмат увагі сімвалічным дэталю. Паколькі А. Лусціг сам усе ваенныя гады быў вязнем канцлагера, мы разумеем, што перад намі дакументальны рэалізм, паколькі пісьменнік быў сведкам таго, пра што піша.

Заклучэнне

А. Лусціга часта называюць адным з апошніх яўрэйскіх пражскіх пісьменнікаў, якім быў і Ф. Кафка. Напрыклад, у прадмове да адной з кніг А. Лусціга гэты факт згадвае чэшскі пісьменнік І. Груша. А. Лусціг, як і яго персанажы, часта глядзеў у вочы смерці, але пасля гэтага ён не стаў патэтычным і пафасным пісьменнікам. Як мастак, ён – перадусім чалавек, для якога нацыянальнае і расавае не так важна ў параўнанні з чалавечым. Яго творчасць – гэта пратэст супраць смерці, гвалту і жорсткасці. Пісьменнік разумее, што чалавек можа быць вельмі добрым і вельмі злым. А. Гаман згадваў, што А. Лусціг пісаў так, як Дж. Лондан пісаў пра залатую ліхаманку, Д. Конрад пра людзей на моры і І. Бабель пра людзей, змецёных рэвалюцыяй [18, s. 96]. Чэшскі пісьменнік быў упэўнены, што можна пісаць толькі пра тое, што ведаеш, адчуваеш, праз што прайшоў сам. А. Лусціг быў пісьменнікам, для якога ўласны жыццёвы вопыт – галоўная крыніца натхнення і тэм. Хаця яго кнігі выключна пра халакост, яны пра вечныя праблемы. Таму што лёс яўрэйства ў трагічным XX ст. можна праецыраваць на лёс усяго чалавецтва.

Бібліяграфічныя спасылкі / References

1. Doležal L. Slogové problémy A. Lustiga. *Plamen*. 1960;8:92–95.
2. Hrách K. Povídky o nenezkaženosti zkažených. *Kruh*. 1959;5:15–16.
3. Hamaň A. O tak zvané druhé vlně válečné prózy v naší současné literatuře. *Česká literatura*. 1961;4:513–520.
4. Hamaň A. Proč zemřela Dita Saxová? *Kulturní tvorba*. 1963;5:13.
5. Jungmann M. Ulice ztracených bratrů aneb povídky z rozpaků. *Lit*. 1960;7:4.
6. Jungmann M. Proměna jedné povídky. *Lit*. 1961;12:4.
7. Vohryzek J. Lustig. *Lit*. 1964;26:6.
8. Kocourek V. Povídky a lidé z geta. *Lit*. 1958;9:5.
9. Hamaň A. Prozy Arnošta Lustiga a dnešní čtenář. *Tvar*. 1992;10:4–5.
10. Hamaň A. Arnošt Lustig. *Čtenář*. 1991;11:15.
11. Bednářová J. Povídaní o Katce a jiných. *Květy*. 1990;47:10–11.
12. Poláček J. Lustig Arnošt. Dita Saxová. In: Suchmél M, redaktori. *Slovník českého románu 1945–1991*. Ostrava: Sfgina; 1992. s. 140–142.
13. Hviždála K. Arnošt Lustig. In: Hviždála K. *České rozhovory ve světě*. Koln: Index; 1981. s. 333–348.
14. Mareš F. Rozhovor se spisovatelem Arnoštem Lustigem. *Literární revue*. 1990;6:136–139.
15. Ornest O. Poutník na prahu domova. Pozhovor. *Věstník židovských náboženských obcí v Československu*. 1990;2:5–6.
16. Lustig A. *Noc a naděje*. Praha: Čs. Spisovatel; 1992. 297 s.
17. Cargass HJ. ...Aby uměli říct: «Ne!». Rozhovor se spisovatelem Arnoštem Lustigem. *Listy*. 1992;4:88–97.
18. Hamaň A. *Arnošt Lustig*. Praha: Jinočany; 1995. 102 s.
19. Lustig A, Bauer M, Cargas HJ. *Odpovědi: rozhovory s Harry Jamesem Cargassem a Michalem Bauerem*. Praha: [s. n.]; 2000. 83 s.
20. Lustig A. *Eseje: vybrané texty z let 1965–2008*. Praha: Mladá fronta; 2009. 142 s.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 09.07.2021.
Recieved by the editorial board 09.07.2021.

КНИГА ПСАЛМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ И. Г. ГЕРДЕРА: ИССЛЕДОВАНИЯ, ПЕРЕВОДЫ, РЕЦЕПЦИЯ В ПОЭЗИИ

Г. В. СИНИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется рецепция Книги Псалмов в творчестве И. Г. Гердера (J. G. Herder, 1744–1803), выдающегося немецкого философа, теолога, библеиста, фольклориста, переводчика, поэта. Утверждается, что Гердер открывает и обосновывает принципиально новый подход к Библии как художественному феномену, как итогу творчества еврейского народа на этапе Древности. Основоположник культурно-исторического подхода к искусству и сравнительного изучения литератур, Гердер рассматривает Библию не только как Священное Писание, несущее в себе вечные истины, но и как поэзию, родившуюся в определенном социокультурном контексте. В монументальной работе «О духе еврейской поэзии» («Vom Geist der Ebräischen Poesie», 1782–1783) он дает историко-культурный обзор возникновения и развития еврейской религии и поэзии, рассматривает библейскую поэзию как органичную часть мирового литературного процесса и одновременно показывает ее уникальность в сравнении с другими древними литературами. Переосмысливая понятие «классическая литература» (и, шире, «классическая культура»), Гердер говорит о необходимости включения в орбиту «классического» древних восточных культур и особенно Библии, оказавшей огромное влияние на европейскую культуру и ее поэзию. Одновременно он утверждает невозможность оценки библейской поэзии согласно критериям поэзии эллинской, как и любой другой. Среди библейских книг Гердера особенно привлекает Книга Псалмов (Псалтирь), являющаяся антологией древнееврейской религиозно-философской и литургической лирики. Он справедливо считает ее высшим взлетом еврейской и мировой поэзии, потому что в ней представлена широчайшая гамма чувств верующего человека, поражающая своей глубиной картина человеческой души, ведущей диалог с Богом. К тому же для Гердера это образец подлинно «наивной» поэзии, непосредственно изливающейся из сердца. Он рассматривает библейские псалмы в историко-культурном контексте, подчеркивает в них авторское начало, выявляет их жанровую специфику и особенности стилистики. В своем исследовании Гердер приводит собственные многочисленные переводы псалмов и впервые разрабатывает научные принципы художественного перевода, опирающегося на оригинал, точно передающего не только смысл, но и форму произведения, его ритмомелодику и стилистику. Показывается, что в религиозно-философской поэзии самого Гердера Книга Псалмов играет определяющую архитекстуальную роль, выполняя функции смысло- и текстопорождения. Стилистика библейских псалмов особенно важна для штюрмерского периода творчества Гердера, но в целом их духовные смыслы питают всю его религиозно-философскую лирику. Утверждается, что ритмика и стилистика библейских псалмов влияют на становление жанра религиозно-философского гимна, написанного свободными ритмами (*in freien Rhythmen*), т. е. верлибром, и впервые освоенного Ф. Г. Клопштоком. Этот же жанр является ведущим в религиозно-философской лирике Гердера. Таким образом, псалмы становятся также архитекстами (жанровыми образцами) для его поэзии. В целом как библейские исследования Гердера, так и его поэзия, архитекстуально связанная с Книгой Псалмов, представляют собой синтез теологии, литературоведения, культурфилософии и собственно поэзии.

Ключевые слова: И. Г. Гердер; Библия; Книга Псалмов; рецепция; архитекст; архитекстуальность; культурфилософия; культурно-историческая школа; художественный перевод; религиозно-философская лирика; религиозно-философский гимн в свободных ритмах.

Образец цитирования:

Синило ГВ. Книга Псалмов в творчестве И. Г. Гердера: исследования, переводы, рецепция в поэзии. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2021;3:36–51.

For citation:

Sinilo GV. The Book of Psalms in the works of J. G. Herder: research, translation, reception in poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2021;3:36–51. Russian.

Автор:

Галина Вениаминовна Синило – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Galina V. Sinilo, PhD (philology), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications, and associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
sinilo@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2430-4538>

КНИГА ПСАЛЬМАЎ У ТВОРЧАСЦІ Ё. Г. ГЕРДЭРА: ДАСЛЕДАВАННІ, ПЕРАКЛАДЫ, РЭЦЭПЦЫЯ Ў ПАЭЗІІ

Г. В. СІНІЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца рэцэпцыя Кнігі Псалмаў у творчасці Ё. Г. Гердэра (J. G. Herder, 1744–1803), выдатнага нямецкага філосафа, тэолага, біблеіста, фалькларыста, перакладчыка, паэта. Сцвярджаецца, што Гердэр адкрывае і абгрунтоўвае прынцыпова новы падыход да Бібліі як мастацкага феномена, як выніку творчасці яўрэйскага народа на этапе Старажытнасці. Пачынальнік культурна-гістарычнага падыходу да мастацтва і параўнальнага вывучэння літаратур, Гердэр разглядае Біблію не толькі як Святое Пісанне, што нясе ў сабе вечныя ісціны, але і як паэзію, што нарадзілася ў пэўным сацыякультурным кантэксце. У манументальнай працы «Пра дух яўрэйскай паэзіі» («Vom Geist der Ebräischen Poesie», 1782–1783) ён дае гісторыка-культурны агляд узнікнення і развіцця яўрэйскай рэлігіі і паэзіі, разглядае біблейскую паэзію як арганічную частку сусветнага літаратурнага працэсу і адначасова паказвае яе ўнікальнасць у параўнанні з іншымі старажытнымі літаратурамі. Пераасэнсоўваючы паняцце «класічная літаратура» (і, шырэй, «класічная культура»), Гердэр кажа пра неабходнасць уключэння ў арбіту «класічнага» старажытных усходніх культур і асабліва Бібліі, якая моцна паўплывала на еўрапейскую культуру і яе паэзію. Адначасова ён сцвярджае немагчымасць ацэньвання біблейскай паэзіі паводле крытэрыяў паэзіі элінскай, як і кожнай іншай. Сярод біблейскіх кніг Гердэра асабліва прыцягвае Кніга Псалмаў (Псалтыр), якая з'яўляецца анталогіяй старажытнай яўрэйскай рэлігійна-філасофскай і літургічнай лірыкі. Ён справядліва лічыць яе найвышэйшым узлётам яўрэйскай і сусветнай паэзіі, таму што ў ёй выяўлена найшырэйшая гама пачуццяў верніка, уражальная карціна чалавечай душы, якая вядзе дыялог з Богам. Да таго ж для Гердэра гэта ўзор сапраўднай «наіўнай» паэзіі, што непасрэдна выліваецца з сэрца. Ён разглядае біблейскія псалмы ў гісторыка-культурным кантэксце, падкрэслівае ў іх аўтарскі пачатак, выяўляе жанравую спецыфіку і асаблівасці стылістыкі. У сваім даследаванні Гердэр дае шматлікія ўласныя пераклады псалмаў і ўпершыню распрацоўвае навуковыя прынцыпы мастацкага перакладу, які павінен абапірацца на арыгінал, дакладна перадаваць не толькі сэнс, але і форму твора, яго рытмамелодыку і стылістыку. Паказваецца, што ў рэлігійна-філасофскай паэзіі самога Гердэра Кніга Псалмаў адыгрывае вызначальную архетэкстуальную ролю, выконваючы функцыі сэнса- і тэкстаспараджэння. Стылістыка біблейскіх псалмаў асабліва важная для шцюрмерскага перыяду творчасці Гердэра, але ў цэлым іх духоўныя сэнсы сілкуюць усю яго рэлігійна-філасофскую лірыку. Сцвярджаецца, што рытміка і стылістыка біблейскіх псалмаў уплываюць на станаўленне жанру рэлігійна-філасофскага гімна, напісанага свабоднымі рытмамі (*in freien Rhythmen*), гэта значыць верлібрам, і ўпершыню асвоенага Ф. Г. Клопштакам. Гэты жанр з'яўляецца магістральным у рэлігійна-філасофскай лірыцы Гердэра. Такім чынам, псалмы становяцца таксама архітэкстамі (жанравымі ўзорамі) для яго паэзіі. У цэлым як біблейскія даследаванні Гердэра, так і яго паэзія, архетэкстуальна звязаныя з Кнігай Псалмаў, уяўляюць сабою сінтэз тэалогіі, літаратуразнаўства, культурфіласофіі і ўласна паэзіі.

Ключавыя словы: Ё. Г. Гердэр; Біблія; Кніга Псалмаў; рэцэпцыя; архетэкст; архетэкстуальнасць; культурфіласофія; культурна-гістарычная школа; мастацкі пераклад; рэлігійна-філасофская лірыка; рэлігійна-філасофскі гімн у свабодных рытмах.

THE BOOK OF PSALMS IN THE WORKS OF J. G. HERDER: RESEARCH, TRANSLATION, RECEPTION IN POETRY

G. V. SINILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In this paper we explore the reception of the Book of Psalms in the work of J. G. Herder (1744–1803), an outstanding German philosopher, theologian, biblical scholar, folklorist, translator and poet. We affirm that Herder discovers and substantiates a fundamentally new approach to the Bible as an artistic phenomenon, as the result of the work of the Jewish people at the stage of Antiquity. The discoverer of the cultural-historical approach to art and the comparative study of literatures, Herder views the Bible not only as Holy Scripture, carrying eternal truths, but also as poetry, born in a specific socio-cultural context. In the monumental work «On the spirit of Hebrew poetry» («Vom Geist der Ebräischen Poesie», 1782–1783), he gives a historical and cultural overview of the emergence and development of Jewish religion and poetry, shows biblical poetry, on the one hand, as an organic part of the world literary process, on the other hand, its uniqueness in comparison with other ancient literatures. Rethinking the concept of «classical literature» (and, more broadly, «classical culture»), Herder speaks of the need to include in the orbit of the «classical» ancient oriental cultures and especially

the Bible, which had a huge impact on European culture and its poetry. At the same time, he asserts the impossibility of evaluating biblical poetry according to the criteria of Hellenic poetry, like any other. Among the biblical books, Herder is especially attracted by the Book of Psalms, which is an anthology of Hebrew religious, philosophical and liturgical lyrics. He rightly considers it the highest rise of Jewish and world poetry, because it presents the widest range of feelings of a deeply religious person, striking in its depth the picture of the human soul, conducting a dialogue with God. Moreover, for Herder, it is an example of a truly «naïve» poetry pouring out directly from the heart. He examines the biblical psalms in a historical and cultural context, emphasises the author's principle in them, reveals their genre specificity and peculiarities of their stylistics. In his research, Herder cites his own numerous translations of the psalms and for the first time develops the scientific principles of literary translation, based on the original, accurately conveying not only the meaning, but also the form of the work, its rhythm melodies and stylistics. It is shown that in the religious and philosophical poetry of Herder himself the Book of Psalms plays a decisive archetextual role, performing the functions of meaning and text generation. The style of the biblical psalms is especially important for the *Stürmer* period of Herder's work, but in general, their spiritual meanings feed all of his religious and philosophical lyrics. It is argued that the rhythm and style of biblical psalms influences the formation of the genre of a religious and philosophical hymn, written in free rhythms (*in freien Rhythmen*), that is, *vers libre*, and first mastered by F. G. Klopstock. The same genre is the leading one in Herder's religious and philosophical lyrics. Thus, the psalms also become architects (genre samples) for his poetry. In general, both Herder's biblical studies and his poetry, archetextually associated with the Book of Psalms, represent a synthesis of theology, literary criticism, cultural philosophy and poetry itself.

Keywords: J. G. Herder; the Bible; the Book of Psalms; reception; archetext; archetextuality; cultural philosophy; cultural and historical school; literary translation; religious and philosophical lyrics, religious and philosophical hymn in free rhythms.

Введение

Среди тех, кто заново открыл для немцев (и, шире, европейцев) Библию, увидел в ней шедевры древнееврейской поэзии, был выдающийся немецкий мыслитель, филолог, фольклорист, переводчик, писатель, идейный вдохновитель штюрмерского движения Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744–1803). Более того, Гердер самоё историю еврейского народа, воплощенную в Библии и обретшую статус Священной истории, оценил как подлинную поэзию, что вовсе не лишает, с его точки зрения, эту историю конкретности. Гердер и параллельно с ним Гёте открывают Библию как синтез духовного и исторического опыта еврейского народа на этапе Древности и одновременно как великую модель универсума, своего рода «второй мир» (Гёте), в котором человек постигает себя самого, а язык библейской поэзии – как «праязык» поэзии вообще, изначальный язык рода человеческого. Новый подход к Библии – религиозно-философский, историко-культурный и филологический, в том числе литературоведческий, – обозначила работа Гердера «О духе еврейской поэзии» («Vom Geist der Ebräischen Poesie», 1782–1783) [1]. Однако особый интерес к Писанию, стремление изучать его в оригинале (Ветхий Завет – на иврите, Новый Завет – на греческом языке), увлеченность библейской поэзией сложились у Гердера задолго до появления данной работы, которой предшествовали более ранние библейские штудии. Этот интерес непонятен вне контекста идейно-философских и эстетических исканий Гердера, равно как и вне его деятельности как протестантского теолога и проповедника, прокладывавшего дорогу новому типу религиозности, свободной от узких конфессиональных рамок.

Как известно, Гердер явился основоположником культурно-исторического подхода к искусству и литературе, сравнительного изучения фольклора, литературы, искусства. Именно такой подход позволяет увидеть как национальное своеобразие культуры каждого народа, так и универсалии человеческой культуры, общие закономерности ее развития. Всю жизнь Гердер стремился выстроить единую культурную историю, точнее – культурфилософию человечества, что и было осуществлено в его работе «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1784–1791) [2]. В. М. Жирмунский справедливо указывает: «Противопоставив нормативным эстетическим принципам классической поэтики свой генетический метод и сравнительно-историческую точку зрения, Гердер положил начало рассмотрению литературных явлений как выражению духовной культуры народов в определенных условиях исторического развития. Литературный универсализм Гёте, который привел его к идее “мировой литературы” (*Weltliteratur*) (курсив наш. – Г. С.), был воспитан в школе Гердера» [3, с. LVII].

В связи с большой значимостью творчества Гердера для развития различных сфер немецкой культуры и науки – литературы и литературоведения, языка и языкознания, философии (в первую очередь культурфилософии), искусствоведения, востоковедения, богословия, библеистики – ему посвящено большое количество работ. В ряду наиболее известных – обширное двухтомное биографическое исследование немецкого философа, историка и публициста Рудольфа Гайма (Rudolf Haym, 1821–1901)

«Гердер, его жизнь и сочинения» («Herder: nach seinem Leben und seinen Werken dargestellt», 2 Bde, 1877–1885) [4], которое до сих пор остается одной из самых фундаментальных работ о Гердере, посвященной формированию его личности, мировоззрения, различным аспектам творчества. Однако в наименьшей степени оно связано с литературоведческим анализом наследия Гердера, его поэзии и переводов из Библии. На рубеже XIX–XX вв. творчество Гердера (и прежде всего философия и эстетика) изучалось в русле школы *Geistesgeschichte*, или «школы идей», основанной В. Дильтеем (монографии О. Кюнемана (E. Kühnemann, 1895) [5], Г. Якоби (G. Jacoby, 1907) [6], К. Зигеля (C. Siegel, 1907) [7] и др.). Начало литературоведческому подходу к наследию Гердера положила диссертация Ф. Г. Г. Адлера (F. H. N. Adler, 1913) [8], в которой в сравнительно-типологическом ключе исследовались мировоззрение и поэзия Гердера и Клопшток. После Второй мировой войны акценты несколько изменились: наследие Гердера стали преимущественно рассматривать в историко-культурном контексте, с культурологической точки зрения, но исследователей по-прежнему волновали его вклад в философию и эстетику, предложенная им концепция истории. Это работы Б. Швейцера (B. Schweitzer, 1948) [9], Г. А. Залмони (H. A. Salmony, 1949) [10], Д. В. Йёнса (D. W. Jöns, 1956) [11], Э. Адлера (E. Adler, 1968) [12], Г. Адлера (H. Adler, 1990) [13]. В этом же ряду стоят исследования англоязычных ученых: Р. Т. Кларка (R. T. Clark, 1955) [14], Г. Б. Нисбета (H. B. Nisbet, 1970) [15], Дж. Г. Заммито (J. H. Zammito, 2002) [16] и др.

Отношению Гердера к евреям и еврейской культуре уделила внимание в своей ранней работе «Просвещение и еврейский вопрос» (1932) известный мыслитель XX в., исследовательница тоталитаризма Х. Арендт (H. Arendt) [17], позднее – уже упомянутый Э. Адлер [18]. Специфику богословских взглядов Гердера исследовал выдающийся немецкий протестантский теолог К. Барт (K. Barth, 1947, 1994) [19], а современный немецкий богослов и ученый К. Кордеман (C. Cordemann, 2010) посвятил свою монографию христианскому монизму и христологии Гердера [20]. Показательно само название обширного двухтомного труда М. Кесслера (M. Kessler, 2007): «Иоганн Готфрид Гердер – теолог среди классиков» [21], как показательно и внимание современных исследователей к синтезу богословия, философии и литературы в творчестве Гердера. В целом интерес к различным аспектам его наследия не угасает, а нарастает на рубеже XX–XXI вв. И хотя по-прежнему большинство работ посвящено вкладу Гердера в философию, эстетику, историю, антропологию (Р. Хэфнер (R. Häfner, 1995) [22], Р. Симон (R. Simon, 1998) [23], А. Лёхте (A. Löchte, 2005) [24], Й. Ф. Ляйнер (Y. P. Leiner, 2012) [25], М. Кесслер и Ф. Леппин (M. Kessler, V. Leppin (Hrsg.), 2005) [26] и др.), все активнее изучается его художественное наследие, в том числе и переводческое (например, в работе А. Ф. Келлетата (A. F. Kelletat, 1984) [27]), диалектика универсального и национального в подходе к мировой литературе (см.: Г. Адлер (H. Adler, 1996) [28]).

В России изучение наследия Гердера началось со статьи испытывавшего его влияние А. Н. Пыпина, основоположника русской фольклористики, в «Вестнике Европы» за 1890 г. Затем к творчеству Гердера обратились литературоведы В. М. Жирмунский (1959, 1972) [3; 29, с. 209–276], Н. П. Банникова (1963) [30], А. В. Михайлов, подготовивший отдельное издание главного труда Гердера – «Идеи к философии истории человечества» сначала в сокращенном переводе (1977), а затем в полном (2007) [2]; философы А. В. Гулыга (1963, 1975) [31], трактовавший мировоззрение Гердера как материалистическое, что совершенно не соответствует действительности, О. В. Парфенов (2004) [32], Б. В. Марков (2011) [33]. В целом же творчество Гердера недостаточно исследовано в советской и постсоветской науке и совсем не изучено в Беларуси.

Особенно мало внимания уделялось рецепции Библии в творчестве Гердера, архетекстуальной роли отдельных библейских книг, в том числе лирических, в его философской эссеистике и поэзии. Исключением являются монографии немецкого ученого К. Бульмана (C. Bultmann, 1999, 2012) [34], английского исследователя Дж. Д. Бэйлдэма (J. D. Baildam) (1999) [35], а также статьи Р. Сменда (R. Smend, 2005) «Гердер и Библия» [26, S. 1–14], Г. Заудера (G. Sauder, 2005) «Ветхий Завет – новая литература семидесятых годов» [26, S. 29–46], Й. Фрая (J. Frey, 2005) «Гердер и Евангелия» [26, S. 47–93] и автора этих строк [36], касающиеся различных аспектов восприятия Гердером Священного Писания.

В 2006 г. в Берлине в Центре исследований литературы и культуры имени Г. В. Лейбница (Leibniz-Zentrum für Literatur- und Kulturforschung) состоялся научный конгресс, посвященный работе Гердера «О духе еврейской поэзии» («Vom Geist der Ebräischen Poesie»), положившей начало новому взгляду на Библию и научному исследованию библейской поэзии. По материалам конгресса издан сборник научных статей под редакцией Д. Вайднера (D. Weidner, 2008) [37]. Уже в программе, размещенной на сайте, организаторы конгресса с грустью констатировали: «Немецкая литературная история могла бы быть немного иной: на краткий момент около 1800 г. показалось, что другой исток западной поэзии – Восток, Библия – может стать частью поэзии. В работе “О духе древнееврейской поэзии” И. Г. Гердер

разрабатывает всеобъемлющую, опирающуюся на антропологию и эпистемологию поэтику на библейской основе. Но проект Гердера не находит последователей, несколько позже Библия и литература отделяются: художественная литература отличается не только от науки и истории, но и от религии; с другой стороны, историко-критическое исследование Библии становится самостоятельной дисциплиной, которая будет иметь мало общего с литературоведением в течение следующих ста пятидесяти лет¹ [38]. Последнее замечание очень точно: по-настоящему гердеровский метод в изучении Библии будет возобновлен и продолжен лишь во второй половине XX в., в тесной связи со становлением школ «Новой критики» и «Интерпретации текста». Это недвусмысленно говорит об актуальности изучения подходов Гердера к Библии для понимания историко-литературного процесса и определения наиболее приемлемых путей анализа художественного текста. Подобного рода исследования отсутствуют в советской и постсоветской науке. При этом ни в западном, ни в постсоветском литературоведении нет работ, посвященных рецепции Книги Псалмов в творчестве Гердера, их архитекстуальной функции в его религиозно-философской лирике. Это обуславливает *актуальность* настоящего исследования.

Итак, *целью* данной работы является установление специфики рецепции Книги Псалмов в научном, богословском и поэтическом дискурсе Гердера, ее архитекстуальной функции в его религиозно-философской поэзии. Непосредственные *задачи исследования*: 1) уточнение новаторства Гердера в подходе к Библии в целом; 2) выявление особенностей интерпретации Гердером Книги Псалмов и ее поэтики; 3) определение подходов Гердера как переводчика библейской поэзии; 4) установление архитекстуальной функции Книги Псалмов в религиозно-философской поэзии Гердера. *Основными методами исследования* стали генетический метод культурно-исторической школы, компаративный и герменевтический методы, а также методы структурного и целостного анализа художественного текста.

Результаты и их обсуждение

Среди многочисленных открытий Гердера одним из важнейших было переосмысление понятия «классический», которое ранее связывалось у европейцев только с греческой и римской культурами. Во многом благодаря Гердеру теперь очевидно, что наряду с западной (греко-римской) Античностью существовала не менее важная для уяснения путей развития мировой культуры восточная Античность – великие древние культуры Востока, и прежде всего Ближнего Востока. Показательно, что на языке современных востоковедов классическим Востоком называется именно он, ибо там родились древнейшие письменные культуры, которые в наибольшей степени повлияли на культуру европейскую, именно там возникла Библия, не вполне понятная вне контекста всего Древнего Ближнего Востока, ментально ему противостоящая, но стилистически, как художественное слово, связанная с древними культурами Египта, Месопотамии, Ханаана тысячью нитей.

Кроме того, важнейшим открытием Гердера становится открытие Библии как художественного феномена, вписанного в определенный историко-культурный контекст, объяснение ее как уникального текста (в силу того, что через нее дано Откровение Божье), но одновременно такого же явления национальной (еврейской) литературы, каковыми являются литературы других народов. Р. Гайм справедливо указывает: «Благодаря Гердеру впервые были признаны своеобразные и неподражаемые достоинства священной поэзии евреев; благодаря ему на Библию стали смотреть как на такую Божественную книгу, которая поражает поэтичностью своего содержания; благодаря ему история ветхозаветной поэзии была поставлена наряду с историей литературы других народов и была сделана попытка объяснить внутреннюю связь между ходом ее развития и ходом развития еврейского народа» [4, т. 2, с. 205].

Благодаря Гердеру кардинально изменилось восприятие Библии образованными европейцами, особенно поэтами. Гёте в «Поэзии и правде» вспоминает о том времени, когда Гердер открыл для него и его поколения новые горизонты: «Поэзия открылась мне теперь совсем с иной стороны, чем раньше... Поэтическое искусство евреев, весьма остроумно трактованное Гердером... народная поэзия, истоки которой он заставлял нас отыскивать в Эльзасе, древнейшие памятники устного творчества – все это свидетельствовало о том, что поэзия – дар, свойственный всему миру и всем народам...» (перевод Н. Ман) [39, с. 343]. В научном приложении к «Западно-восточному дивану» Гёте сравнивает свое впечатление от открытия Гердером библейской поэзии как поэзии восточной с «подлинно лучезарным восходом Солнца на Востоке» [40, с. 142]. Примерно в это же время младший современник Гёте, русский поэт В. А. Жуковский писал о том, как сочинения Гердера изменили его представления о Библии, раскрыли ее поэтический характер: «Сочинения Моисея, Книга Иова и Песни Пророков суть памятники стихотворства, едва ли не превышающие своим величием совершеннейшие произведения Древности. *Святой восторг живет на бреге Иордана! / В тени Едемских роц, на высотах Ливана* (курсив наш. – Г. С.).

¹Здесь и далее, если не оговорено иное, перевод наш. – Г. С.

Из всех, писавших о еврейской поэзии, никто не проникнул так глубоко в дух и не представил с таким искусством действий ее, как славный Гердер. Слог одушевленный, пронизательность удивительная и воображение творческое, соединенное с ученостью обширною, – таков характер Гердера, особенно обнаруживающийся в книге его “Дух еврейской поэзии” [41, с. 434].

В своих работах, и прежде всего в сочинении «О духе еврейской поэзии», Гердер демонстрирует, что история мировой литературы неполна без древнееврейской, главным памятником которой является Библия, а настоящая экзегеза библейских текстов неотделима от историко-культурного и филологического (лингвистического и литературоведческого) анализа, невозможна без обращения к оригиналу. Благодаря работе над переводами библейских текстов, как и песен разных народов, Гердер поставил художественный перевод на научную основу, разработал его важнейшие принципы. Современные немецкие исследователи подчеркивают, что книга Гердера «О духе еврейской поэзии» – «пограничный случай: между поэтикой и толкованием Библии, между христианской традицией и еврейским текстом, между Просвещением, классикой и романтизмом, между библейскими комментариями и назидательным диалогом, между восточным воображением и исторической филологией – ослепительный, неоднозначный и напряженный текст, открывающий множество прочтений» [38]. Но при этом организаторы конференции по книге Гердера с грустью добавляют: «...текст, который хорошо известен, но едва ли читается, не говоря уже об исследованиях» [38]. Это подтверждает, что книга Гердера, кардинально изменившая представление европейцев о Библии, по-прежнему нуждается в исследовании – и с точки зрения идей, и с точки зрения поэтики.

Работа «О духе еврейской поэзии: руководство для любителей ее и древнейшей истории человеческого духа» («Vom Geist der Ebräischen Poesie: Eine Anleitung für die Liebhaber derselben, und der ältesten Geschichte des menschlichen Geistes», 1782–1783)² возникла из идей, высказанных в более ранних работах Гердера – прежде всего в его «Археологии евреев», «Древнейшем документе», «Первоначальной истории человеческого рода», в эссе о Песни Песней и «Теологических письмах». Гердер признавался Гаману, что с детства мечтал написать такую работу и принялся за нее с ребяческим увлечением (подробнее см. [4, т. 2, с. 185]). Р. Гайм пишет, что Гердер «задумал перейти от доисторической эпохи иудейского народа к его древней истории и от его поэтических сказаний к истории его поэзии», но что «конечной целью, постоянно мелькавшей в уме автора, был полный перевод Библии. <...> ...Он намеревался заняться не простым переводом Библии, а таким изложением ее содержания, в котором “каждая из ее книг была бы представлена в первоначальном смысле без разделения на главы и стихи, а поэзия была бы тщательно отделена от истории”»; эту задачу он предполагал исполнить если не для публики, то по меньшей мере для самого себя и для своих друзей и “не в виде перевода Библии, а в виде сборника древних письменных памятников”» [4, т. 2, с. 186].

Работа Гердера грандиозна по объему: две части составляют более тысячи страниц. Третья часть так и не была написана – и потому, что требовала больших усилий и много времени, и потому, что все силы автора после выхода двух частей были направлены на «Идеи к истории философии человечества»; к этому прибавлялось то обстоятельство, что книга плохо раскупалась, а ее издатель обанкротился. Однако немногочисленные знатоки, ценители и почитатели сразу же сравнили книгу Гердера с «Историей искусства Древности» Винкельмана: как последний знакомил немецких читателей с историей и духом античного искусства, так первый – с историей и духом еврейской поэзии, являющейся выражением еврейской истории и религии, а также фундаментом религии христианской. Гердер рассматривает историю еврейской поэзии и религии в контексте мировой истории и культуры, как ее очень важную составную часть. Во введении – обзоре содержания своей книги – автор говорит о поставленных им задачах. Вначале он намерен показать, как еврейская поэзия обязана своими особенностями поэтическому складу и богатству еврейского языка, космологическим идеям евреев и истории их праотцев от Авраама до Моисея. Затем необходимо исследовать влияние Моисея на характер и дальнейшее развитие еврейской поэзии. После этого последует изложение собственно истории еврейской поэзии в единстве с еврейской историей. Эта история будет представлена в трех разделах: в первом речь пойдет о времени от Моисея до Давида, во втором – о поэзии Давида и Соломона, в третьем – о пророках. При этом, как говорит автор, он «доискивался бы происхождения самых изящных произведений еврейской поэзии, взвешивал бы их достоинства с точки зрения восточных жителей и объяснял бы, какое влияние они имели на дальнейшее развитие еврейской поэзии» (цит. по [4, т. 2, с. 191]). Эти задачи и были осуществлены в двух первых частях исследования.

Одной из самых значимых библейских книг для Гердера была Книга Псалмов, в которой он видел одно из вершинных явлений древнееврейской и мировой поэзии. Восхищаясь поэзией псалмов, он

²На русском языке в конце XIX в. была издана только первая часть под названием «История еврейской поэзии», причем в переводе с французского перевода (см. [42]).

говорит о том, что стоит 10 лет изучать еврейский язык, чтобы читать их в оригинале. Книга Псалмов воспринимается Гердером как образец великой религиозно-духовной поэзии в ее первозданной наивности и чистоте, поэзии, которой не суждено никогда устареть, потому что в ней представлена широкая и глубокая картина человеческой души, ведущей диалог с Богом, ликующей от сознания приближения к Нему, исповедующейся Ему в грехах, призывающей Его на помощь в горе и страдании, объясняющей Ему в беспредельной любви. Исследователь справедливо связывает появление высокой и глубоко личностной поэзии псалмов с эпохой правления Давида, когда возникает централизованное государство, Иерусалим становится столицей Израильского царства, а центром духовного притяжения народа – перенесенная в крепость Сион (сердце Иерусалима) Скиния Завета, предназначенная для хранения Ковчега Завета со Скрижалями Завета и Свитками Торы. Затем, при Соломоне, будет построен стационарный Храм, в котором основой богослужения станет именно Книга Псалмов. Это время высокого взлета веры, время, согласно Библии, заключения особого Сионского Завета с Давидом и его «домом» (родом), касающегося грядущего Спасения рода человеческого (потомком именно Давида должен стать Мессия – Помазанник Божий, эсхатологический Спаситель). Гердер отмечает, что именно при Давиде Псалмопевце еврейская поэзия достигла высшего расцвета – «рассыпавшийся дикий полевой цветок был тогда пересажен в качестве царского цветка на гору Сион» (цит. по [4, т. 2, с. 199]). Гердер указывает, что Давид с помощью поэзии и музыки стремился придать особую торжественность богослужению, а его царствование стало периодом «классической поэзии евреев» [4, т. 2, с. 199]. Он подчеркивает, что поэзия Давида и других псалмопевцев – это поэзия индивидуального чувства, отражающая характер автора, обстоятельства его жизни. Гердер пытается также установить различные жанровые разновидности псалмов, говорит об их влиянии на последующую еврейскую поэзию (произведения Соломона, пророческие книги) и на поэзию немецкую. Так, он утверждает, что Клопшток в своих одах и гимнах воспринял тон Псалмов Давида, и называет его «Асафом нашего народа», впервые научившим немцев понимать настоящий тон псалмов [1, S. 227].

Гердер первым указывает на важность в поэзии вообще, в том числе и библейской, не только смыслового аспекта (плана содержания), но и формы (плана выражения). Он, как истинный поэт, понимает, что поэзия воздействует на читателя (слушателя) не только смыслом, но и самим звучанием, ритмом, который создает определенное настроение, выполняет суггестивную функцию. Именно применительно к переводам псалмов Гердер впервые выдвигает задачу эквиритмического перевода стихотворного текста, максимально точной передачи в переводе не только смысла оригинала, но и его ритма, синтаксиса, а также (по возможности) эвфонии. Показателен, например, перевод Псалма 6-го, которому Гердер, определяя его генеральное настроение, дает название «Скорбь и надежда» («Trauer und Hoffnung»):

Jehovah! in deinem Zorne schilt mich nicht! / in deinem wallendem Grimme straf mich nicht: // Erbarme dich mein, Jehovah, denn ich bin schwach, / heile, Jehovah, mich, denn meine Gebaine zittern. // Mein ganzes Leben zittert sehr – / Und du Jehova? – o wie so lange! // Kehr um, Jehovah, rette mein Leben, / erhalt' mich noch, Barmherziger! / denn im den Tode denkt man dein ja nicht! / im Schattenreich; wer singt dir Lieder da? // Matt hab' ich mich geseufzet, / die lange Racht mein Bett mit Thränen überschwemmt, / mein Lager floß von Thränen. / Mein Auge dunkelt schon vor Gram; / es blidet alt und matt auf alle meine Dränger – // Hinweg von mir, ihr Bösewichter alle! / denn Gott erhört die Stimme meines Weinens, / Jehova hört mein klagendes Gebet / und nimmt es an. / Beschämt, bestürzt muß, wer mein Feind ist, werden, / zurücke weichen, erröthen, in einem Nu [1, S. 223–224].

Гердер бережно сохраняет параллелизмы, специфику синтаксиса оригинала, его особую натуралистичность в соединении с символикой (образ ока, истекающего слезами, затапливающими ложе, потемневшего и ослепшего от горя), его подчеркнутую исповедальность, искренность интонации. Сравним начало Псалма 6-го (Пс 6:2–4) в оригинале, в точном (практически дословном) переводе Д. Йосифона на русский язык и в переводе Гердера:

יְהוָה אֱלֹהֵי אֲבֹתָי תוֹכִיחֵנִי וְאַל-בְּחַמְתָּהּ תִּנְסָהֲנִי;
נַגְשִׁי יְהוָה כִּי אֲמַלֵּא אֹרִי וְקָאֵנִי יְהוָה כִּי וְגִבְהַלִּי עֲצָמַי;
וְנַגְשִׁי גִבְהַלְתָּ מָאֵד וְאַתָּה יְהוָה עַד-מָה: [43, с. 3]

Господи, не в гневе Твоем наказывай меня и не в ярости Твоей карай меня. // Помилуй меня, Господи, потому что несчастен я; излечи меня, Господи, потому что содрогаются кости мои. // И душа моя порясаена сильно. А Ты, Господи, доколе? [43, с. 3].

*Jehovah! in deinem Zorne schilt mich nicht! / in deinem wallendem Grimme straf mich nicht: // Erbarme dich mein, Jehovah, denn ich bin schwach, / heile, Jehovah, mich, denn meine Gebaine zittern. // Mein ganzes Leben zittert sehr – / Und du Jehova? – o wie so lange!*³ [1, S. 223].

Очевидно стремление Гердера к максимально точному переводу, к адекватной передаче ритмической структуры стиха, его синтаксиса и лексики (שָׁחַץ 'несчастен, немощен' может быть передано и как «слаб»; נַפְשִׁי 'и душа моя' может быть переведено и как «жизнь моя»). Экспрессивность текста усилена только введением причастия *wallend* 'клокочущий, бурлящий' как эпитета к слову «ярость». Сравним с гердеровским переводом перевод М. Лютера:

*Ach HERR, strafe mich nicht in deinem Zorn / und züchtige mich nicht in deinem Grimm! // HERR, sei mir gnädig, denn ich bin schwach; / heile mich, HERR, denn meine Gebeine sind erschrocken // und meine Seele ist sehr erschrocken. Ach du, HERR, wie lange!*⁴ (Ps 6:2–4) [44, S. 539].

Очевидно, что перевод Гердера не менее, а в некоторых деталях даже более точен, чем лютеровский, – например, в передаче состояния человека, кости которого содрогаются (сотрясаются), а не наполнены страхом, как и душа; нет у Гердера и восклицаний *Ah!*, отсутствующих в оригинале. Стремясь к научной точности, Гердер передает стоящий в оригинале Тетраграмматон (YHWH) как *Jehovah* – в соответствии с его огласовкой в Масоретской Библии (что сделано заведомо неверно еврейскими экзегетами, которые подставили огласовки от слова *Адонай* 'Господь', да еще в обратном порядке, чтобы защитить сакральное Имя Божье от произнесения; по-видимому, это не было известно Гердеру). У Лютера же, как и в большинстве пietetных религиозных переводов, стоит *Herr* – перевод слова *Адонай*, которым в еврейской традиции заменяется Тетраграмматон при чтении Священного Писания.

Гердер подчеркивает, что в Псалме 6-м, как и во многих Псалмах Давида, выражены индивидуальные, а не коллективные чувства, что его можно воспринимать как синтез «чувствительной оды» (*Empfindungs-Ode*) и элегии, и этому можно поучиться у древнего Псалмопевца современным поэтам (см. [1, S. 224]). Но и в тех псалмах, в которых выражены коллективные чувства, Гердер акцентирует силу духа еврейского народа, глубину его веры и преданности Богу, родной земле, особенно в псалмах, написанных в Вавилонском плену и вспоминающих о нем. Споря с теми, кто делил народы на «великие» и «малые», «цивилизованные» и «варварские», он заявляет: «Разве можно назвать варварским народ, у которого были такие национальные обстоятельства, связанные с пленом? И что может сравниться с этим?» [1, S. 224]. В качестве подтверждения этой мысли Гердер приводит в своем переводе знаменитый Псалом 137-й, называя его «Вавилонское пленение [Плен в Вавилоне]» («*Gefangenschaft in Babel*»):

An Babels Strömen sassen wir // und weineten, wenn wir an Zion dachten: // An ihren Weiden hingen unsre Harfen. // Zwar forderten daselbst, die uns gefangen hielten, / Lieder von uns; / unsre Dränger heischten von uns Freude: / «Der Zions-Lieder singe tuns doch Eins!» – / Wie sollen wir singen Jehovas-Lied / in einem fremden Lande! – // Vergäß ich dein, o Jerusalem; / so vergesse meiner die Rechte! // Es hange meine Zung' an meinem Gaum, / wenn ich nicht dein gedenke! – / wenn nicht Jerusalem allein / meine höchste Freude bleibt! // Gedenk o Herr, gedenk der Töchter Edoms / am Unglücks-Tage Jerusalems, / da die ausriefen: Reißet ein! / reiß ein ihn auf den Grund! // Tochter Babels! Verwüstete! / heil ihm, der dir vergilt! / der dir vergilt, was du an uns gethan. // Heil ihm, der deine Säuglinge ergreift, / und wirft sie an den Fels [1, S. 221–222].

Комментируя этот псалом, Гердер отмечает, что он написан или в самом Вавилонском плену, или сразу после возвращения из него и что эта песнь чрезвычайно трогает сердца: *Sein liebes Vaterland wird dem Sänger über alles heilig*⁵ [1, S. 222]. При переводе Псалма 137-го и других псалмов Гердер, стремясь адекватно передать на немецком языке ритмомелодику и синтаксис оригинала, прибегает к анжанбеманам (например: *hielten, / Lieder von uns*; или: *Wie sollen wir singen Jehovas-Lied / in einem fremden Lande!*). При этом Гердер уже опирается на опыт Клопштока, которого он неслучайно назвал «немецким Асафом». Так в процессе диалога с Псалтирью, благодаря подражаниям ей и переводам из нее, происходит становление немецкого верлибра.

³ 'Йеґова! в Твоем гневе не наказывай меня! / в Твоей клокочущей [бурлящей] ярости не карай меня. // Помилуй меня, Йеґова, потому что слаб, / исцели, Йеґова, меня, потому что мои кости содрогаются [дрожат]. // Вся моя жизнь содрогается очень – / А Ты, Йеґова? – о до каких пор!' (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.).

⁴ 'Ах, Господи, не карай меня в Твоем гневе / и не наказывай меня в Твоей ярости! // Господи, будь милостив ко мне, потому что я немощен, / исцели меня, Господи, потому что мои кости полны страха [ужаса; напуганы] // и моя душа полна ужаса. Ах, Господи, как долго!'

⁵ 'Его любимая родина – самое святое [превыше всего святого] для певца'.

Опыт осмысления древнееврейской поэзии и переводов из нее, прежде всего из Книги Псалмов, оказывает влияние и на собственную поэзию Гердера. Р. Гайм подчеркивает: «Путем переводов он освоился с духом еврейской поэзии и потом выражал в подражаниях свои собственные поэтические чувства и свои воззрения на Библию» [4, т. 2, с. 194]. Многое в поэтическом наследии Гердера связано с Библией, ее топикой и стилистикой. Так, он пишет тексты ораторий и кантат «Воскрешение Лазаря» («Die Auferweckung des Lazarus», 1772), «Детство Иисуса» («Die Kindheit Jesu», 1772), «Чужестранец на Голгофе» («Der Fremdling auf Golgatha», 1772), «Победа архангела Михаила. Сражение Добра и Зла» («Michaels Sieg. Der Streit des Guten und Bösen», 1775), «Кантата на Троицу» («Pfingstkantate», 1773), «Пасхальная кантата» («Osterkantate», 1781), создает свой парафраз Песни Песней (см. далее).

Влияние библейской поэзии очевидно в религиозно-философской и просто философской лирике Гердера – прежде всего в гимнах, написанных вслед за Клопштоком свободными ритмами, т. е. верлибром. В целом вся лирическая поэзия Гердера представляет собой наглядный синтез – и в плане формы, и в плане содержания – античной и библейской традиций, однако главенствующее значение для поэта имеет именно библейская составляющая. В плане ритмики его поэзия чрезвычайно разнообразна: это и классическая силлаботоника, и неравноостопные ямбы и хореи, и впервые обращение к песенному немецкому акцентному стиху – дольнику, и – вслед за Клопштоком – имитация эолийских строф (например, «Лирическая поэзия Клопштока» («Klopstock's lyrische Poesie», 1771), «Германия» («Germanien», 1791), «Немецкая слава» («Deutschlands Ehre», 1793) и др.), строфики хорового мелоса Пиндара, библейского тонического стиха, и свободные ритмы.

Гердер написал множество духовных песен, в которых ориентировался на давнюю традицию лютеранской песни начиная с М. Лютера, но уже преломленную через поиски М. Опица, П. Флеминга, И. Риста, С. Даха, П. Герхардта, И. К. Гюнтера, К. Ф. Геллерта и особенно Ф. Г. Клопштока. Духовные песни Гердера написаны короткими и четкими силлабо-тоническими размерами – например, четырехстопным хореем, как «Общество Господне» («Die Gemeinde des Herrn», 1769):

Hört! es singen Harfenspieler / Droben hoch im Heiligthum. / Hört und lernt! des Himmels Schüler; / Alle singen Gottes Ruhm, / Jeder ganz nach seiner Weise, / Tief von Herzen und allein, / Und doch stimmen Alle ein / Lieblich, einig, Gott zum Preise! / Hört! so wird der Geist gesandt / Siebenfach in alle Land»⁶ [45, S. 482].

Манера Гердера отличается повышенной эмоциональностью, экспрессивностью, экзальтированностью, в чем также проявляется несомненное влияние стиля Клопштока. В этой песне, как и во многих других, звучит воспринятая от Гамана, Бёме, Спинозы идея мистического всеединства мира, пребывающего в Боге:

Und ein⁷ Geist in allen Kräften, / Und der eine Gottesgeist / Geht durch Stimmen und Geschäfte, / Die er alle klingen heißt: / Ein Lied Gottes, das sie singen / Ueberall im Heiligthum; / Hoch und nieden, um und um / Ist es stille, und sie singen, / Wie Jedwedes Tiefe wird / Von der Geisteskraft gerührt⁸ [45, S. 483].

То же мы видим в «Утреннем песнопении» («Ein Morgengesang», 1773), в песне «Принесение Младенца Иисуса во Храм» (у Гердера дословно – «Представление Иисуса в Храме» – «Darstellung Jesu im Tempel», 1774), в многочисленных «Рождественских песнях» («Weihnachtsgesänge»). Часто в духовных песнях Гердер использует неравноостопную силлаботонику, соединяя ямбы и хореи, как, например, в «Kyrie eleison!» (между 1771 и 1774). Название этой песни (восклицание «Господи, помилуй!» в греческом варианте) паратекстуально отсылает к знаменитой песне М. Лютера «Иисус Христос наш Спаситель, который победил смерть» («Jesus Christus unser Heiland, der den Tod überwand»), где восклицание *Kyrie eleison!* звучит как рефрен, и не менее знаменитой песне Клопштока с тем же названием, что и у Лютера:

⁶«Слушайте! поют арфисты / Высоко вверху в Святилище. / Слушайте и учитесь! ученики небесные, / Все поют Божью Славу, / Каждый на свой лад, / Из глубины сердца и по одному, / И все-таки звучат стройно, / Прекрасно, едино, Богу во славу! / Слушайте! так Дух посылается / Семикратно во все земли».

⁷Здесь и далее выделено Гердером.

⁸«И один Дух во всех силах, / И единый Божий Дух / проходит сквозь голоса и создания, / Которые Он все побуждает звучать. / Одна песнь Божья, которую они поют, / Везде в Святилище, / Высоко и низко, вокруг и вокруг / Тихо, и они поют, / Как каждая глубина, / Тронутая силой Духа».

*Einiger! / Und Drei in Einigkeit! / Vater, Sohn und Heil'ger Geist! / Brunnquell Du und Strom und Allbeleber! / Erbarm Dich unser! // Christus, aller Welt Heil! / Uns Allen zu Theil / Bist, der Du bist! / O Jesu, Gottes Sohn, / Bruder, Mittler / Dort am ew'gen Thron, / Zu Dir schrei'n wir / Mit Herzensbegier, / Erbarm Dich unser! // Herr Gott, Heiliger Geist! / Kraft und Geist sei uns, wie Du es heißt, / Daß wir vom Erdenenthal / Auf einst schwingen uns zu jenem Lichtsaal! / Erbarm Dich unser!*⁹ [45, S. 481–482].

В качестве архетекстов для духовных песен Гердера, как и у его предшественников, выступают Евангелия и Псалтирь; последняя выполняет также важную архитектуральную функцию.

Библейская архитектуральность в полной мере проявляется и в медитативной лирике Гердера, в его размышлениях о Боге, мире, человеке, о собственном Я. Так, например, в одном из ранних стихотворений под названием «Второй разговор с самим собой» («Zweites Selbstgespräch», между 1762 и 1769) поэт говорит:

*Wer bin ich? Alles erwacht in mir! mein Geist! – / Höhen – Tiefen! – ich schaudre! – die nur Gott durchmißt! – / Dunkel liegt mein Grund! – Leidenschaft durchfließt / Ihn unendlich und braust! – braust! – Geist, Du bist / Eine Welt, ein All, ein Gott, Ich! – / Mensch fühl' ich mich, und beten vor mir an? / Nein! aufrecht stehn und denken will ich mich! / Du jeder mein Gedank, des stärksten Selbsttriebs Blut / Und jede Nerv sei Kraft und jede Ader Gluth, / Daß ich mich fühlen, fassen, lenken kann!*¹⁰ [45, S. 411].

Это юношеское стихотворение прекрасно передает состояние души «бурного (бушующего) гения», неистовость его чувств и порывов, его панентеистическое мироощущение. Показательно, что для выражения всего этого Гердеру потребовалась форма свободного стиха (верлибра). Ту же форму мы видим в стихотворении, не менее показательном для «бурного гения», – «Гений грядущего» («Der Genius der Zukunft»), наполненном экзотическими порывами, устремлением в грядущее и одновременно погрузением в собственную душу:

*Mit Flammenzügen glänzt / In der Seelen Abgründen der Vorwelt Bild / Und schießt weit über weisend starkes Geschoß / In das Herz der Zukunft! Siehe, da steigen / Der Mitternacht Gestalten empor! wie Götter aus Gräbern empor, / Aus Asche der Jugendgluth die Seher! Sie zerreißen / Mit Schwerterblitzen das Gewölk! Sie wehen / Im Blick durch die sieben der Himmel und schwingen sich herab! / Dann liest der Geist in seines Meers / Zauberspiegel die Ewigkeit! // Dich bet' ich an, o Seele! der Gottheit Bild / In Deine Züge gesenkt! In Dir / Zusammengehn des weiten Weltalls / Erhalterband'! Aus der Tiefe, Dir / Aus dem Abgrund webt sich Weltengebäu, und sinnst und tastest / Zum Saume des Ends hinan! / Nur tief umhüllt! in schwangerem Schooß / Mit Wolken umhüllt! in Kluft des erbrausenden Meeres, / Da ruht die keimende Nachwelt!*¹¹ [45, S. 274–275].

Передавая свое ощущение от библейского текста и размышляя о нем, поэтически толкуя его, Гердер обращается к самым разнообразным ритмам. Например, урегулированная силлаботоника использована в стихотворении «Творение» («Die Schöpfung», 1769), представляющем собой своеобразный парафраз первой главы Книги Бытия:

Einst war im weiten Schöpfungsraum / Noch Alles öd und wüst und leer, / Die Erd' ohn' Hügel, Thier und Baum, / Ein großes, schwarzes, wildes Meer, / Und Gottes Hauch schwebt' drüber her. / Da

⁹ «Единый! / И Три в Единстве! / Отец, Сын и Святой Дух! / Источник Ты, и Поток, и Всеоживляющий! / Помилуй нас! // Христос, всего мира Спасение! / Для всех нас / Есть, Кто Ты есть! / О Иисус, Божий Сын, / Брат, Посредник / Там, у Вечного Трона, / К Тебе вопием мы / С сердечной страстью, / Помилуй нас! // Господи Боже, Святой Дух! / Силой и Духом будь нам, как Ты и зовешься, / Чтобы мы из земной юдоли / Однажды воспарили к тому чертогу света! / Помилуй нас!»

¹⁰ «Кто я? Все пробуждается во мне! мой дух – / Высоты – глубины! – я трепещу! – которые только Бог измерит! – / Во тьме лежит мое основание! – Страсть течет сквозь / Него бесконечно и бушует! – бушует! – Дух, Ты – / Мир, Вселенная, Бог, Я! – / Человеком чувствую я себя, и – поклоняться мне? / Нет! Прямо [гордо] стоять и думать о себе я хочу! / О ты, каждая моя мысль, сильнейший крови толчок / И каждый нерв, будь силой, и каждая жила – пыланием, / Чтобы я мог себя чувствовать, постигать, направлять!»

¹¹ «Языками пламени сверкает / В безднах душ образ прамира, / И устремляется пророчески сильная стрела / В сердце грядущего! Смотри, вот вздымаются / Полуночи фигуры вверх! как боги из гробов вверх, / Из пепла юношеского пожара провидцы! Они разрывают / Сверкающими мечами облака! Они проникают / Взглядом сквозь семь небес и летят вниз! / Тогда читает дух в своего моря / Волшебном зеркале вечность! // Тебе поклоняюсь я, о душа! Божества образ / В Твои черты погружен! В Тебе / Сходятся широкой вселенной / Хранители! Из глубины, Тебе / Из бездны воздвигается здание миров, и мыслишь, и ощущаешь его / До самого края! / Только глубоко окутанный! в беременном лоне / Облаками окутанный! в пропасть бушующего моря, / Там покоится прорастающий грядущий мир!»

*sprach der Schöpfer aller Welt: / «Sei Licht!» Da stand das Meer erhellt, / Das Licht war gülden, klar und schön; / Gott sah's und freut'sich, 's anzusehn, / Und nannt's und gab es seiner Welt. / Das war der erste Tag*¹² [45, S. 447].

И далее поэт разворачивает, расширяет текст оригинала, комментируя его и в то же время сохраняя верность сжатости, лаконичности, суровой выразительности библейского стиля.

Поэтический язык молодого Гердера сложен, герметичен, как и язык Клопштока в его религиозно-философских гимнах, и еще более экстатичен, чем у него. Белый стих соединяется со свободными ритмами в стихотворении «Спаситель мира» («Der Heiland der Welt», между 1778 и 1780), представляющем собой небольшую по размерам кантату. Стих Гердера держится на весе каждого отдельного слова, на резких разрывах синтаксических конструкций на границах строк: *Da ging die Morgenröth' empor; ein Sturm / (Der Herr war nicht im Sturm) erschütterte / Das Felsengrab; die Erde bebt'; es sprang / Des Grabes Siegel, und der Fels entwich*¹³ [45, S. 475]. Прочитанный фрагмент и далее финал стихотворения Гердера содержат аллюзии на эпизод из жизнеописания пророка Илии, который не в громе, не в огне, не в землетрясении, не в сильном ветре, но в кротком прикосновении («голосе тонкой тишины») ощутил присутствие Бога (3 Цар 19:11–13), хотя у немецкого поэта речь идет о воскресении Иисуса: *Ein Feuer rings umstrahlte das Grab / (Der Herr war nicht im Feuer), und ein Hauch / Vom Munde Gottes weht' im sanften Kuß / Dem Todten zu: «Erwache!» Da erstand / Der Erstling Gottes...*¹⁴ [45, S. 476].

Верность пророческим интонациям и стилю псалмов Гердер сохраняет и в поздней поэзии – например, в большом стихотворении «Надежды одного провидца три тысячи лет назад» («Hoffnungen eines Sehers vor dreitausend Jahren», 1801), которое аллюзивно отсылает к пророчеству об Иммануэле у пророка Исаии (Ис 7), его видениям Мессиианской эры и мессиианским псалмам. Показательно, что в первой строфе поэт обращается к «Музам Солима [Салема, Иерусалима]» и противопоставляет источнику, текущему с «темного Пинда» (намек на эллинскую традицию и непосредственно Пиндара), «святой огонь Исаии», его шестикрылого серафима, коснувшегося раскаленным углем уст пророка (Ис 6):

*Ihr Musen Solyma's, beginnt Gesang! / Gesänge Salem's fordern Engelsklang. / Die Quelle, die vom dunkeln Pindus fließt, / Labt mich nicht mehr; mein Geist, mein reger Geist / Glüht heiliger von Jesaiah's Feuer; / Ein Seraph rührt mir meine Lipp' und Leyer*¹⁵ [45, S. 143].

В ритмической структуре стихотворения соединяются кнittelverse, приобретающий у Гердера высокое поэтическое звучание, и пятистопный ямб, в котором первая стопа часто заменяется спондеем, что придает всему стиху особую весомость:

*Flieht, schnelle Jahre! Morgen, steig empor! / Tritt, süßer Knabe, tritt ans Licht hervor! / Sieh, die Natur, sie ruft, sie ruft Dich schon; / Ihr schönster Kranz ist Deiner Thaten Lohn. / Die Wüste fühlt: «Ich werd' ein Eden sein!» / Der Dornbusch spricht: «Ich will ihm Rosen streun!» / Die Rose Saron's steigt im Duft empor; / Die Luft wird Weihrauch und Gesang und Chor: / «Er kommt! er kommt! Ihr Cedern, neigt das Haupt! / Ihr Felsen, bückt euch, die sein Tritt belaubt!..»*¹⁶ [45, S. 144].

В текст вторгаются аллюзии на Песнь Песней (Роза Сарона, благоухание ладана, кедры), чтобы вновь смениться почти прямыми цитатами из пророка Исаии: *Ein guter Hirt wird er den Völkern sein, /*

¹² «Некогда было в широком пространстве творения / Все еще дико, и пустынно, и пусто, / Земля без холмов, зверей и деревьев, / Великое, черное, дикое море, / И Божье дыхание парило над ним. / Тогда сказал Творец всего мира: / «Да будет свет!» Тогда море просветлело [озарилось], / Свет был золотым, ясным и прекрасным, / Бог увидел это и возрадовался, его увидев, / И назвал его, и дал его Своему миру. / Это был первый День».

¹³ «Вот взошла утренняя заря; буря / (Господь был не в буре) потрясла / Гробницу в скале; земля содрогнулась; открылась / Гробницы печать, и скала сокрылась».

¹⁴ «Огонь охватил гробницу кругом / (Господь был не в огне), и дуновение / Уст Божьих повеяло в нежном поцелуе / Умершему: «Пробудись!» Тогда восстал / Первенец Божий...»

¹⁵ «О Музы Солима, начните песнь! / Песнопения Салема требуют ангельского звучания. / Источник, который с темного Пинда течет, / Не освежает [ободряет] меня больше; мой дух, мой взволнованный дух / Пылает священнее от огня Исаии; / Серафим касается моих губ и лиры».

¹⁶ «Пролетайте, быстрые годы! Утро, поднимайся! / Явись, сладостный Отрок, явись на свет! / Смотри, природа, она зовет, она уже зовет Тебя, / Ее прекраснейший венец – Твоих деяний награда. / Пустыня чувствует: «Я стану Эдемом!» / Терновый куст говорит: «Я хочу усыпать Его розами!» / Роза Сарона вздымается ввысь, благоухая; / Воздух становится ладаном [фимиамом], и песнопением, и хором: / «Он грядет! Он грядет! О кедры, склоните головы! / О скалы, наклонитесь, покройте Его путь листвою!»

*Daß Menschen sich einmal an Menschen freun. / Kein Volk auf Erden schärfet mehr sein Schwert, / Das freudig jetzt zur Sichel wiederkehrt*¹⁷ [45, S. 144–145].

Форма гимна в свободных ритмах, обретенная в диалоге с Книгой Псалмов и Клопштоком, развивается в поздней лирике Гердера – например, в стихотворении «Бог» («Gott», 1803), являющемся итогом его размышлений о Боге – трансцендентном Творце мира, пребывающем в мире, открывающемся человеку через Свое творение и обитающем в глубинах человеческого духа:

*Wie nenn' ich Dich, Du Unnennbarer? Du, / Der Wesen Quell und Ende Seiner selbst, / Ein ewiger, endloser Quell, Begriff / Von Allem, was da lebt, genießt und ist, / Anfang und Ende jeder Creatur, / Ein ewig Sein, hoch über allem Sein, / Ein rastlos Weben der tiefsten Ruh, / Gedankenquell, aus dem, was Bild und Form, / Vorstellung, Wunsch und Streben ist, entsprang / Und stets entspringet und nach Ihm verlangt, / Nie Ihn erreichend, nie Ihn fassend. Du, / Zusammenklang der Sphären, Du, ihr Anklang / Und Ausklang, Kraft der Kräfte, tiefstes Sein / Jedweden Seins; **der ist und war und sein wird***¹⁸ [45, S. 104].

Последняя процитированная строка отсылает к эпизоду пророческого призвания Моисея, когда Господь открывает ему Свое священное Имя и поясняет его: *Я буду Тот, Кто буду* (Исх 3:14); это понимается как указание на полноту существования Бога во времени, точнее – Его неподвластность времени, Его вечность: Он – Тот, Кто есть, был и будет.

Гимн Гердера «Бог» представляет собой, с одной стороны, религиозно-философский трактат, разворачивающий панентеистическую картину мира, в которой Бог и бытие в его становлении и развитии неразделимы, в которой мир существует в Боге, а Бог открывается в мире через Свое творение. В гимне содержатся переключки не только с концепциями Бёме, Спинозы, Лейбница, Гамана (в собственном глубоком осмыслении Гердера), но и аллюзии на так называемые философско-созерцательные псалмы, в которых предстает целостная картина прекрасного и гармоничного мироздания, созданного Богом (как, например, Псалом 104/103-й). Гердер варьирует одну из ключевых мыслей Библии, в том числе и ярко выраженную в Книге Псалмов, а также заветную мысль мистиков – о невозможности постичь сокровенного Бога, о том, что можно лишь бесконечно приближаться к Нему, и не через рациональное познание, а интуитивно:

*Wie fass' ich Dich, den keine Räume fassen, / Du nirgend und doch über-überall / Und allenthalben ganz, in jeder Kraft, / Der volle Gott, wie ihn das Pünktchen Raum / Zu fassen nur vermag! Vor aller Zeit / Und in und außer aller Zeit bist Du! <...> // Verborgner Gott, Du mir so fern und nah, / Andringend mir, in meinem Innersten / Durchfassend mich, und will Dich die Vernunft, / Die Mücke, fassen, o, so findet sie / In Dir ihr Flammengrab. <...> // Im Sein nur wohnest Du, und überall / Ein unzertheilter Geist, ein göttlicher, / Umfassender Gedank', ein Gotteshertz...*¹⁹ [45, S. 104–105].

Слова Гердера о том, что Бог далек и одновременно необычайно близок человеку, предваряют знаменитые строки, открывающие «Патмос» Ф. Гёльдерлина: *Na ist / Und schwer zu fassen der Gott...* [46, S. 176] «Близок / И трудно постижим Бог...» Важно, что этот непостижимый Бог, «обитающий» тем не менее в Его творении (по словам Я. Бёме, «не над голубым небом звезд»), воспринимается Гердером так, как понимает Его Библия, особенно пророки и псалмопевцы, – как Живая Личность, как Бог Живой, изливающий на человека Свою любовь и взыскующий ее от человека. Закономерно поэтому обращение немецкого поэта к своему сердцу, открывающему Бога в любви, через любовь:

So schlage fröhlich denn, mein Herz! Du schlägst / Im Quell der Lieb', und dieser schlägt in Dir; / Auf, athme frei, mein Geist! Du athmest nicht / Im Erdendunst, Du athmest Aether: Gott! <...> // Mein

¹⁷ «Добрый Пастырем будет Он для народов, / Чтобы люди когда-нибудь радовались людям. / Ни один народ на земле не заострит больше свой меч, / Который теперь радостно превратится в серп» (ср.: Ис 2:4).

¹⁸ «Как назову я Тебя, о Ты, Неназываемый? Ты, / Который Источник сущности и конец Себя Самого, / Вечный, Бесконечный Источник, Понятие / Обо всем, что живет, наслаждается и существует, / Начало и конец каждого создания, / Вечное Бытие, высоко над всем бытием, / Неутомимое движение глубочайшего покоя, / Источник мыслей, из которого все, что есть образ и форма, / Представление, желание и стремление, возникло / И постоянно возникает, и к Нему стремится, / Никогда Его не достигая, никогда Его не постигая. О Ты, / Созвучие сфер, Ты, их отголосок / И последний отзвук, Сила сил, глубочайшее Бытие / Всякого бытия, **Который есть, и был, и будет**».

¹⁹ «Как вмещу я Тебя, Которого никакие пространства не вмещат, / Ты нигде и все-таки везде и всюду / И повсеместно целиком, а каждой силе, / Целостный Бог, как Его в точке пространства / Постичь! До всякого времени, / И в нем, и в вове всех времен Ты! <...> // Сокровенный Бог, Ты от меня так далек и близок, / Пронизывающий меня, в моем внутреннем существе / Постигающий меня, и хочет Тебя разум, / Мошка, ухватить, о, так находит она / В Тебе свою огненную могилу. <...> // В бытии только обитаешь Ты, и всюду / Неразделимый Дух, Божественный, / Всеохватная Мысль, Божье сердце...»

*Herz eröffnet sich, es schließt sich auf, / Es wallt in mir, die Quelle meiner Ruh. / Mein Vater und mein Gott, durch den ich bin, / Was ich nur bin und lebe...*²⁰ [45, S. 105–106].

Бог для Гердера – не только любящий Отец, но и ближайший друг (*tiefster Freund* ‘глубочайший друг’), которому открывают сердце,веряют радости и горе, который поддерживает в беде: *...Der, eh ich rufe, hört, der meiner Noth / Abhilft, eh ich sie seh...*²¹ [45, S. 106].

Гимн Гердера «Бог», как и другие его многочисленные стихотворения, демонстрирует не только его способность глубоко рефлексировать о Боге, но, что очень важно, его живую и горячую веру. Важнейшим архетекстом (смыслополагающим и текстопорождающим текстом) для поэзии Гердера становится Книга Псалмов, в которой «Бог из космической силы становится... прежде всего поверенным человеческих страданий и надежд» [47 с. 288], в которой наиболее полно воплощен диалог между *Я* и *Вечным Ты*.

Заключение

Таким образом, Гердер открывает новую эру в исследовании Библии. Создатель культурно-исторической школы, рассматривающей любое явление культуры, искусства, литературы в историко-культурном контексте и вместе с тем через призму общечеловеческих ценностей, единых закономерностей развития культуры и литературы, Гердер первым (наряду с Гёте) увидел в Библии плод творчества еврейского народа в конкретных исторических обстоятельствах, заставил посмотреть на нее не только как на Священное Писание, но и как на великую поэзию, без которой Писание не может выполнить свою миссию. Знаковой стала работа Гердера «О духе еврейской поэзии», открывшая филологический (прежде всего литературоведческий) подход к Библии, представляющая собой синтез богословия, библеистики в ее научном смысле, литературоведения, переводческого искусства, поэзии. Особое внимание в своем исследовании Гердер уделяет Книге Псалмов и переводам из нее. Он справедливо оценивает эту антологию религиозно-философской лирики как высший взлет древнееврейской поэзии, подчеркивает в ней индивидуальное, личностное начало и выражение авторского сознания. Применительно к переводам псалмов Гердер разрабатывает принципы научного подхода к художественному переводу, такие как опора на оригинал (только это позволяет избежать многочисленных ошибок); уяснение смысла произведения в его историко-культурном контексте; реконструкция личности автора и «вживание» в нее; максимально точное следование не только смыслу, но и ритму; передача стилистических особенностей переводимого текста без всякой модернизации; невозможность применения средств поэтики другой литературы и оценки текстов одной культуры через призму другой (например, библейской поэзии через призму античной). Эти принципы и сейчас являются основополагающими для настоящего переводчика. Книга Псалмов с самого раннего периода творчества Гердера-поэта становится важнейшим архетекстом (смысло- и текстопорождающим текстом) для его религиозно-философской лирики, в центре которой – человек, осмысливающий мир и себя самого, свое предназначение в диалоге с Богом, в стремлении постичь Непостижимое. Экстатическая, остро эмоциональная стилистика Книги Псалмов особенно воздействует на лирику Гердера штюрмерского периода. Псалмы являются для Гердера также архетекстами, определяющими его поиски в жанрах философской оды, религиозно-философского гимна, духовной песни. Опыт Клопштока, а также важнейший для Гердера опыт переводов библейских псалмов оказывают влияние на становление в его поэзии и немецкой лирике в целом свободных ритмов – свободного стиха, верлибра.

Библиографические ссылки

1. Herder JG. *Herders sämtliche Werke. Band 12. Vom Geist der Ebräischen Poesie, 2. Theil, 1783. 1.–2. Anhang, 1771–1781. Schlussbericht des Herausgebers zu Band X–XII.* Suphan B, Herausgeber. Berlin: Weidmann; 1880. 455 S.
2. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества.* Михайлов АВ, переводчик. Москва: Директ-Медиа; 2007. 1562 с. (Культурология: классические труды).
3. Жирмунский ВМ. Жизнь и творчество Гердера. В: Гердер ИГ. *Избранные сочинения.* Жирмунский ВМ, составитель; Жирмунский ВМ, Сигал НА, редакторы. Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1959. с. VII–LIX (Памятники мировой эстетической и критической мысли).
4. Гайм Р. *Гердер, его жизнь и сочинения.* Неведомский ВН, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2011. 2 тома (Слово о сущем; тома 86–87).

²⁰ «Так бейся радостно, мое сердце! Ты бьешься / В Источнике любви, и Он бьется в тебе, / Воспрянь, дыши свободно, мой дух! Ты дышишь не / Земными испарениями, ты дышишь эфиром: Бог! <...> // Мое сердце открывается, раскрывается, / Оно волнуется во мне, источник моего покоя. / Мой Отец и мой Бог, благодаря Тебе я есть то, / Что я есть, и живу...»

²¹ «...Который, прежде чем я позову, слышит, Который в моей беде / Поможет, прежде чем я ее увижу...»

5. Kühnemann E. *Herders Leben*. München: C. H. Beck; 1895. 413 S.
6. Jacoby G. *Herders und Kants Ästhetik*. Leipzig: Verlag der Dürr'schen Buchhandlung; 1907. X, 348 S.
7. Siegel C. *Herder als Philosoph*. Stuttgart: J. G. Cotta; 1907. XVI, 245 S.
8. Adler FHH. *Herder and Klopstock* [thesis PhD]. [Chicago]: University of Illinois; 1913. 231 p.
9. Schweitzer B. J. G. *Herders «Plastik» und die Entstehung der neueren Kunstwissenschaft: eine Einführung und Würdigung*. Leipzig: E. A. Seemann; 1948. 135 S. (Kleine Bücherei zur Geistesgeschichte; Band 13).
10. Salmony HA. *Die Philosophie des jungen Herder*. Zürich: Vineta; 1949. XII, 250 S.
11. Jöns DW. *Begriff und Problem der historischen Zeit bei Johann Gottfried Herder*. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag; 1956. 138 S. (Acta Universitatis Gothoburgensis = Göteborgs Universitets Årsskrift; volume 62).
12. Adler E. *Herder und die deutsche Aufklärung*. Wien: Europa Verlag; 1968. 402 S.
13. Adler H. *Die Prägnanz des Dunklen. Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei Johann Gottfried Herder*. Hamburg: F. Meiner; 1990. XII, 187 S. (Studien zum achtzehnten Jahrhundert; Band 13).
14. Clark RT. *Herder. His life and thought*. Berkeley: University of California Press; 1955. xii, 501 p.
15. Nisbet HB. *Herder and the philosophy and history of science*. Cambridge: Modern Humanities Research Association; 1970. xii, 358 p.
16. Zammito JH. *Kant, Herder and the birth of anthropology*. Chicago: University of Chicago Press; 2002. 576 p.
17. Arendt H. Aufklärung und Judenfrage. In: *Die verborgene Tradition: Acht Essays*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1976. S. 108–126 (Suhrkamp Taschenbuch; 303).
18. Adler E. Johann Gottfried Herder und das Judentum. In: Mueller-Vollmer K, editor. *Herder today. Contributions from the International Herder conference; 1987 November 5–8; Stanford, California, USA*. Berlin: W. de Gruyter; 1990. p. 382–401.
19. Barth K. Herder. In: *Die protestantische Theologie im 19. Jahrhundert. Ihre Vorgeschichte und ihre Geschichte*. 6. Auflage. Zürich: Theologischer Verlag; 1994. S. 279–302.
20. Cordemann C. *Herders christlicher Monismus. Eine Studie zur Grundlegung von Johann Gottfried Herders Christologie und Humanitätsideal*. Tübingen: Mohr Siebeck; 2010. XII, 310 S. (Beiträge zur historischen Theologie; 154).
21. Keßler M. *Johann Gottfried Herder – der Theologe unter den Klassikern. Das Amt des Generalsuperintendenten von Sachsen-Weimar*. Berlin: W. de Gruyter; 2007. XLII, 1115 S.
22. Häfner R. *Johann Gottfried Herders Kulturentstehungslehre. Studien zu den Quellen und zur Methode seines Geschichtsdenkens*. Hamburg: F. Meiner; 1995. XIII, 355 S. (Studien zum achtzehnten Jahrhundert; Band 19).
23. Simon R. *Das Gedächtnis der Interpretation. Gedächtnistheorie als Fundament für Hermeneutik, Ästhetik und Interpretation bei Johann Gottfried Herder*. Hamburg: F. Meiner; 1998. XXVI, 371 S. (Studien zum achtzehnten Jahrhundert; Band 23).
24. Löchte A. *Johann Gottfried Herder. Kulturtheorie und Humanitätsidee der «Ideen», «Humanitätsbriefe» und «Adrastea»*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2005. 236 S.
25. Leiner YP. *Schöpferische Geschichte. Geschichtsphilosophie, Ästhetik und Kultur bei Johann Gottfried Herder*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2012. 320 S.
26. Keßler M, Leppin V, Herausgeber. *Johann Gottfried Herder: Aspekte seines Lebenswerkes*. Berlin: W. de Gruyter; 2005. 437 S. (Arbeiten zur Kirchengeschichte; Band 92).
27. Kelletat AF. *Herder und die Weltliteratur. Zur Geschichte der Übersetzens im 18. Jahrhundert* [Dissertation]. Frankfurt am Main: P. Lang; 1984. 268 S.
28. Adler H. Weltliteratur – Nationalliteratur – Volksliteratur. Johann Gottfried Herders Vermittlungsversuch als kulturpolitische Idee. In: Otto R, Herausgeber. *Nationen und Kulturen. Zum 250. Geburtstag Johann Gottfried Herders*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 1996. S. 271–284.
29. Жирмунский ВМ. *Очерки по истории классической немецкой литературы*. Ленинград: Художественная литература; 1972. 496 с.
30. Банникова НП. Гердер. В: Балашов НИ, Пуришев БИ, Тураев СВ, редакторы. *История немецкой литературы. Том 2*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 203–223.
31. Гулыга АВ. *Гердер*. 2-е издание. Москва: Мысль; 1975. 181 с. (Мыслители прошлого).
32. Парфенов ОВ. *Философия истории Иоганна Готфрида Гердера* [диссертация]. Нижневартонск: [б. и.]; 2004. 135 с.
33. Марков БВ. *Время мира и время человека. В: Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Том 1*. Неведомский ВН, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2011. с. 5–59 (Слово о сущем; том 86).
34. Bultmann C. *Die biblische Urgeschichte in der Aufklärung. Johann Gottfried Herders Interpretation der Genesis als Antwort auf die Religionskritik David Humes*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1999. IX, 221 S. (Beiträge zur historischen Theologie; 110).
35. Baildam JD. *Paradisaal love: Johann Gottfried Herder and the Song of Songs*. Sheffield: Sheffield Academic Press; 1999. 368 p.
36. Синоло ГВ. «Песнь Песней» в интерпретации И. Г. Гердера. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки*. 2019;4:111–117.
37. Weidner D, Herausgeber. *Urpoesie und Morgenland: Johann Gottfried Herders «Vom Geist der Ebräischen Poesie»*. Berlin: Kadmos; 2008. 360 S.
38. Herders «Vom Geist der Ebräischen Poesie». Programm der Konferenz; 12.–14. Januar 2006 [Internet; cited 2019 December 15]. Available from: <https://www.zfl-berlin.org/veranstaltungen-detail/items/herders-vom-geist-der-ebraeischen-poesie.html>.
39. Гёте ИВ. *Собрание сочинений. Том 3. Из моей жизни. Поэзия и правда*. Ман Н, переводчик; Аникст А, Вильмонт В, редакторы. Москва: Художественная литература; 1976. 718 с.
40. Гёте ИВ. *Западно-восточный диван*. Брагинский ИС, Михайлов АВ, редакторы. Москва: Наука; 1988. 895 с. (Литературные памятники).
41. Жуковский ВА. Мысли о заведении в России Академии азиатской. В: *Полное собрание сочинений и писем. Том 10. Книга 2*. Москва: Языки славянской культуры; 2014. с. 418–441.
42. Гердер ИГ. *История еврейской поэзии: перевод с французского перевода. Часть 1*. Тифлис: Типография А. Энфиаджиданца и К^о; 1875. 355 с.
43. **הַהֲבִיָּה** = *Кетувим* [Писания]: текст на иврите с параллельным русским переводом Д. Йосифона. Иерусалим: Мосад га-рав Кук; 1978. [394] с.
44. *Die Bibel: Luthertext mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. 1082+382 S.

45. Herder JG. *Werke. Erster Theil. Gedichte*. von Düntzer H, Herausgeber [Internet]. Berlin: Hempel; 1879 [cited 2009 December 18]. Available from: <http://www.zeno.org/nid/20005042305>.
46. Hölderlin F. *Werke und Briefe*. Beißner F, Schmidt J, Herausgeber. Frankfurt am Main: Insel; 1969. 110+[240] S.
47. Аверинцев СС. Древнееврейская литература. В: Брагинский ИС, Балашов НИ, Гаспаров МЛ, Гринцер ПА, редакторы. *История всемирной литературы. Том 1*. Москва: Наука; 1983. с. 271–302.

References

1. Herder JG. *Herders sämtliche Werke. Band 12. Vom Geist der Ebräischen Poesie, 2. Theil, 1783. 1.–2. Anhang, 1771–1781. Schlussbericht des Herausgebers zu Band X–XII*. Suphan B, Herausgeber. Berlin: Weidmann; 1880. 455 S.
2. Herder JG. *Ideji k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Mikhaylov AV, translator. Moscow: Direkt-Media; 2007. 1562 p. (Kul'turologiya: klassicheskie trudy). Russian.
3. Zhirmunskiy VM. [The life and work of Herder]. In: Herder JG. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Zhirmunskiy VM, compiler; Zhirmunskiy VM, Sigal NA, editors. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury; 1959. p. VII–LIX (Pamyatniki mirovoi esteticheskoi i kriticheskoi mysli). Russian.
4. Haym R. *Gerder, ego zhizn' i sochineniya* [Herder, his life and works]. Nevedomskiy VN, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2011. 2 volumes (Slovo o sushchem; volumes 86–87). Russian.
5. Kühnemann E. *Herders Leben*. München: C. H. Beck; 1895. 413 S.
6. Jacoby G. *Herders und Kants Ästhetik*. Leipzig: Verlag der Dürr'schen Buchhandlung; 1907. X, 348 S.
7. Siegel C. *Herder als Philosoph*. Stuttgart: J. G. Cotta; 1907. XVI, 245 S.
8. Adler FHH. *Herder and Klopstock* [thesis PhD]. [Chicago]: University of Illinois; 1913. 231 p.
9. Schweitzer B. *J. G. Herders «Plastik» und die Entstehung der neueren Kunstwissenschaft: eine Einführung und Würdigung*. Leipzig: E. A. Seemann; 1948. 135 S. (Kleine Bücherei zur Geistesgeschichte; Band 13).
10. Salmony HA. *Die Philosophie des jungen Herder*. Zürich: Vineta; 1949. XII, 250 S.
11. Jöns DW. *Begriff und Problem der historischen Zeit bei Johann Gottfried Herder*. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag; 1956. 138 S. (Acta Universitatis Gothoburgensis = Göteborgs Universitets Årsskrift; volume 62).
12. Adler E. *Herder und die deutsche Aufklärung*. Wien: Europa Verlag; 1968. 402 S.
13. Adler H. *Die Prägnanz des Dunklen. Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei Johann Gottfried Herder*. Hamburg: F. Meiner; 1990. XII, 187 S. (Studien zum achtzehnten Jahrhundert; Band 13).
14. Clark RT. *Herder: His life and thought*. Berkeley: University of California Press; 1955. xii, 501 p.
15. Nisbet HB. *Herder and the philosophy and history of science*. Cambridge: Modern Humanities Research Association; 1970. xii, 358 p.
16. Zammito JH. *Kant, Herder and the birth of anthropology*. Chicago: University of Chicago Press; 2002. 576 p.
17. Arendt H. Aufklärung und Judenfrage. In: *Die verborgene Tradition: Acht Essays*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1976. S. 108–126 (Suhrkamp Taschenbuch; 303).
18. Adler E. Johann Gottfried Herder und das Judentum. In: Mueller-Vollmer K, editor. *Herder today. Contributions from the International Herder conference; 1987 November 5–8; Stanford, California, USA*. Berlin: W. de Gruyter; 1990. p. 382–401.
19. Barth K. Herder. In: *Die protestantische Theologie im 19. Jahrhundert. Ihre Vorgeschichte und ihre Geschichte*. 6. Auflage. Zürich: Theologischer Verlag; 1994. S. 279–302.
20. Cordemann C. *Herders christlicher Monismus. Eine Studie zur Grundlegung von Johann Gottfried Herders Christologie und Humanitätsideal*. Tübingen: Mohr Siebeck; 2010. XII, 310 S. (Beiträge zur historischen Theologie; 154).
21. Keßler M. *Johann Gottfried Herder – der Theologe unter den Klassikern. Das Amt des Generalsuperintendenten von Sachsen-Weimar*. Berlin: W. de Gruyter; 2007. XLII, 1115 S.
22. Häfner R. *Johann Gottfried Herders Kulturentstehungslehre. Studien zu den Quellen und zur Methode seines Geschichtsdenkens*. Hamburg: F. Meiner; 1995. XIII, 355 S. (Studien zum achtzehnten Jahrhundert; Band 19).
23. Simon R. *Das Gedächtnis der Interpretation. Gedächtnistheorie als Fundament für Hermeneutik, Ästhetik und Interpretation bei Johann Gottfried Herder*. Hamburg: F. Meiner; 1998. XXVI, 371 S. (Studien zum achtzehnten Jahrhundert; Band 23).
24. Löchte A. *Johann Gottfried Herder: Kulturtheorie und Humanitätsidee der «Ideen», «Humanitätsbriefe» und «Adrastea»*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2005. 236 S.
25. Leiner YP. *Schöpferische Geschichte. Geschichtsphilosophie, Ästhetik und Kultur bei Johann Gottfried Herder*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2012. 320 S.
26. Keßler M, Leppin V, Herausgeber. *Johann Gottfried Herder: Aspekte seines Lebenswerkes*. Berlin: W. de Gruyter; 2005. 437 S. (Arbeiten zur Kirchengeschichte; Band 92).
27. Kelletat AF. *Herder und die Weltliteratur. Zur Geschichte der Übersetzens im 18. Jahrhundert* [Dissertation]. Frankfurt am Main: P. Lang; 1984. 268 S.
28. Adler H. Weltliteratur – Nationalliteratur – Volksliteratur. Johann Gottfried Herders Vermittlungsversuch als kulturpolitische Idee. In: Otto R, Herausgeber. *Nationen und Kulturen. Zum 250. Geburtstag Johann Gottfried Herders*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 1996. S. 271–284.
29. Zhirmunskiy VM. *Ocherki po istorii klassicheskoi nemetskoi literatury* [Essays on the history of classical German literature]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1972. 496 p. Russian.
30. Bannikova NP. [Herder]. In: Balashov NI, Purishev BI, Turaev SV, editors. *Istoriya nemetskoi literatury. Tom 2* [History of German literature. Volume 2]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1963. p. 203–223. Russian.
31. Gulyga AV. *Gerder* [Herder]. 2nd edition. Moscow: Mysl'; 1975. 181 p. (Mysliteli proshlogo). Russian.
32. Parfenov OV. *Filosofiya istorii Ioganna Gotfrida Gerdera* [Philosophy of history by Johann Gottfried Herder] [dissertation]. Nizhnevartovsk: [s. n.]; 2004. 135 p. Russian.
33. Markov BV. [Time of the world and time of man]. In: Haym R. *Gerder, ego zhizn' i sochineniya. Tom 1* [Herder, his life and works. Volume 1]. Nevedomskiy VN, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2011. p. 5–59 (Slovo o sushchem; volume 86). Russian.
34. Bultmann C. *Die biblische Urgeschichte in der Aufklärung. Johann Gottfried Herders Interpretation der Genesis als Antwort*

- auf die Religionskritik David Humes. Tübingen: Mohr Siebeck; 1999. IX, 221 S. (Beiträge zur historischen Theologie; 110).
35. Baildam JD. *Paradisaal love: Johann Gottfried Herder and the Song of Songs*. Sheffield: Sheffield Academic Press; 1999. 368 p.
36. Sinilo GV. [Song of Songs in the interpretation of J. G. Herder]. *Proceedings of Francisk Skorina Gomel State University. Humanities*. 2019;4:111–117. Russian.
37. Weidner D, Herausgeber. *Urpoesie und Morgenland: Johann Gottfried Herders «Vom Geist der Ebräischen Poesie»*. Berlin: Kadmos; 2008. 360 S.
38. Herders «Vom Geist der Ebräischen Poesie». Programm der Konferenz; 12.–14. Januar 2006 [Internet; cited 2019 December 15]. Available from: <https://www.zfl-berlin.org/veranstaltungen-detail/items/herders-vom-geist-der-ebraeischen-poesie.html>.
39. Goethe JW. *Sobranie sochinenii. Tom 3. Iz moei zhizni. Poeziya i pravda* [Collected works. Volume 3. From my life. Poetry and truth]. Man N, translator; Anikst A, Vil'mont V, editors. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1976. 718 p. Russian.
40. Goethe JW. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-east divan]. Braginskiy IS, Mikhaylov AV, editors. Moscow: Nauka; 1988. 895 p. (Literaturnye pamyatniki). Russian.
41. Zhukovskiy VA. [Thoughts on establishing an Asian Academy in Russia]. In: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Tom 10. Kniga 2* [Complete works and letters. Volume 10. Book 2]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. p. 418–441. Russian.
42. Herder JG. *Istoriya evreiskoi poezii: perevod s frantsuzskogo perevoda. Chast' I* [History of Hebrew poetry: translation from French translation. Part 1]. Tiflis: Printing House of A. Enfiadzhants and Co.; 1875. 355 p. Russian.
43. כְּתוּבִים = *Ketuvim* [The Scriptures: Hebrew text with parallel Russian translation by D. Yosifon]. Jerusalem: Mosad ha-rav Kuk; 1978. [394] p. Hebrew, Russian.
44. *Die Bibel: Luthertext mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. 1082+382 S.
45. Herder JG. *Werke. Erster Theil. Gedichte*. von Düntzer H, Herausgeber [Internet]. Berlin: Hempel; 1879 [cited 2009 December 18]. Available from: <http://www.zeno.org/nid/20005042305>.
46. Hölderlin F. *Werke und Briefe*. Beißner F, Schmidt J, Herausgeber. Frankfurt am Main: Insel; 1969. 110+[240] S.
47. Averintsev SS. [Hebrew literature]. In: Braginskiy IS, Balashov NI, Gasparov ML, Grintser PA, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 1* [History of world literature. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1983. p. 271–302. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.10.2021.
Received by editorial board 18.10.2021.

УДК 811.112.2'37

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРВОЛИЧНЫХ ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

А. В. СЫТЬКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Исследованы иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций. Проведен анализ с привлечением двух языков – немецкого и русского, в корпусах которых самыми частотными являются перволичные конструкции. Показана частотность функционирующих в данных модальных конструкциях пропозициональных глаголов разных типов. Отмечено, что отличия, обнаруженные в системе деонтических маркеров, не оказывают значительного влияния на прагмасемантику модального высказывания в двух языках, но в русском – они позволяют нюансировать его иллокутивные характеристики. На основании методологического критерия соблюдения условий успешности речевых актов выявлена коммуникативная направленность такого высказывания с перволичным деонтическим субъектом, представленным двумя типами. Описана функционально-семантическая вариативность данных конструкций. Определены факторы, обуславливающие формирование прагматической семантики конструкций с перволичным субъектом двух типов (*я – мы*). Доказано, что традиционно приписываемая деонтическим конструкциям директивность реализуется только в случае инклюзивного *мы*-субъекта. Продемонстрирована зависимость функциональной семантики перволичной конструкции и семантического типа пропозиционального глагола. Выявлен специфический характер реализации определенных иллокуций (комиссивной, интеррогативной). Показано, что предлагаемый прагматический подход позволяет выявить семантическое разнообразие модальных конструкций.

Образец цитирования:

Сытько АВ. Иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций (на материале русского и немецкого языков). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;3:52–64.

For citation:

Sytko AW. Illocutive characteristics of deontic *I-* and *We-* constructions (based on the material of the Russian and German). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3: 52–64. Russian.

Автор:

Анна Васильевна Сытько – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка факультета немецкого языка.

Author:

Anna W. Sytko, PhD (philology), docent; head of the department of German phonetics and grammar, faculty of German language. sytko.mglu@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8301-0815>

Ключевые слова: деонтика; иллокутивные характеристики; иллокуция; модальный/деонтический источник; модальный/деонтический субъект; деонтический маркер; пропозициональный глагол; прагматический подход.

ІЛАКУТЫЎНЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ ПЕРШААСОБНЫХ ДЫЯНТЫЧНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ І НЯМЕЦКАЙ МОЎ)

Г. В. СЫЦЬКО^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Даследаваны ілакутыўныя характарыстыкі першаасобных дыянтычных канструкцый. Праведзены аналіз з прыцягненнем дзвюх моў – нямецкай і рускай, самымі частотнымі ў карпусах якіх з’яўляюцца першаасобныя канструкцыі. Паказана частотнасць функцыянуючых у дадзеных мадальных канструкцыях прапазіцыйных дзеясловаў розных тыпаў. Адзначана, што адрозненні, знойдзеныя ў сістэме дыянтычных маркераў, не аказваюць значнага ўплыву на прагмасемантыку мадальнага выказвання ў дзвюх мовах, але ў рускай – яны дазваляюць нюансаваць яго ілакутыўныя характарыстыкі. На падставе метадалагічнага крытэрыя выканання ўмоў паспяховасці маўленчых актаў выяўлена камунікатыўная скіраванасць мадальнага выказвання з першаасобным дыянтычным суб’ектам, прадстаўленым двума тыпамі. Апісана функцыянальна-семантычная варыяцыйнасць дадзеных канструкцый. Вызначаны фактары, якія абумоўліваюць фармаванне прагматычнай семантыкі канструкцый з першаасобным суб’ектам двух тыпаў (*я – мы*). Даказана, што дырэктыўная семантыка, традыцыйна прыпісваемая дыянтычным канструкцыям, рэалізуецца толькі ў выпадку інклюзіўнага *мы*-суб’екта. Прадэманстравана залежнасць функцыянальнай семантыкі першаасобнай канструкцыі і семантычнага тыпу прапазіцыйнага дзеяслова. Выяўлены спецыфічны характар рэалізацыі пэўных ілакуцый (камісіўнай, інтэрагатыўнай). Паказана, што прапанаваны прагматычны падыход дазваляе выявіць семантычную разнастайнасць мадальных канструкцый.

Ключавыя словы: дыёнтыка; ілакутыўныя характарыстыкі; ілакуцыя; мадальная/дыянтычная крыніца; мадальны/дыянтычны суб’ект; дыянтычны маркер; прапазіцыйнальны дзеяслоў; прагматычны падыход.

ILLOCUTIVE CHARACTERISTICS OF DEONTIC I- AND WE-CONSTRUCTIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND GERMAN)

A. W. SYTKO^a

^aMinsk State Linguistic University,
21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The paper analyses the illocutionary characteristics of deontic *I-* and *We-*constructions. The analysis is carried out based on two languages, German and Russian. It is noted that deontic *I-* and *We-*constructions are the most frequent in the corpora of two languages. It is shown that different semantic types of propositional verbs functioning in these modal constructions have different frequency in the corpora of two languages. It is noted that differences in the system of deontic markers do not have a significant impact on the pragmasemantics of modal utterance in two languages, but they make it possible in Russian to nuance its illocutionary characteristics. Based on the methodological criterion of compliance of the felicity conditions the communicative orientation of the modal utterance is revealed. The functional variability of these constructions is described. The factors are determined that determine the formation of pragmatic semantics of constructions with the modal subject of two types (*I – We*). It is proved that the directive semantics traditionally attributed to deontic constructions is realised only in the case of an inclusive *We*-subject. It is shown that the functional semantics of the *I-* and *We-*constructions depends on the semantic type of the propositional verb. It is revealed that certain illocutions (commissive, interrogative) has specific realisation nature. It is shown that the proposed pragmatic approach makes it possible to reveal the pragmasemantic diversity of modal utterance.

Keywords: deontic; illocutionary structure; illocutionary characteristics; modal/deontic source; modal/deontic subject; deontic marker; propositional verb; pragmatic approach.

Введение

Модальность можно рассматривать как «центральный организующий принцип в языке»¹ [1, р. 2]. Обратимся к исследованию деонтической модальности.

Ученые с различных позиций рассматривают деонтическое суждение-высказывание, а также его семантику. Логический (логико-семантический) подход ограничивается анализом высказываний с точки зрения операторов «обязательно», «разрешено», «запрещено», которые выражают то или иное свойство действия согласно норме, применяемой в определенной ситуации [2; 3; 4, S. 27]. Структурно-грамматическое рассмотрение позволяет проанализировать значение с учетом грамматических особенностей модального высказывания (например, темпоральных и видовых характеристик его компонентов и т. д.) [5–7; 8, с. 214–218]. Семантический подход, отталкиваясь от системы употребления деонтических маркеров, обнаруживает различные частные деонтические значения [9–15].

Сложность выявления семантики модального высказывания ставит перед лингвистом непростую задачу, решение которой должно, как отмечает И. Б. Шатуновский, «привести бесконечно разнообразный и бесконечно изменчивый мир явлений к конечному числу» [9, с. 16]. Мы останавливаемся на изучении деонтического высказывания с позиции прагматического подхода, который позволяет выявить его иллокутивную структуру, поскольку речевая практика заставляет ученых искать ответ на вопрос о том, каков механизм образования различных деонтических смыслов при использовании одной и той же языковой конструкции в различных коммуникативных ситуациях. Это, в свою очередь, обуславливает обращение к рассмотрению пропозиционального и модального содержания высказывания в единстве с его интенцией. Такой комплексный подход к семантике модального высказывания соответствует запросам современной лингвистической парадигмы в ее поиске ответов на вопрос как о формировании смыслов высказывания, так и о его коммуникативной направленности и иллокутивной силе.

В европейских языках ядерным средством выражения деонтической модальности выступает *деонтическая конструкция*, которая представляет собой лексико-синтаксическую структуру, являющуюся семантическим целым. В состав этой конструкции включаются обязательные и факультативные компоненты. Деонтический субъект, деонтический маркер, или деонтический предикат, эксплицирующий модальность, и инфинитив пропозиционального глагола, обозначающий действие, которое призвано изменить положение вещей, являются обязательными компонентами. В деонтической конструкции используются инфинитивы глаголов, которые можно объединить в несколько семантических групп, указывающих на следующие контролируемые и неконтролируемые действия и состояния: поведенческие (*ты должен пойти* домой, *надо мыть* руки, *необходимо создавать* рабочие места); ментальные (*я должен подумать*, *тебе необходимо верить*, *нам надо знать*); эмоциональные (*тебе следует гордиться*, *вы должны радоваться*) и коммуникативные (*я должен отметить*, *ты должен сказать*). В качестве факультативных компонентов выступают различные вербализаторы дополнительных смыслов: интенсификаторы, оценочные маркеры, показатели уступки и контраста и т. п.

На формирование иллокутивной направленности деонтического высказывания оказывает влияние любой компонент деонтической конструкции. Их многообразие позволяет обслуживать многоплановые коммуникативные практики в различных сферах. Именно поэтому чрезвычайно важна разработка вопросов, связанных с установлением и описанием функциональной семантики, или прагматики, модального высказывания с учетом его семантико-структурных особенностей, а также его употребления в различных контекстах. При этом наибольшее воздействие на прагматику конструкции оказывает тип *деонтического субъекта*. Это конкретный или потенциальный исполнитель пропозиционального действия, которому внешние или внутренние силы предписывают, что должно осуществиться. Набор субъектов весьма вариативен и включает такие его типы, как конкретный (перволичный *я*, второличный *ты/вы* в роли актуального слушателя), обобщенный (перволичный *мы*; второличный *вы*; *те*, *кто*), генерализованный (*все*, *каждый/любой*), неопределенный (*кто-то*). В прототипической ситуации в роли субъекта деонтики выступает актуальный слушатель, адресат. В непрототипической им является некий одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие.

Цель данной работы – выявить иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций с различными семантическими типами пропозиционального глагола. К рассмотрению иллокутивных характеристик мы подходим с позиции теории речевых актов, изложенной Дж. Р. Серлем. По его мнению, речевые акты характеризуются иллокутивной силой – коммуникативным намерением, которое лежит в основе *произнесения* того или иного высказывания. Характер иллокутивной силы является основополагающим в базовой классификации речевых актов (репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации) [16].

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

Материалы и методы исследования

Перволичные конструкции, в которых отмечается кореферентность говорящего и субъекта деонтики, характеризуются наибольшей употребительностью в речи. Так, основываясь на данных НКРЯ и DWDS, выявлено, что перволичные конструкции составляют в обоих языках более 2/3 каждой языковой выборки, которая, включая конструкции с субъектами всех типов, составляет 97 600 вхождений из корпуса русского языка и 401 800 вхождений из корпуса немецкого языка.

Отметим, что деонтический субъект может быть как выражен в поверхностной структуре, так и не эксплицирован, будучи легко восстанавливаемым из контекста. Такое опущение может иметь причины стилистического характера.

– Д-да... Серьёзные. Но ты не морочь себе голову... я разберусь... как-нибудь. **Мне надо подумать... хорошо подумать. Как следует. Ты меня извини, милый, я пойду к себе. Нужно сосредоточиться и разобраться** (НКРЯ; Белоусова В. Второй выстрел. 2000).

Для демонстрации количественной представленности отбирались высказывания только с представленным в формально грамматической структуре модальным субъектом.

В немецком языке деонтический субъект совпадает с грамматическим подлежащим и его замена на безличную форму *man muss* возможна только в конструкциях с перволичным субъектом и коммуникативным глаголом, указывающим на актуальность речевого действия: *man muss sagen, dass...* Здесь исполнителем может быть только говорящий. В иных случаях данная грамматическая форма указывает на неопределенный субъект деонтики. Сравним примеры из параллельного корпуса НКРЯ:

Снегирев, похоже, чокнулся. Надо что-то с ним делать (Сорокин В. Г. Путь Бро. 2004) – *Dieser Snegirjow scheint übergeschnappt zu sein. Wir müssen etwas tun* (Übersetzer A. Tretnier. 2007).

«Gwen, **wir müssen uns beeilen**», sagte sie (Gier K. Smaragdgrün. 2010) – *Гвен, нам надо поспешить*, – сказала она (пер. С. Вольштейн. 2013).

Лексико-синтаксическая структура деонтических конструкций в европейских языках отличается незначительно, что позволяет предположить, что прагматика деонтического высказывания не будет демонстрировать существенных расхождений. Обращение к двум языкам обусловлено тем, что система модальных маркеров обнаруживает определенные расхождения как в количественном плане, так и в качественном отношении, что может оказывать влияние на прагмасемантические характеристики модального высказывания. Так, в русском языке количество деонтических единиц (*должен, обязан, вынужден, необходимо, надо, нужно, следует, нельзя не, приходится*) значительно превосходит представленные в немецком языке деонтические лексемы (*müssen, sollen, notwendig sein*). Следует также отметить широкий диапазон выражаемых деонтических смыслов и, соответственно, прагматических нюансов указанными в русском языке единицами. Кроме этого, характерной чертой русского языка является существование безличных модальных предикативов. В таком случае модальный субъект выражается в косвенно-падежной форме дативным субъектом (*нам надо*), что накладывает определенный семантический отпечаток на модальную семантику [5, с. 60; 17, с. 33–37].

Перволичный субъект представлен двумя типами: 1-м лицом единственного числа (*я*), совпадающим с субъектом речи, и 1-м лицом множественного числа (*мы*), когда говорящий включен в некоторую совокупность лиц. Корпусные данные свидетельствуют о преобладании в русском языке конструкций с *я*-субъектом, в отличие от немецкого, где доминируют *мы*-конструкции (табл. 1).

Таблица 1

Частотность перволичных конструкций с различными семантическими типами пропозициональных глаголов в национальных корпусах немецкого и русского языков

Table 1

Frequency of *I*- and *We*-constructions with different semantic types of propositional verbs in the national corpora of the German and Russian languages

Субъекты	Количество вхождений	Семантический тип глагола				Всего
		Коммуникативный	Поведенческий	Ментальный	Эмоциональный	
<i>Я</i> -субъект единственного числа (НКРЯ)	Общее, ед.	24 710	20 190	1000	100	46 000
	Относительное, %	53,7	43,9	2,2	0,2	100

Окончание таблицы 1
Ending table 1

Субъекты	Количество вхождений	Семантический тип глагола				Всего
		Коммуникативный	Поведенческий	Ментальный	Эмоциональный	
Я-субъект единственного числа (DWDS)	Общее, ед.	14 038	66 390	1600	50	82 078
	Относительное, %	17,1	80,9	1,9	0,1	100
Мы-субъект множественного числа (НКРЯ)	Общее, ед.	940	14 770	1020	50	16 780
	Относительное, %	5,6	88	6,1	0,3	100
Мы-субъект множественного числа (DWDS)	Общее, ед.	2340	151 268	3000	20	156 628
	Относительное, %	1,8	96,1	2,2	0,01	100

В перволичных структурах отмечается разнообразие функционирующих семантических типов пропозициональных глаголов, которые, однако, в рассматриваемых языках представлены с различной частотностью. В русском языке более половины выборки с *я*-субъектом составляют конструкции с коммуникативными глаголами. В немецком языке с субъектом в 1-м лице единственного числа (*ich*) доминируют конструкции с поведенческими глаголами, конструкции с коммуникативными глаголами занимают второе место, представляя, однако, менее 1/5 выборки перволичных *ich*-конструкций. *Мы*-конструкции характеризуются в обоих языках преимущественным употреблением в них поведенческих глаголов. Конструкции с ментальными глаголами отличаются в обоих языках невысокой употребительностью. Структуры с эмоциональными глаголами отмечаются лишь эпизодически.

Далее с привлечением функционально-семантического анализа и метода трансформаций проанализируем иллокутивную структуру деонтических высказываний в зависимости от типа перволичного субъекта (*я* – *мы*) и пропозиционального глагола. Источниками примеров послужили контексты из корпусов НКРЯ и DWDS. В настоящей работе используется методологический критерий соблюдения следующих условий успешности речевых актов: подготовительные, или предварительные; существенные, или условия назначения; условия искренности.

Потенциальность действия, а также обязательность его выполнения позволяют лингвистам отмечать, что деонтика соотносится с иллокуцией, ориентированной на действие [13, S. 58]. В свою очередь модальные предикаты «указывают на действие/состояние, которое должно стать результатом речевого акта» [18, S. 36]. При этом подчеркивается, что «значение деонтической необходимости составляет зону пересечения функционально-семантических полей предметной и императивной модальности» [19, с. 77], иными словами, между деонтикой и директивностью ставится знак равенства. Однако в случае перволичных конструкций директивная прагматика не реализуется. Так, прагматический анализ позволяет обобщить вариативные иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций (табл. 2).

Таблица 2

Иллокутивные характеристики перволичных деонтических высказываний с разными семантическими типами пропозиционального глагола

Table 2

Illocutionary characteristics of deontic utterances with modal I- an We-subject with different semantic types of propositional verb

Семантический тип инфинитива	Иллокуция			
	Репрезентатив <i>я/мы</i>	Экспрессив <i>я/мы</i> _{инк} / <i>мы</i> _{экс}	Директив <i>я/мы</i> _{инк} / <i>мы</i> _{экс}	Интеррогатив <i>я/мы</i> _{инк} / <i>мы</i> _{экс}
Коммуникативный	+ / +	+ / + / –	– / + / –	–
Поведенческий	+ / +	–	–	–
Ментальный	+ / +	–	+ * / + * реквестив / –	+ * / + * / –
Эмоциональный	+ / +	–	–	–

Примечание. Инк – инклюзивное; экс – эксклюзивное; * только с определенной группой ментальных глаголов, описанных далее в статье (ниже детально рассмотрены факторы и условия реализации данных иллокуций).

Репрезентативность перволичных конструкций

Коммуникативной целью любых перволичных конструкций, независимо от типа деонтического субъекта (*я/мы*), является сообщение об обязательности осуществления действия (*я должен сделать / ich muss erledigen*) или о необходимости достижения определенного состояния (например, ментального или эмоционального: *я должен (ему, в это) верить / ich muss (ihm, daran) glauben*; *я должен подумать / ich muss es mir überlegen*). Действия и состояния призваны изменить текущее положение, они требуются для планирования ситуации, для комфортного существования говорящего и его окружения.

Анализ выполнения перволичными конструкциями условий успешности репрезентативов показывает, что оба предварительных условия последовательно реализуются. Первое предварительное условие создается деонтическим источником, благодаря которому говорящий имеет основание считать пропозицию *p* (выраженное инфинитивом действие) достоверной, поскольку верифицировать пропозицию *p* можно только на основании причины, требующей изменения положения дел: *есть причина, которая требует от меня действия, о котором я сообщаю*.

– *А теперь, друзья мои, – он вынул карманные часы и поглядел на них, – вы извините меня, если я пойду на минутку к себе. Едва на ногах держусь, а мне надо просмотреть два дела* (НКРЯ; Куприн А. И. Гранатовый браслет. 1911).

С точки зрения говорящего содержание деонтического суждения представляется новым для адресата, что соответствует второму предварительному условию репрезентативов. Для говорящего неочевидно, что слушающий знает, что деонтический источник входит в пресуппозицию коммуникантов и может быть не назван, и требует от адресанта выполнения некоего действия.

– *Куда? – спросил он, тоскливо трезвезя. – Мне надо идти, – ответил я, продолжая заправлять кашне* (НКРЯ; Искандер Ф. Путь из варяг в греки. 1990).

Ярким примером реализации репрезентативности выступают перволичные конструкции с коммуникативными глаголами. В случае актуальности действия данные структуры оформляют специфическую разновидность перформативов – деонтически модализованных, подчеркивающих важность того, что сообщается в пропозиции коммуникативного глагола: *я должен / мы должны / надо сказать, подчеркнуть / ich muss / man muss / wir müssen sagen, betonen* и т. п.

«*Wie gefällt Ihnen der Film denn?*» – Helene Fischer: «**Ich muss sagen**, der Film bringt alles schön auf den Punkt» (DWDS; Die Zeit. 2013. 8 Mai (online)) «Как вам фильм?» – Хелена Фишер: «Я должна сказать, что фильм хорошо помогает понять суть».

Wir müssen gestehen, bei der 200-Euro-Frage wären wir gescheitert (DWDS; Die Zeit. 2011. 18 Nov. Nr. 47) «Мы должны признать, что мы не смогли бы решить вопрос о 200 евро».

Und ich muss gestehen, eigentlich hätte ich mit mehr gerechnet (DWDS; Die Zeit. 2016. 27 Oct. (online)) «И я должен признать, что ожидал большего».

Условие перформативности реализуется посредством наличия вводимого модальной конструкцией дополнительного придаточного изъяснительного с союзной и бессоюзной связью. Сравним: *я должен сказать, что это правда – я должен сказать правду*.

Данные конструкции, благодаря различным коммуникативным глаголам, которые напрямую коррелируют с обозначаемыми ими иллокутивными действиями, отличаются широтой семантического диапазона, реализуя репрезентативы различной иллокутивной силы (сообщение, констатация, утверждение, заявление). Сравним: *я должен сказать, сообщить, констатировать, заявить, отметить, заметить / ich muss sagen, mitteilen, feststellen, erklären, bemerken, hinweisen, erwähnen* и др. Кроме этого, перволичные конструкции оформляют репрезентативы признания и согласия: *я должен признать / ich muss zugeben (gestehen, akzeptieren)*; *я должен согласиться / ich muss zustimmen (zusagen)*.

Перформативные деонтические конструкции в обоих языках демонстрируют, однако, некоторые отличия в употребительности. Частотность перформативных конструкций с *мы*-субъектом оказывается невысокой (5,6 % в русскоязычной выборке и 1,8 % в немецкоязычной (см. табл. 1)), поскольку их сферой употребления является институциональная речевая практика. Предсказуемо, что наиболее частотно в корпусной выборке немецкого и русского языков представлены «нейтральные» репрезентативы с глаголом *сказать/sagen* (40 % от выборок конструкций с коммуникативными глаголами). Любопытно отметить, что в немецком корпусе в 2,5 раза чаще, чем в русском языке отмечаются репрезентативы признания, они составляют треть немецкой выборки с коммуникативными глаголами, в русском языке лишь 1/10. При этом в немецком языке данные перформативы фиксируются преимущественно с *мы*-субъектом.

Отметим, что в случае отсутствия актуального действия конструкции с коммуникативными глаголами реализуют «чистую» репрезентативность и не являются перформативами. Сравним: *сейчас мы должны заявить, что... – завтра на занятиях / в следующий раз мы должны сообщить, что...* Это касается также неперформативных конструкций с такими коммуникативными глаголами, как *рассказать, поговорить, пообщаться / reden, sprechen, erzählen* и т. п.

Репрезентативная семантика перволичной конструкции делает возможным осложнение ее модально-прагматического плана аксиологическим значением, что происходит в случае специальных деонтических лексем (*вынужден* и *приходится*), присутствующих в системе модальных маркеров русского языка.

Но было бы ещё приятнее, если бы ты не пачкала так свои вещи. Стирать-то мне приходится. Между прочим, кто уважает других людей, тот ценит их труд (НКРЯ; Ермильченко Н. Колыбельная. Мурзилка. 2000).

Через полчаса мне придется уйти, я не могу опаздывать (НКРЯ; Маринина А. Последний рассвет. 2013).

Естественно, что нам приходится работать при большом внимании общественности. Хотя на самом деле для нас это рядовой вариант (НКРЯ; Дудь Ю., Марущак В. «Дела Сычева» возникают регулярно. Известия. 2002. 30 окт.).

Расширение репрезентативной семантики становится возможным также благодаря факультативным компонентам, а именно маркерам эмотивной оценки (*к сожалению / leider*), которые поддерживают свидетельствующую о принуждении к действию семантику деонтического предиката, конкретизируя ее.

К сожалению, мы вынуждены оставить в стороне и всю технику этой процедуры, и ее содержательные аспекты... (НКРЯ; Рахилина Е. В. Когнитивная семантика. История. Персоналии. Идеи. Результаты. 1999).

«Im Hühnerhof hat die Küchenschabe nichts verloren – wir müssen leider draußen bleiben», witzeln die Vertreter des «Global Forum», des Gegen-Gipfels der Nicht-Regierungs-Organisation (DWDS; Die Zeit. 1992. 15 Mai. Nr. 21) «Таракану на птичьем дворе нечего делать – мы, к сожалению, вынуждены оставаться на улице», – шутят представители «Глобального форума», контрсаммита неправительственной организации».

Сообщая о своей необходимости выполнить определенные действия, говорящий может тем самым воздействовать на поведение собеседника, т. е. репрезентатив используется в иной функции: говорящим вербально выражена одна коммуникативная цель, а конвенционально подразумевается другая. Например, перволичное высказывание может выступать в качестве косвенного извинения:

– Домой мне надо, Люба. – Делай как нужно. Я тебе ничего не говорю (НКРЯ; Шукшин В. Калина красная. 1973);

а также как отказ, косвенная просьба:

– У вас не будет никакого рейтинга и никакой доли. Я понятно объяснил?

– Нам надо подумать, – директор был серьезен. – Сколько у нас времени?

– До пяти (НКРЯ; Голицын А. А. Ящик. История одного шоу. Волга. 2009).

В данной работе мы останавливаемся только на внутренней прагмасемантической структуре модального высказывания, косвенные речевые акты не рассматриваются.

Коммуникативные глаголы благодарности и извинения позволяют перволичным конструкциям реализовывать также **экспрессивную** иллокуцию: *я должен (мы должны) поблагодарить, извиниться / ich muss mich (wir müssen uns) bedanken, entschuldigen*. Экспрессивные акты, выраженные перволичными деонтическими конструкциями, не являются в корпусах частотными и составляют менее 1 % конструкций с коммуникативными глаголами.

Интеррогативно-реквестивная семантика перволичных конструкций

При наличии актуального слушателя перволичные конструкции с обоими типами перволичного субъекта благодаря ментальным глаголам – *знать/wissen/kennen, знать/убедиться/wissen, решить/entscheiden, понять/понимать/begreifen/verstehen, обдумать/überlegen, разобраться* – реализуют интеррогативно-реквестивную семантику, побуждая адресата устранить информационную лакуну говорящего: *я должен / мы должны знать, понять, решить = скажи(-те) / ответь(-те)*. Соблюдается условие успешности вопроса: говорящий не знает ответа и нуждается в получении сведений. Условия

искренности (говорящий хочет знать) и предварительные условия вопроса выполняются. Для адресанта информирование является релевантным, бенефактивным. Говорящий считает, что слушающий должен сказать, а адресат – ответить, но при отсутствии директива он не будет этого делать.

– *Мы же с тобой беседуем просто по-дружески, верно? И всего-то нам надо знать, с кем и когда твой приятель Скок ушел с твоей вечеринки. – А я помню?* – грубовато буркнул Гайворонский (НКРЯ; Макеев А., Леонов Н. Гроссмейстер сыска. 2003).

Интеррогативный характер деонтической конструкции может быть подчеркнут при использовании данной модальной конструкции в вопросе:

Но я не могу осознать всего случившегося. Я должен знать – за что? Я должен знать – когда это случилось? Был ли суд над сыном, или не было суда? (НКРЯ; Шмелев И. С. Письма А. В. Луначарскому. 1920–1921).

Интеррогативность деонтического высказывания может обогащаться реквестивностью различной степени благодаря включению в состав конструкций наречий положительной оценки (*твердо, точно, достоверно* (я должен / мне нужно точно знать, что случилось)), темпоральных наречий (*сегодня, срочно* и т. п.), а также модальных наречий категорической достоверности (*действительно/unbedingt* ‘обязательно, при любых условиях’), эмфатизации деонтического высказывания (перевод в восклицание), синтаксическому повтору деонтической конструкции (*Мне надо знать, что происходит! Мне надо это знать!*), императиву речевого глагола, сопровождающему деонтическое высказывание в пре- или постпозиции (*Скажи! Я должен знать*).

Иллокутивные осложнения конструкций с я-субъектом

Репрезентативно-интеррогативная семантика. В монологической речи при наличии в высказывании придаточного изъяснительного, а также в диалоге, если модальное высказывание непосредственно не обращено к адресату, первоначальные конструкции с ментальными глаголами и субъектом 1-го лица единственного числа реализуют репрезентативность с оттенком интеррогативности, указывающей на размышления говорящего (вопрос, заданный самому себе; сомнение, требующее устранения; предположение, ищущее подтверждения).

Wenn ich wechsele, muss ich davon zu 100 Prozent überzeugt sein. Ich muss wissen: Das passt auf allen Ebenen (DWDS; Die Zeit. 2015. 27 Juli (online)) ‘Если я меняю, я должен быть уверен в этом на 100 процентов. Мне нужно точно знать, что это работает на всех уровнях’.

Ich muss wissen, dass ich Herr im eigenen Haus bin (DWDS; Die Zeit. 2013. 6 Dec. (online)) ‘Я должен быть уверен, что я хозяин в своём доме’.

Квазидирективные оттенки первоначального высказывания. Деонтическое высказывание имеет путативный характер и является умозаключением, или мнением, говорящего о необходимости действий, которая обусловлена различными модальными источниками, релевантными для признания пропозиции достоверной. Они имеют вариативный характер с точки зрения жесткости предписания. Очевидно, что оценка обязательности действий, обусловленных такими жестко прескриптивными универсальными источниками, как институциональные предписания, волеизъявление 3-го лица, моральный долг, является категоричной, в отличие от действий, детерминированных следующими ситуативными факторами: социальными нормами и правилами, социальным положением говорящего, сложившимся положением дел, договоренностью, наличием цели. Сравним:

Видите ли, – внушительно заговорил Поплавский, – я являюсь единственным наследником покойного Берлиоза, моего племянника, погибшего, как известно, на Патриарших, и я обязан, согласно закону, принять наследство, заключающееся в нашей квартире номер пятьдесят... (НКРЯ; Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. 1929–1940);

Нравственный закон говорит мне, что я обязан поступать определенным образом... (НКРЯ; Худиев С. Л. Наука и происхождение морального закона. 2010);

– *Мне надо еще Стасову учебник отвезти, Кузьмич попросил, ему самому не с руки...* (НКРЯ; Маринина А. Последний рассвет. 2013);

Они сочли, что я должен заняться техникой речи, привыкнуть разговаривать с публикой. <...> Дальше Арнольд с отцом решили, что мне надо больше разговорной практики (практиковаться. – А. С.) (НКРЯ; Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999);

Aber ich muss das als Bürger ja mitfinanzieren (DWDS; Die Zeit. 2017. 18 Sept. (online)) ‘Но как гражданин я обязан помочь финансировать это’;

«*Я должен знать архитектуру человека, – писал художник, – его пропорции, костяк и мускулатуру*» (НКРЯ; Роньшин В. Аркадий Петрович Чесноков-Богданов. Сибирские огни. 2013).

Интерпретация источника как жестко/нежестко обязующего зависит также от убеждений и морально-этических, идеологических, ценностных установок говорящего [ср.: 20, с. 421], что позволяет ему смещать семантику перволичной конструкции в ту или иную зону директивности (прескриптивности или суггестивности).

Следует, однако, помнить, что деонтический источник выступает не речевым каузатором, а нелингвистическим фактором, обуславливающим обязательность действия. Несмотря на так называемое предписание деонтического источника, перволичное высказывание не выполняет условий успешности директива. Акт речевой каузации действия отсутствует: у перволичного высказывания нет цели побудить адресата к действию, поскольку исполнителем предписываемого действия не является адресат высказывания. Следовательно, условие искренности директива не реализуется: деонтическое высказыванием не связано с намерением говорящего побудить адресата, оно только сообщает слушателю/читателю новую информацию. Трансформация модальной конструкции в императив невозможна: *я должен сделать* ≠ *я говорю самому себе: делай*, что позволяет утверждать, что репрезентативная семантика перволичных конструкций лишь обогащается квазидирективными оттенками.

Подчеркнем, что в условиях автодиалога перволичные высказывания выступают категоричным прямым директивом, где говорящий является одновременно и самоубеждающим субъектом речи, и убеждаемым адресатом.

Вот у меня в руке карандаш. Я вижу эту линию. Мне нужно просто в точности так же нарисовать (возьми и нарисуй. – А. С.) *Я же её вижу! И не могу. Значит, мои руки – это не я* (НКРЯ; Гришковец Е. ОднорЕмЕнно. 2004).

При изменении формы речи, однако, эффект самоубеждения, как и директивность, нивелируется.

– *Вы получали предложения от какой-либо политической партии поддержать её на предстоящих выборах?*

<...>

– *Необходимо провести реформу социальной сферы, завершить работу над Трудовым кодексом, в общем, я должен закончить ту работу, из-за которой пришёл в Минтруд. А будучи депутатом, это сделать гораздо сложнее* (НКРЯ; Карпова О. Александр Починок: «Концепция льготного государства бессмысленна». Время МН. 2003. 31 июля).

Квазисуггестивный оттенок, обогащающий репрезентативность, возникает у модального высказывания только в случае, если говорящий воспринимает выполнение необходимого действия, требуемого источником, как выгодное для себя и у него есть соответствующее желание осуществить данное действие, т. е. контекст указывает на семантику волитивности: *мне надо закончить работу сегодня, тогда мне на этой неделе оплатят ее*.

– *Вовочка, давай погуляем вдвоём, смотри – на улицах огни, тепло.*

– *Я должен позаниматься, у меня через два дня концерт* (НКРЯ; Спивакова С. Не всё. 2002).

Бенефактивность чаще всего обусловлена целеполаганием:

Теперь, чтобы его простить, мне нужно его понять (НКРЯ; запись «LiveJournal». 2004).

Такое взаимодействие семантики обязательности действия с субъектной сферой говорящего, со сферой его интересов [ср.: 11, с. 173; 21, с. 327] отмечается в русском языке в дативных безличных неперформативных конструкциях с коммуникативными глаголами типа *мне надо с тобой поговорить* и в перволичных конструкциях с ментальными глаголами.

Хорошо, что я вас встретил, – сказал Мостовской. – Мне надо поговорить с вами (НКРЯ; Гроссман В. Жизнь и судьба. Ч. 1. 1960).

Мне нужно подумать о том, стоит ли раскрывать эту информацию – в нашей стране бизнесмены, по большому счёту, ничем не защищены (НКРЯ; Вами кто владеет? Дело. Самара. 2002. 17 июля).

Подчеркнем, что жесткая обязательность в русском языке может быть обозначена с помощью структурного компонента деонтической конструкции, а именно модального маркера. Так, в случае с перво-

личными конструкциями всегда категоричную директивность детерминируют лексема *обязан*, интенсифицированный маркер *не могу не* и *нельзя не*, а также предикатив *необходимо*. Остальные модальные единицы (*должен, надо, нужно, следует*) в зависимости от контекстных условий могут указывать как на жесткую, так и нежесткую обязательность.

В немецком языке деонтические конструкции оформляются с помощью модальных глаголов *müssen* и *sollen*, которые употребляются в деонтических высказываниях, обусловленных разными модальными источниками. Семантика высказывания с *müssen* охватывает все зоны директивности. В контексте уточняется причина, определяющая обязательность действий.

Ich habe keine andere Wahl, ich muss Musik machen (DWDS; Die Zeit. 2016. 30 Sept.) ‘У меня нет другого выбора, я должен заниматься музыкой’.

Модальный глагол *sollen* используется при передаче волеизъявления другого лица в я-конструкциях, которое носит характер пожелания, при этом говорящий выступает бенефициаром действия, что придает конструкции псевдосуггестивную семантику.

Sie hat mir ihre Bücher gegeben, kurz vorm Ende, und gesagt, ich soll die studieren und mein Potential nutzen, mein kreatives Potential soll ich nutzen (DWDS; Dückers T. Spielzone. 2002) ‘Незадолго до конца она отдала мне свои книги и сказала, что я должен изучить их и использовать свой потенциал, использовать свой творческий потенциал я должен’.

Псевдокомиссивность я-конструкции. При определенных условиях перволичные я-конструкции реализуют квазикоми́ссивный оттенок.

В перволичной деонтической конструкции инфинитиву соответствует отдельная предикация, отнесенная к плану будущего (ср. две предикации в структуре модальных конструкций [22, с. 94]), т. е. формально конструкция разложима на две части: *я должен к нему зайти* = *я должен* + *я зайду*. Вторая, пропозициональная, часть конструкции предиктирует к будущему, однако в отличие от формы будущего времени, выступающей языковым способом оформления комиссивности, подобная предикация не представляет собой заявление говорящего о своей готовности совершить действие: *я должен сделать* ≠ *я буду делать*. Она только указывает на то, что адресант считает, что деонтический субъект (в данном случае говорящий) в состоянии осуществить указанное пропозициональное действие. Подчеркнем, что облигаторность действия нельзя интерпретировать как принятое говорящим на себя обязательство: *я должен сделать* ≠ *я обязуюсь делать*. На основании указанного можно сделать вывод о том, что условие искренности комиссива перволичным деонтическим высказыванием не выполняется.

Однако при наличии в коммуникативной ситуации бенефициара действия или фактора интереса адресата можно утверждать, что существует квазикоми́ссивность, сопровождающаяся репрезентативностью. В таком случае предварительные условия комиссива выполняются, а именно, говорящий считает действие полезным для слушающего и адресат предпочел бы совершение говорящим действия его несовершенности. При этом говорящий также демонстрирует свое желание осуществления действия, т. е. маркирует волеитивность. Сравним:

– *Приглашаю вас к столу. – Ладно, сейчас иду. Только мне надо умыться и переодеться* (НКРЯ; Грекова И. На испытаниях. 1967);

– *Я должен купить ему рояль. – Почему ты? – Если не я – никто не купит* (НКРЯ; Спивакова С. Не всё. 2002).

Прагматические отличия деонтической конструкции и языковой формы выражения прямого комиссива (формы будущего времени) позволяют функционировать им в одном контексте, что демонстрирует их семантическую разницу. Адресант сообщает при помощи деонтической конструкции об осознании необходимости и лишь затем обещает выполнить данное действие.

– *Ты ее любишь?! – воскликнула я. Он ничего не ответил. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно. Я должна действовать! И я буду* (НКРЯ; Алексин А. Мой брат играет на кларнете. 1967).

Прагматика перволичных *мы*-конструкций

Иллокутивная интерпретация модальной *мы*-конструкции зависит от объема *мы*-субъекта, в котором следует различать два типа: инклюзивный (*я* + адресат) и эксклюзивный (*я* + другие/не-адресат) (см. табл. 2).

В случае эксклюзивного *мы*-субъекта, когда в его семантический объем включены неактуальные слушатели, третьи лица *мы* = *я* + *другие*, конструкция имеет характер «чистого» сообщения: *я сейчас иду на кафедру, нам* (мне + преподавателям, находящимся на кафедре) *нужно поговорить об изменениях*.

Включение адресата в семантический объем субъекта деонтики, т. е. инклюзивное *мы* (например, *я* + конкретный адресат (*ты* или *вы* (аудитория)) или *я* + широкий круг исполнителей), определяет апеллирующий характер конструкции. Следовательно, репрезентативность как основная коммуникативная цель деонтического высказывания в данных структурах сосуществует с директивностью. Адресант с помощью *мы*-конструкций сообщает идею/способ изменения положения дел и оценивает предписуемое действие как положительное и бенефактивное для всех (и для адресата(-ов), и для говорящего), базируясь на объективном основании, т. е. на деонтических источниках. Это, в свою очередь, позволяет адресанту вовлекать адресата в осознание необходимости, целенаправленно формируя у него желание действовать, иными словами, реализовывать суггестию (рекомендацию к поведению/предложение совместного действия): *нам нужно идти, нас ждут = пойдём(-те)*. Предварительное условие директива в случае инклюзивного *мы*-субъекта выполняется. Каузация адресата к действию наличествует: адресант считает, что некоторая совокупность субъектов должна совершить действие. Подобная *мы*-конструкция легко трансформируется в инклюзивный императив (*нам надо сделать = давай(-те) сделаем*) и может выступать прямым средством регуляции текущих отношений. Сравним:

– *Нам с тобой надо серьезно поговорить*. – О чем говорить? Ты все знаешь (давай поговорим. – А. С.) (НКРЯ; Есин С. Имитатор. 1985).

– *Скоро проснется бабушка. Мы должны успеть вернуться!* – Давай я тебя провожу, – сказал Колюня (НКРЯ; Варламов А. Купавна. Новый мир. 2000).

Отметим, что на основе интроспекции можно утверждать, что степень проявления директивности *мы*-конструкций зависит от того, требуется ли адресату приложить конкретные усилия для реализации пропозиционального действия или нет. Очевидно, что в конструкциях с глаголами поведенческой семантики директивность выше, чем в конструкциях с ментальными глаголами. Сравним:

– *Но для этого путешествия мы с тобой должны хорошенько подготовиться*. Чтобы не было никаких неожиданностей. Мало ли что в дороге может случиться, – предостерег железный мастер (здесь адресат должен предпринять определенные усилия. – А. С.) (НКРЯ; Постников В. Путешествие Карандаша и Самоделкина. 1995).

Мы должны помнить наше прошлое, поскольку оно связано с другими людьми (оценить какие-то конкретные действия для того, чтобы помнить, невозможно. – А. С.) (НКРЯ; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Ч. 3. 1940).

Нам надо понять, где у нас этот самый медленный верблюд. Некоторые считают, что это административная реформа. Может быть, не отрицаю (степень усилий оценить сложно. – А. С.) (НКРЯ; Смольякова Т. Великий октябрьский пенсионный переворот. Рос. газ. 2003. 15 июля).

Конструкции с ментальными глаголами также отличаются по интенсивности проявления директивного значения. Сравним: *мы должны знать историю*, т. е. мы должны ее выучить, и *мы должны верить в светлое будущее*.

Деонтические конструкции с инклюзивным *мы*-субъектом благодаря бенефактивности, или очевидной выгоде для адресата при осуществлении необходимого действия, обогащаются особым директивным оттенком, *призывностью*, в случае функционирования в общественно значимой деятельности, например в общественно-политической коммуникации.

С призывом в армию связано сегодня много проблем, и нам надо перестроить работу военных кафедр таким образом, чтобы готовить для армии нужных ей специалистов (НКРЯ; Эффект ротации. Поиск. 2003. 12 сент.).

Включение адресата в *мы*-субъект и, следовательно, директивная семантика модального высказывания исключают возможность реализации квазикомиссивного оттенка, который при определенных условиях передается *я*-конструкциями. При этом *мы*-конструкции так же, как и *я*-конструкции, могут функционировать в одном контексте с прямым средством выражения комиссивности, формой будущего времени, оформляя одновременно и призыв, и обещание.

...То есть мы стремимся к большей сбалансированности разных отраслей. А для этого мы должны и будем создавать большие возможности для обрабатывающей промышленности (НКРЯ; Чудодеев А. Расписание на завтра. Итоги. 2003. 2 февр.).

Заклучение

Таким образом, выбор лингвистической прагматики и теории речевых актов в качестве методологической основы исследования позволяет продемонстрировать семантическое разнообразие модальных конструкций. Результаты исследования свидетельствуют о прагматической вариативности первоначальных конструкций, которая одинаково проявляется в двух исследуемых языках (немецком и русском), а также в большей степени связана с типом первоначального субъекта и в меньшей – с семантическим типом пропозиционального глагола.

Любая первоначальная конструкция выступает репрезентативом, что детерминируется автореферентностью конструкции. Коммуникативная цель данных модальных конструкций сводится к *сообщению* о необходимости совершения говорящим некоторого действия, которое способно изменить текущее состояние вещей.

Дополнительные прагматические оттенки обусловлены различными факторами. В случае с *я-субъектом* все иллокуции имеют специфический характер реализации в силу непоследовательного выполнения подготовительных условий и условий искренности. Так, *квазипрескриптивность* определяется деонтическими источниками, диктующими обязательность выполнения действия, *квазисуггестивность* определяется наличием/отсутствием воликативного компонента, т. е. фактора заинтересованности говорящего, а также формой речи (автодиалог). *Квазикомиссивность* детерминируется наличием в коммуникативной ситуации бенефициара и воликативностью говорящего. Объединение репрезентативности и квазидирективности в *я-конструкциях* позволяет говорящему выражать различные оттенки коммуникативных деонтических смыслов.

В случае с *мы-субъектом* благодаря включению адресата в объем деонтического субъекта отмечается сочетание репрезентативности с «чистой» директивностью (побуждением, рекомендацией, призывностью).

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.05.2021) ; **DWDS** – Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.dwds.de> (Datum der Bewerbung: 12.06.2021).

Библиографические ссылки

1. Stubbs M. «A matter of prolonged field work»: notes towards a modal grammar of English. *Applied Linguistics*. 1986;7(1): 1–25. DOI: 10.1093/applin/7.1.1.
2. фон Вригт ГХ. О логике норм и действий. В: Смирнов ВА, составитель; Рузавин ГИ, Смирнов ВА, редакторы; Муравицкий АЮ, переводчик. *Логико-философские исследования*. Москва: Прогресс; 1986. с. 245–289.
3. Ивин АА. Определения алетических и деонтических модальных функторов в терминах материальной импликации и констант. В: Таванец ПБ, редактор. *Неклассическая логика*. Москва: Наука; 1970. с. 113–124.
4. Weidner A. *Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben. Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung*. München: Sagner; 1986. 336 S.
5. Бондарко АВ. *Грамматическое значение и смысл*. Ленинград: Наука; 1978. 175 с.
6. Kotin ML. Zu den Affinitäten zwischen Modalität und Aspekt: eine germanischslawische Fallstudie. *Die Welt der Slawen*. 2008;53:116–140.
7. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: a chapter in diachronic typology. In: Abraham W, Leiss E, editors. *Modality – aspect interfaces: implications and typological solutions*. Amsterdam: John Benjamins; 2008. p. 15–41.
8. Падучева ЕВ. *Русское отрицательное предложение*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 304 с.
9. Шатуновский ИБ. *Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1996. 399 с.
10. Булыгина ТВ, Шмелев АД. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1997. 576 с.
11. Кобозева ИМ, Лауфер НИ. Семантика модальных предикатов долженствования. В: Арутюнова НД, редактор. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва: Наука; 1991. с. 169–175.
12. Лауфер НИ. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование). В: Иомдин Л, Лауфер НИ, Нариньяни АС, Селегея ВП, редакторы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог–2007»; 30 мая – 3 июня 2007 г.; Бекасово, Россия*. Москва: Издательство РГГУ; 2007. с. 353–358.
13. Diewald G. *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität*. Tübingen: Max Niemeyer; 1999. 464 S.
14. Palmer FR. *Modality and the English modals*. London: Longman; 1979. 196 p.
15. Perkins MR. *Modal expressions in English*. Norwood: Ablex; 1983. 200 p.
16. Серль ДжР. Классификация иллокутивных актов. В: Городецкий БЮ, редактор; Демьянков ВЗ, переводчик. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 170–195.

17. Вежбицка А. *Язык. Культура. Познание*. Кронгауз МА, редактор. Москва: Русские словари; 1996. 416 с.
18. Gévaudan P. Sprachliche Modalität zwischen Illokution und Polyphonie. *Romanistisches Jahrbuch*. 2011;61(1):32–66. DOI: 10.1515/9783110236323.31.
19. Беляева ЕИ. *Грамматика и прагматика побуждения: английский язык*. Воронеж: ВГУ; 1992. 168 с.
20. Баранов АН. *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика*. Москва: Флинта; 2007. 592 с. Совместно с издательством «Наука».
21. Золотова ГА, Онипенко НК, Сидорова МЮ. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1998. 528 с.
22. Зализняк АА, Падучева ЕВ. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте. В: Арутюнова НД, редактор. *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. Москва: Наука; 1989. с. 92–115.

References

1. Stubbs M. «A matter of prolonged field work»: notes towards a modal grammar of English. *Applied Linguistics*. 1986;7(1): 1–25. DOI:10.1093/applin/7.1.1.
2. von Wright GH. *Explanation and understanding*. New York: Cornell University Press; 1971. 230 p. (Contemporary philosophy series).
- Russian edition: von Wright GH. О логике норм и деиствii. In: Smirnov VA, compiler; Ruzavin GI, Smirnov VA, editors; Muravitskii AYU, translator. *Logiko-filosofskie issledovaniya*. Moscow: Progress; 1986. p. 245–289.
3. Ivin AA. [Definitions of alethic and deontic modal functors in terms of material implications and constants]. In: Tavanets PV, editor. *Neklassicheskaya logika* [Non-classical logic]. Moscow: Nauka; 1970. p. 113–124. Russian.
4. Weidner A. *Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben. Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung*. München: Sagner; 1986. 336 S.
5. Bondarko AV. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical meaning and sense]. Leningrad: Nauka; 1978. 175 p. Russian.
6. Kotin ML. Zu den Affinitäten zwischen Modalität und Aspekt: eine germanischslavische Fallstudie. *Die Welt der Slawen*. 2008;53:116–140.
7. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: a chapter in diachronic typology. In: Abraham W, Leiss E, editors. *Modality – aspect interfaces: implications and typological solutions*. Amsterdam: John Benjamins; 2008. p. 15–41.
8. Paducheva EV. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2013. 304 p. Russian.
9. Shatunovskij IB. *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova: znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika* [Sentence semantics and non-referential words: meaning, communicative perspective, pragmatics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1996. 399 p. Russian.
10. Bulygina TV, Shmelev AD. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualisation of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1997. 576 p. Russian.
11. Kobozeva IM, Laufer NI. [Semantics of Modal Must Predicates]. In: Arutyunova ND, editor. *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow: Nauka; 1991. p. 169–175. Russian.
12. Laufer NI. [Predicatives with the meaning of necessity: statistics and semantics (corpus research)]. In: Iomdin L, Laufer NI, Narin'yan AS, Selegeya VP, editors. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007»; 30 maya – 3 iyunya 2007 g.; Bekasovo, Rossiya* [Computer linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the International conference «Dialogue–2007»; 2007 May 30 – June 3; Bekasovo, Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta; 2007. p. 353–358. Russian.
13. Diewald G. *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität*. Tübingen: Max Niemeyer; 1999. 464 S.
14. Palmer FR. *Modality and the English modals*. London: Longman; 1979. 196 p.
15. Perkins MR. *Modal expressions in English*. Norwood: Ablex; 1983. 200 p.
16. Searle JR. [Classification of illocutionary acts]. In: Gorodetsky BYu, editor; Demyankov BZ, translator. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 170–195. Russian.
17. Vejbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Krongauz MA, editor. Moscow: Russkie slovary; 1996. 416 p. Russian.
18. Gévaudan P. Sprachliche Modalität zwischen Illokution und Polyphonie. *Romanistisches Jahrbuch*. 2011;61(1):32–66. DOI: 10.1515/9783110236323.31.
19. Belyaeva EI. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliiskii yazyk* [Grammar and pragmatics of motivation: English]. Voronezh: Voronezh State University; 1992. 168 p. Russian.
20. Baranov AN. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text. Theoretical foundations and practice]. Moscow: Flinta; 2007. 592 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
21. Zolotova GA, Onipenko NK, Sidorova MJu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1998. 528 p. Russian.
22. Zaliznyak AA, Paducheva EV. [Propositional attitude predicates in modal context]. In: Arutyunova ND, editor. *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts]. Moscow: Nauka; 1989. p. 92–115. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.10.2021.
Received by editorial board 07.10.2021.

УДК 81

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЯМЫХ И НЕПРЯМЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА)

Л. С. МЕЛЬНИКОВА¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Освещается вопрос о формальном разнообразии способов выражения побудительной интенции, используемых в межличностном общении. Предлагаются и обосновываются принципы классификации побудительных речевых актов по критериям прямого и непрямого способов реализации иллокутивной цели. Уточняется понятие «вторичный перформатив» в отношении эксплицитного побудительного высказывания. На материале итальянского языка определяются возможные языковые способы передачи прямой и непрямой побудительной интенции, выявляется их количественное соотношение, в том числе с учетом лексико-грамматических маркеров, используемых в пропозиции. Результаты исследования дополняют общую картину репрезентации побудительной иллокутивной функции и могут быть использованы при обучении прагматическому анализу языковых выражений, интерпретация интенции которых в разной степени связана с контекстом.

Ключевые слова: побудительная ситуация; побудительная интенция; побудительные речевые акты; прямое и не прямое побуждение; лексико-грамматические маркеры; классификация способов побуждения.

МОЎНЫЯ СПАСАБЫ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ ПРАМЫХ І НЕПРАМЫХ ПАБУДЖАЛЬНЫХ МАЎЛЕНЧЫХ АКТАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ІТАЛЬЯНСКАЙ МОВЫ)

Л. С. МЕЛЬНИКОВА^{1*}^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Асвятляецца пытанне аб фармальнай разнастайнасці прамых і непрамых спосабаў выражэння пабуджальнай інтэнцыі, якія выкарыстоўваюцца ў міжасобасных зносінах. Прапануюцца і абгрунтоўваюцца прынцыпы класіфікацыі пабуджальных маўленчых актаў па крытэрыях прамога і непрамога спосабаў рэалізацыі ілакутыўнай мэты. Удакладняецца паняцце «другасны перфарматыў» у дачыненні да экспліцытнага пабуджальнага выказвання. На матэрыяле італьянскай мовы вызначаюцца магчымыя моўныя спосабы перадачы прамой і непрамой пабуджальнай інтэнцыі, выяўляюцца іх колькасныя суадносіны з улікам лексіка-граматычных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца ў прапзіцыі. Вынікі даследавання дапаўняюць агульную карціну рэпрэзентацыі пабуджальнай ілакутыўнай функцыі і могуць быць выкарыстаны пры навучанні прагматычнаму аналізу моўных выразаў, інтэрпрэтацыя інтэнцыі якіх у рознай ступені звязана з кантэкстам.

Ключавыя словы: пабуджальная сітуацыя; пабуджальная інтэнцыя; пабуджальныя маўленчыя акты; прамое і непрамое пабуджэнне; лексіка-граматычныя маркеры; класіфікацыя спосабаў пабуджэння.

Образец цитирования:

Мельникова ЛС. Языковые способы репрезентации прямых и не прямых побудительных речевых актов (на материале итальянского языка). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;3:65–76.

For citation:

Melnikova LS. Representation forms for direct and indirect incentive speech acts (on the material of the Italian language). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3:65–76. Russian.

Автор:

Людмила Сергеевна Мельникова – старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета.

Author:

Liudmila S. Melnikova, senior lecturer at the department of Romance linguistics, faculty of philology.
milamel@tut.by

REPRESENTATION FORMS FOR DIRECT AND INDIRECT INCENTIVE SPEECH ACTS (ON THE MATERIAL OF THE ITALIAN LANGUAGE)

L. S. MELNIKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The question of formal diversity of ways of expressing the incentive intention used in interpersonal communication is highlighted. The principles of the classification of incentive speech acts according to the criteria of direct and indirect ways of implementing the illocutionary goal are proposed and substantiated. The concept of «secondary performative» is clarified in relation to an explicit motive. Based on the material of the Italian language, the most common possible linguistic ways of transmitting direct and indirect incentive intentions are determined, and their quantitative ratio is revealed taking into account lexical and grammatical markers used in the proposition. The results of the study complement the general picture of the representation of the motivating illocutionary function and can be used in teaching the pragmatic analysis of linguistic expressions, the interpretation of the intention of which is to varying degrees related to the context.

Keywords: incentive situation; incentive intention; incentive speech acts; direct and indirect incentive; lexico-grammatical markers; classification of ways of incentive.

Введение

В течение последних десятилетий одной из наиболее интересных областей лингвистических исследований является речевая коммуникация во всей совокупности проблем, связанных с ее реализацией. Межличностное общение соответствует различным правилам и конвенциям, в нем проявляется диалектическое взаимодействие людей, которые, стараясь избегать конфликтов или, наоборот, сознательно идя на них, познают друг друга и влияют друг на друга. Один из наиболее деликатных аспектов такого взаимодействия касается побудительных ситуаций, в частности тех случаев, когда коммуниканты имеют разные социальные статусы и адресату неприятна его подчиненная роль. В языке развиваются многочисленные конвенциональные способы передачи непрямого побуждения, позволяющие комфортно чувствовать себя тому участнику общения, который должен выполнить просьбу или приказ или прислушаться к совету. У адресата возникает ощущение свободного выбора: он может осуществить то, что от него ожидается, или не делать этого. В то же время тому, кто просит или приказывает, также приятно быть вежливым и в какой-то степени альтруистичным. Таким образом, не прямые побудительные речевые акты (далее – ПРА) выступают одним из способов регулирования межличностных отношений. Задачей такого способа является сведение к минимуму конфликтных ситуаций, поскольку в большинстве случаев общение должно носить мирный характер, а собеседникам следует стремиться проявлять свои положительные качества и устранять или минимизировать негативные, препятствующие доброжелательному течению беседы.

Существуют многочисленные исследования, посвященные различным аспектам анализа категории побудительности и ПРА как форм ее выражения. На написание настоящей статьи так или иначе повлияла проблематика этих аспектов. Ниже представлены некоторые из них:

- специфика понятийной категории побудительности и ситуации побуждения¹;
- способы типологизации ПРА²;
- особенности императива как специализированной грамматической категории³;

¹Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка // Рус. яз. за рубежом. 1994. № 5–6. С. 34–40; Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функционал. грамматики. Темпоральность. Модальность / Бондарко А. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1990. С. 32–39; Богемова О. В. Структура речевой ситуации и выбор директивного высказывания (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. СПб., 2002. 18 с.

²Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1992. 168 с.; Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2008. № 3. С. 124–133; Егорова М. А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 1995. 18 с.

³Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994. 230 с.; Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 270 с.; Klímová E. L'imperativo Italiano tra morfologia e pragmatica // Études romanes de Brno. 2004. Vol. 34, No. 1. P. 85–96.

- средства выражения побуждения в разных языках на морфолого-синтаксическом уровне⁴;
- прямые и косвенные способы побуждения, их интерпретация и паралингвистические соот-
ветствия⁵;
- некоторые эксплицитные и имплицитные составляющие прямых и не прямых побудительных выска-
зываний, в частности мотивировочные компоненты, семантические и прагматические пресуппозиции⁶.

Разумеется, внутри каждого из данных аспектов содержатся частные проблемы, требующие скрупу-
лезного анализа. Так, например, множественность вариантов классификации только формальных спо-
собов репрезентации побуждения свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки данного
аспекта. Кроме того, сама терминология, которая применяется при изучении категории побудительно-
сти, не является однозначной, что необходимо принимать во внимание при ее исследовании.

Цель данного исследования – определить и обосновать соотношение различных способов побуж-
дения: *прямого способа* (распознается адресатом как таковое независимо от контекста, только с по-
мощью формы); *непрямого конвенционального* (выводится посредством как формы, так и содержа-
ния с минимальным привлечением контекста); *непрямого неконвенционального способа* (может быть
опознан исключительно по контексту, часто очень широкому, поскольку языковая форма такого ПРА
способна иметь множественную интерпретацию). Кроме того, предполагается установить наиболее
и наименее частотные типы высказываний, используемые для выражения прямого и непрямого по-
буждения, с учетом лексических и грамматических средств, представленных в их пропозиции. От-
метим, что язык, служащий для иллюстрации предлагаемой классификации и количественных соот-
ношений, мог бы быть любым, поэтому материал на итальянском языке никак не связан с вопросами
лингвокультурологического характера, а призван проиллюстрировать фрагмент общей языковой тео-
рии.

1. Побудительные речевые акты и параметры коммуникативной ситуации побуждения

Во многих языках неоднозначность трактовки ПРА связана с различными средствами побуждения,
характерными для языкового (лексико-грамматического) и речевого (функционально-семантического)
подходов к данному явлению. Параметры побудительности выявляются с учетом типичных средств,
характерных для выражения прямого и непрямого конвенционального побуждения, и нетипичных (не-
специфических, окказиональных), релевантных при не прямом неконвенциональном побуждении, спо-
собном актуализироваться лишь при особых характеристиках коммуникативной ситуации (ср. призна-
ки не прямой коммуникации по Дементьеву – «осложненная интерпретативная деятельность адресата,
неконвенциональность, ситуативная обусловленность, креативность» [1, с. 77]).

Побудительность (по иной терминологии директивность) представляет собой сложное и многогран-
ное явление, которое может рассматриваться с различных точек зрения. Речевые побуждения в отдель-
ных классификациях имеют разные названия и неодинаковое наполнение, поскольку они выделяются
на различных основаниях. Так, по Серлю, речевые акты, выражающие побуждение, представляют со-
бой «попытки... со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [2, с. 182].
Они входят в состав директивов, ориентированных от высказывания к действительности и имеющих
цель побудить адресата к действию, предполагают наличие у говорящего соответствующего желания;
их пропозициональное содержание «всегда состоит в том, что адресат совершит некоторое будущее

⁴Фомичева Е. В. Средства выражения побудительности в английском языке в свете семантики и прагматики // Соврем.
проблемы науки и образования. 2009. № 4. С. 156–162; Демидова И. А. Средства выражения побудительной модальности
в русском и английском языках (на материале газет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. Калининград,
2005. 24 с. ; Неустроев К. С. Способы выражения побуждения и воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19,
10.02.04. Ростов-н/Д., 2008. 22 с.

⁵Волкова А. Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности // Вестн. Ле-
нингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. 2011. Т. 1, № 4. С. 134–141 ; Нестерова Т. В. Косвенные речевые акты
в обиходном общении русских // Соврем. коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 6. С. 26–34 ; Иосифова В. Е. Употребительность в ес-
тественном диалоге прямых и косвенных речевых актов, выражающих побуждение (на материале устной речи жителей г. Ка-
луги). К проблеме изучения языка города : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Калуга, 2006. 32 с. ; Куценко Н. В. Средства
выражения директивной модальности в косвенных речевых актах (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд.
филол. наук : 10.02.04. Минск, 2019. 24 с.

⁶Мельникова Л. С. К вопросу о семантических пресуппозициях побудительных речевых актов (на итальянском языковом
материале) // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2014. № 1. С. 60–64 ; Она же. Прагматические пре-
суппозиции приказов и запретов (на материале итальянского языка) // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология.
2014. № 5 (72). С. 51–60 ; Она же. Особенности реализации мотивировочного компонента в побудительных речевых актах (на
итальянском языковом материале) // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2014. № 3. С. 26–30.

действие» [2, с. 182]. К речевым актам этого класса относятся вопросы, просьбы, приказы, приглашения, запреты, разрешения, советы, инструкции, призывы и др. Итальянская исследовательница Е. Фава, основывая свою классификацию на намерениях говорящего и основаниях для осуществления речевого акта (далее – РА), выделяет пять классов иллокутивных глаголов, включая побудительные РА, в составе *экзерцитувов* (*chiedere* ‘просить’, *comandare* ‘приказывать’, *implorare* ‘умолять’, *pregare* ‘просить’, *raccomandare* ‘советовать’, *sfidare* ‘бросать вызов’, *vietare* ‘запрещать’ и др.), указывающих на акты принятия решения либо попытки навязать его, исполнения власти, прав или влияния [3]. По терминологии В. И. Карасика, ПРА являются статусно-маркированными и включают в себя «инъюнктивы (приказы, требования), реквестивы (просьбы, мольбы), инструктивы (предписания, запреты) и др.» [4, с. 119]. А. И. Изотов характеризует высказывания с побудительной семантикой, применяя различные модальные обоснования: «Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и/или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом необходимость и/или возможность осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и/или его *интересами*» (курсив наш. – Л. М.) [5, с. 21].

Как утверждал Дж. Л. Остин, эксплицитно выраженный глагол в повелительном наклонении – показатель иллокутивной функции предложения – является основанием для отнесения всех побудительных предложений к перформативным: их произнесение само по себе служит просьбой или повелением в той же степени, что и произнесение перформативного предложения, поскольку повелительное наклонение «превращает высказывание в “команду” (или призыв, разрешение, уступку и всякое прочее!)» [6, с. 70]. Однако такая терминология, как считает Е. В. Падучева, не является лингвистически целесообразной, поскольку «перформативные предложения образуют интересный подкласс именно в составе класса повествовательных предложений – тем, что они, будучи повествовательными, лишены истинностного значения» [7, с. 23]. Кроме того, наличие глагола в повелительном наклонении не является гарантом побудительности высказывания. В нашем употреблении термин «перформативное предложение» («иллокутивная формула» или «вторичный перформатив») относится только к повествовательным высказываниям, содержащим перформативный глагол.

Принято считать, что в образовании и функционировании ПРА принимают участие, как правило, два коммуниканта: говорящий (адресант) и слушающий (адресат); учитывается непосредственный ситуативный контекст высказывания, социальная и языковая среда, к которой принадлежат коммуниканты, и общий для них культурно-исторический фон (т. е. лингвистические и экстралингвистические характеристики). Говорящий считает, что необходимо в какой-то мере изменить существующее положение вещей и полагает, что слушающий сам по себе не собирается производить эти изменения. Адресант побуждает собеседника к деятельности, воздействуя на его сознание, а иногда и на подсознание. Адресат воспринимает обращенное к нему побудительное высказывание, интерпретирует его как таковое в общем социально-культурном и конкретном ситуативно-коммуникативном контекстах и действует в зависимости от своего желания или нежелания подчиниться побуждению. Отметим, что данная общеизвестная информация лежала в основе критериев отбора языковых фактов для настоящего исследования.

Обобщив содержание понятия «условия успешности ПРА» у некоторых авторов [7, с. 25; 8, с. 209], мы понимаем под ним своего рода инвариант – постоянную величину, характерную для каждого из семантико-прагматических подтипов РА, относящихся к одному и тому же функциональному типу. Так, для всех семантических разновидностей ПРА будет свойственен следующий набор обязательных условий успешности:

- говорящий хочет (или делает вид, что хочет), чтобы слушающий выполнил указанное действие;
- высказывание говорящего – попытка побудить слушающего к выполнению действия;
- адресат в состоянии (способен и может) совершить действие;
- слушающий сам по себе не осуществит действие;
- состояние, которое является результатом действия, не имеет места в момент реализации ПРА.

Степень интенсивности побудительного воздействия имеет широкий спектр семантически значимых интерпретаций. В данном функциональном типе можно выделить более конкретные *подтипы побуждения* (приказ, совет, предложение, разрешение и др.), различающиеся рядом параметров, таких как степень категоричности побуждения или облигаторности каузируемого действия, субординация коммуникантов, бенефактивность действия и др., которые актуализируются в каждом конкретном речевом контексте. В рамках данной статьи подобные различия не являются существенными.

2. Классификация способов побуждения

В своих исследованиях многие ученые пытаются формировать или оптимизировать понятийный аппарат, при помощи которого излагается весь спектр проблем коммуникации. В том, что касается описания способов непрямого общения, некоторые авторы предлагают отказаться от уже существующей терминологии либо настаивают на пересмотре отдельных понятий и их определений, несмотря на то что они применялись уже на протяжении нескольких десятилетий. Так, А. Вежицкая считает, что в лингвистических описаниях термины «прямота» и «непрямота» используются безосновательно и применяются к явлениям, сформированным совершенно разными ценностями [9, с. 141]. Далее автор говорит о том, что «неясность, которая окружает эти понятия, связана с широко распространенным противопоставлением так называемых прямых и косвенных речевых актов, в частности императивов и так называемых *whimperatives* (императивов в вопросительной форме)» [9, с. 142].

Общепринятой считается классификация, при которой все речевые акты изначально делятся по способу языковой реализации иллокутивной силы на *прямые* и *косвенные* (подобное деление, восходящее к классической работе Дж. А. Серля [8], считается само собой разумеющимся и верным по умолчанию практически у всех исследователей прямых и не прямых способов реализации интенции). Прямые РА, языковая семантика которых согласуется с иллокутивной силой РА, непосредственно отражают интенцию говорящего с помощью перформативного глагола или специальных грамматических и лексических показателей и не требуют никаких дополнительных умозаключений от слушающего. Следует отметить, что для распознавания иллокутивной функции РА наличие перформативного глагола не является обязательным, поскольку иллокуция является не формальной, а функциональной категорией.

Прямые ПРА, непосредственно выражающие побуждение и легко интерпретирующиеся в соответствующих коммуникативных ситуациях, традиционно представлены *эксплицитными* и *имплицитными* языковыми моделями по признаку *наличия/отсутствия* в их структуре *перформативного глагола* (рис. 1).

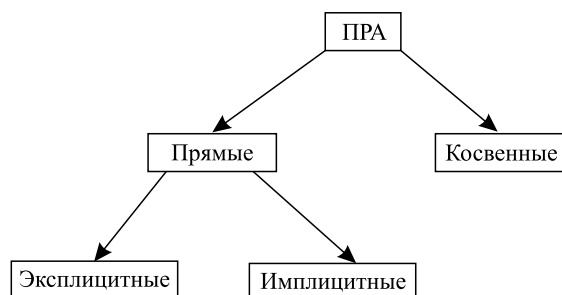

Рис. 1. Классификация ПРА по способу языковой реализации иллокутивной силы

Fig. 1. Classification of incentive speech acts based on the linguistic realisation of illocutionary force

При *эксплицитном* способе реализации побуждения говорящий прибегает к использованию перформативных высказываний, тогда как *имплицитный* способ не предполагает конкретизации функции РА с помощью лексических средств. Несмотря на авторитетность данных терминологических понятий, нам кажется нелогичным повсеместно применять распространенный традиционный термин «имплицитное побуждение» в отношении прямых ПРА с глаголом в повелительном наклонении. Номинация «имплицитный» является оправданной в том случае, когда анализируется план содержания РА и речь идет о действительно имплицитной (скрытой) иллокутивной цели, которая должна выводиться адресатом на основе его коммуникативной компетенции. Однако при анализе данного аспекта (формы) непонятно, почему имплицитным (невыраженным, скрытым) называется такой план выражения РА, который представлен ядерным компонентом поля побудительности – императивом, по сути, канонической формой ПРА – или же его функциональными аналогами. Сам Дж. Остин ввел терминологические понятия, различающие подобные высказывания: «Я охотнее противопоставил бы его (выражение «эксплицитный перформатив» – Л. М.) *первичному перформативу*, чем *неэксплицитному*, или *имплицитному* (курсив наш. – Л. М.) (скрытому)» [6, с. 67]. Данный термин – *первичный перформатив* – Дж. Остин неоднократно употребляет по отношению к высказываниям, в пропозиции которых не используется перформативный глагол.

На наш взгляд, наиболее эффективным способом представления систематизации результатов анализа отобранного фактического материала является классификация на основе дихотомического принципа (рис. 2).

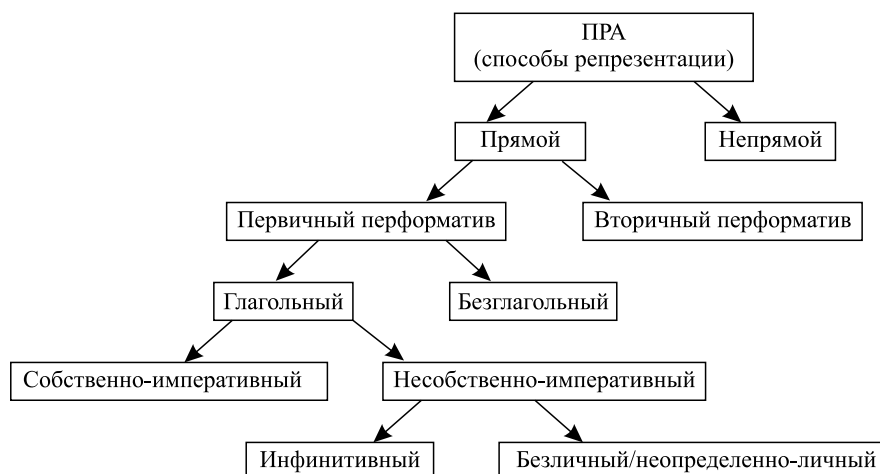

Рис. 2. Дихотомическая классификация прямых способов репрезентации ПРА
Fig. 2. Dichotomous classification of direct ways of intensive speech acts' representation

Проиллюстрируем все шаги, изображенные на схеме, на примерах, зафиксированных в спонтанной устной речи на итальянском языке. На первом этапе разграничения всех ПРА на основании критерия «языковой способ выражения побудительной интенции» традиционно выделяем *прямой* и *непрямой* способы, далее с учетом *наличия/отсутствия перформативного глагола* в структуре побудительного высказывания разделим прямой способ на *первичный перформатив* (все возможные формы, способные напрямую передавать побудительную сущность высказывания, не требующие уточнения с помощью перформативного глагола) и *вторичный перформатив* (эксплицитный перформатив, иллокутивная формула: *Non ti consiglio di comprarlo* ‘Я не советую тебе покупать ее’; *Ti proibisco di andarci, gioia* ‘Я запрещаю тебе идти туда, моя радость’). Отметим, что кажущаяся нелогичность применения термина «вторичный перформатив» к эксплицитному перформативу легко снимается, если принять во внимание семантику *первичности* (начальная ступень чего-либо, отличающаяся меньшей сложностью, или первое обращение к чему-либо, возникающему позже, вторичному или производному), которую, по всей вероятности, и имел в виду Дж. Остин при употреблении данного термина.

В зависимости от *выраженного* или *невыраженного предиката* в структуре высказывания *первично-перформативные ПРА* делятся на *глагольные* (имеется глагол-предикат, например: *Vieni da noi!* ‘Идите к нам’) и *безглагольные* (отсутствует такой глагол, например: *Tutti giù per terra!* ‘Всем (лечь) на землю!’). Глагольные высказывания, в свою очередь, представлены двумя моделями: *собственно-императивными* (глагол в форме повелительного наклонения: *Rimani ancora, dai* ‘Ну же, останься еще’) и *несобственно-императивными*, которые также могут быть дифференцированы по *употребленной форме глагола* на *инфинитивные* (глагол в инфинитиве: *Non sporcare!* ‘Не сорить!’; *Tenere pulito, grazie* ‘Соблюдайте чистоту’) и *безличные*, или *неопределенно-личные* (глагол в безличной или неопределенно-личной форме: *Questi discorsi non si fanno a casa mia!* ‘В моем доме не ведут подобные разговоры!’; *E ora si mangia!!!* ‘А сейчас будем есть!!!’).

Таким образом, к *прямым* формальным способам выражения побуждения мы относим те высказывания, в которых побудительная иллокуция и ее языковое воплощение конгруэнтны (т. е. когда прагматический смысл и языковое значение совпадают).

Отметим, что как отсутствие глагольной формы в повелительном наклонении (в безглагольной конструкции) не влияет на прагматическую функцию побудительного высказывания, так и сам глагол в повелительном наклонении во многих языках не обязательно несет в себе побудительное прагматическое содержание. Например, он может выражать пожелание (*Stammi bene!* ‘Будь умницей!’), согласие (*Andiamo? – Andiamo* ‘Пошли? – Пошли’) или несогласие (*Ma dai!* ‘Давай не будем!’), маркировать изумление или разрыв контакта (*Ma va!* ‘Да ну! / Да иди ты!’), высказывать условие (*Torna un'altra volta e vedrai se ho avuto ragione o no!* ‘Приходи в другой раз и увидишь, был ли я прав!’), использоваться для выражения многих других интенций. Регулярное применение императива в иных функциях, с другой иллокуцией ограничено сравнительно небольшим объемом РА, что является достаточным основанием для того, чтобы при определении побудительной семантики высказывания не полагаться только на наличие форм императива.

⁷В случае если перевод неадекватно передает побудительную интенцию говорящего, а также для более детального рассмотрения внутренней структуры итальянского высказывания, мы приводим в скобках свои варианты возможных соответствий на русском языке (перевод фактического материала из двух последних романов выполнен нами самостоятельно).

3. Формальные типы высказываний с побудительной интенцией

В данной статье представлены результаты первичного наиболее общего анализа сплошной выборки высказываний (более 780 единиц), имеющих в речи персонажей художественного текста функцию побуждения независимо от формы, в которую облечена их интенция. Отбор языковых фактов из романов итальянского писателя А. Барикко «City» [10; 11], «Seta» [12] и «Questa storia» [13] осуществлялся в соответствии с единственным критерием – функциональным – на основе анализа побудительной ситуации и условий успешности ПРА. Отметим, что все три романа отличаются друг от друга тематикой, неизменным в них остается только свойственное автору умение имитировать живую разговорную речь. Данный факт, как считает автор настоящей статьи, способен снять проблему использования в качестве источника материала художественных текстов, а не устной речи. Все отобранные языковые факты распределены в зависимости от того, во-первых, каким типом высказывания (побудительным, повествовательным или вопросительным) выражено побуждение и, во-вторых, какими языковыми маркерами оно представлено в пропозиции внутри каждого типа.

3.1. Побудительное высказывание является каноническим для осуществления *прямого побуждения* (предикат пропозиции употреблен в форме повелительного наклонения для 2-го лица – *конфиденциальный императив* (1); сослагательного наклонения, или конъюнктива, для 3-го лица – *формальный императив* (2); а также в форме инфинитива для 2-го лица единственного числа при отрицании действия – *императив-инфинитив* (3)):

- (1) *Mangia con la forchetta*, Melania [10, p. 137] ‘Мелания, возьми вилку и ешь’ [11, с. 157];
- (2) *Finisca la telefonata* [10, p. 17] ‘Заканчивайте (телефонный разговор)’ [11, с. 15];
- (3) *Non tornare tardi. E non metterti nei guai* [13, p. 230] ‘Не возвращайся поздно. И постарайся ни во что не вляпаться’.

Кроме того, прямое побуждение может быть выражено безличной конструкцией (4, 5):

- (4) *Non se ne parla nemmeno...* [10, p. 137] ‘Ни в коем случае... (об этом не может быть и речи...)’ [11, с. 157];
- (5) *Si ricomincia da capo. Dimentica tutto...* [10, p. 232] ‘Начни с самого начала. Забудь обо всем...’ [11, с. 268].

Отметим, что в нашей выборке из художественных текстов не было представлено выражение побуждения путем обращения к неопределенно-обобщенному лицу при помощи неопределенной формы глагола (категорический инфинитив).

3.2. Повествовательное высказывание также представлено несколькими типами, различающимися по внутренней организации и семантико-прагматическим оттенкам:

- *перформативное высказывание* (вторичный перформатив), которое представляет собой сложно-подчиненное предложение и обязательно содержит перформативный глагол в главном предложении (*chiedo, prego* ‘прошу’; *proibisco* ‘запрещаю’; *consiglio* ‘советую’; *invito* ‘призываю/приглашаю’ и др.). Данный тип высказывания используется при выражении прямого побуждения к действию (6, 7):

- (6) *La prego però, La scongiuro, di non dire a nessuno che sono venuta a parlar Le...* [10, p. 158] ‘Я прошу Вас, я Вас умоляю не говорить никому, что я приходила поговорить с Вами...’ [11, с. 10];
- (7) <...> *Signorina, la invito a... VUOLE CHIUDERE QUELLA SUA BOCCACCIA DI MERDA?*⁸ [10, p. 213] ‘<...> Я просил бы вас... (я вас призываю...) ВЫ НЕ ЗАТКНЕТЕ СВОЮ ГРЯЗНУЮ ВОНЮЧУЮ ПАСТЬ?’ [11, с. 248];

- конструкция с глаголом-предикатом в форме будущего времени (8) или в форме настоящего времени с модальным значением ближайшего будущего (так называемое категорическое и суггестивное будущее) (9–10):

- (8) *Non penserai che quel bastardo sia così matto da venire* [10, p. 284] ‘Не думай (ты же не будешь думать / надеюсь, что ты не думаешь), что этот ублюдок настолько глуп, чтобы прийти’ [11, с. 327];
- (9) *Riprenditi 'sti chewingum... Li tieni da parte per il prossimo obeso di passaggio, eh?* [10, p. 109] ‘Вы заберете (забери) у меня эту жвачку... Вы отложите (отложишь) их для первого толстяка, который появится, ладно (ясно)?’ [11, с. 125];
- (10) *Poi però le richiudi e non ne parli mai più* [13, p. 160] ‘Но потом ты их закроешь и никогда больше не будешь об этом говорить’;

⁸ Мы сохраняем авторские графические особенности оформления текста (по итальянской графической традиции, принятой в беллетристике, заглавными буквами пишутся те реплики персонажей, которые могут быть произнесены с особой эмоциональной нагрузкой: или очень громко, или раздраженно и т. п.).

• высказывание, с помощью которого говорящий сообщает слушающему то, что тот *должен* или *не должен* делать, или то, что ему *позволено* или *стоит* сделать (модальные глаголы – *dovere* ‘быть должным’, *bisognare* ‘быть необходимым’, *potere* ‘мочь’, *convenire* ‘быть подходящим’ или другие – могут быть употреблены в изъявительном (11–13) или условном (14–15) наклонении):

(11) *Non devi avere paura di nulla* [12, p. 21] ‘Ты не должна ничего бояться’;

(12) *Bisogna farlo respirare* [10, p. 72] ‘Требуется искусственное дыхание (нужно сделать так, чтобы он задышал)’ [11, с. 81];

(13) *Puoi dirlo forte* [10, p. 160] ‘Можешь сказать это громко’ [11, с. 185];

(14) *Dovrebbe dirmi cosa ne pensa lei* [10, p. 11] ‘Вам следует (следовало бы) сообщить свое мнение’ [11, с. 7];

(15) *Ci potresti fare la tua pista* [13, p. 165] ‘Ты мог бы на них (на эти деньги) построить свою трассу’;

• конструкция, представляющая собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия в эксплицитной (с глаголом в личной форме (16)) или имплицитной (глагол в форме инфинитива, причастия прошедшего времени или деепричастия (17)) морфологических формах:

(16) *Se prendete le patate costa uguale* [10, p. 106] ‘С картошкой за ту же цену (если возьмете картошку, будет стоить одинаково)’ [11, с. 122];

(17) *Stando qui non lo prenderà mai* [10, p. 274] ‘Значит, Арни не найдут (оставаясь здесь, вы его никогда не поймаете)’ [11, с. 315];

• конструкция, выражающая действие, которое должно/не должно быть выполнено адресатом, поскольку этого *хочет/не хочет* говорящий (18–19), либо *считает/не считает* его *необходимым* (20–21), *полезным* (22) (конструкция образована сложноподчиненным предложением с придаточным в функции подлежащего или прямого дополнения):

(18) *Sì, vorrei che lei venisse qui* [10, p. 227] ‘Да, я хочу (я хотел бы), чтобы вы были здесь’ [11, с. 263];

(19) *Mi piacerebbe che lo tenesse lei, signorina* [10, p. 214] ‘Я хотел бы, чтобы это хранилось у вас’ [11, с. 249];

(20) *Ho bisogno che tu ce la faccia, Bird* [10, с. 287] ‘Мне нужно это от тебя (нужно, чтобы ты с этим справился), Берд’ [11, с. 330];

(21) *Devo sapere cosa c'è scritto* [12, p. 44] ‘Я должен знать, что здесь написано’;

(22) *...Sarebbe estremamente utile, che voi aveste la gentilezza di ascoltare quello che abbiamo da raccontarvi* [10, p. 257] ‘Будет крайне полезно, если вы сделаете одолжение и выслушаете то, что мы хотим рассказать’ [11, с. 296].

3.3. Вопросительное высказывание имеет несколько разновидностей, с помощью которых говорящий маскирует свое истинное намерение. Побуждение осуществляется в форме кажущегося проявления интереса с его стороны к некоторым обстоятельствам, влияющим на осуществление действия (модальные глаголы и выражения в таких конструкциях стоят в форме изъявительного и условного наклонения):

• говорящий задает вопрос о *желании* собеседника выполнить определенное действие (модальный глагол *volere* ‘хотеть’) (23, 24):

(23) *Vuole dirmi precisamente le parole che ha usato?* [10, p. 242] ‘Скажите (хотите сказать мне), что именно он вам говорил?’ [11, с. 281];

(24) *Allora vorrebbe gentilmente darmi il suo nome?* [10, p. 10] ‘Тогда представьтесь, будьте любезны (В таком случае вы не хотели бы назвать мне своё имя?)’ [11, с. 7];

• говорящий интересуется эмоциональным состоянием собеседника: будет он *доволен* или *недоволен*, если ему придется выполнить то или иное действие (25) или же если такое действие выполнит сам говорящий (26) (глаголы *seccare* ‘раздражать/обременять’, *dispiacere* ‘быть неприятным’, *spiacere* ‘вызывать сожаление’):

(25) *Le secca se finisco la telefonata?* [10, p. 17] ‘Вас очень обременит, если я закончу разговор?’ [11, с. 15];

(26) *Le spiace tornare più tardi?* [10, p. 152] ‘Вам нетрудно подойти позже?’ [11, с. 175];

• адресант выражает кажущуюся заинтересованность *способностью/возможностью* собеседника выполнить то или иное действие (модальные глаголы и выражения: *potere* – ‘мочь’, *sapere* ‘уметь (знать)’, *essere in grado* ‘быть в состоянии’, *essere capace* ‘быть способным’) (27):

(27) *Scusate, sapete dirmi che ora è?* [10, p. 257] ‘Извините, вы не скажете (вы можете сказать), который час?’ [11, с. 297];

• говорящий выясняет *намерение* слушающего выполнить то или иное действие (предикат пропозиции употреблен в форме изъявительного (28) или условного наклонения (29)):

(28) *Me lo fai vedere?* [10, p. 263] ‘Покажете (покажешь мне его)?’ [11, с. 303];

(29) *Verrebbe a cena con me stasera?* [10, p. 163] ‘Давайте сегодня пообедаем вместе (вы пошли бы со мной на ужин сегодня вечером?)’ [11, с. 189];

• *риторическая конструкция*, не предполагающая ответа на прямой частный вопрос в контексте ситуации (применительно к ПРА можно говорить о непрямом неконвенциональном побуждении выполнить то действие, перед которым стоит вопросительное слово) (30):

(30) *Perché non la lasci in pace?* [10, p. 136] ‘Может (почему ты не) оставишь ее в покое?’ [11, с. 156];

• вопрос говорящего о *возможности* самому выполнить действие в отношении слушающего (предложение) (31) или самого себя (просьба) (32):

(31) *Le posso versare ancora del vino?* [13, p. 237] ‘Могу я вам предложить еще вина?’;

(32) *Con quel che paghiamo, potremmo ben darci un'occhiata, no?* [10, p. 256] ‘Раз уж мы расплатились, позвольте (мы вполне можем) взглянуть, а?’ [11, с. 296].

Предварительный анализ выборки позволил распределить все языковые факты в зависимости от способа выражения побудительной интенции. Результаты подсчета с учетом разновидностей лексико-грамматических маркеров внутри каждого типа высказывания показаны в таблице.

Типы высказываний, реализующих побудительную интенцию, в романах А. Барикко

Types of utterances realising the incentive intent in A. Baricco's novels

Тип высказывания	Способ выражения побуждения	Лексико-грамматические маркеры в пропозиции	Количество высказываний, ед.			Общее количество, ед.
			«City»	«Questa storia»	«Seta»	
Побудительное	Прямой	Конфиденциальный императив	232	77	36	345
		Формальный императив	49	51	—	100
		Императив-инфинитив	29	17	10	56
		Безглагольная форма	8	8	—	16
		Безличная/неопределенно-личная форма	2	1	—	3
		Категорический инфинитив	—	—	—	—
Общее количество			320	154	46	520
Повествовательное	Прямой	Вторичный перформатив	3	3	7	13
		Непрямой конвенциональный	Необходимость Г/С	6/25	7/3	6/4
	Желание Г		15	3	6	24
	Настоящее категорическое		11	7	3	21
	Возможность Г/С		4/8	2/3	—	17 (6/11)
	Причина		14	1	—	15
	Условный период		10	2	1	13
	Будущее категорическое		4	2	—	6
	Непрямой неконвенциональный	На данной этапе исследования указанные маркеры нерелевантны	10	3	6	19
Общее количество			110	36	33	179

Окончание таблицы
Ending table

Тип высказывания	Способ выражения побуждения	Лексико-грамматические маркеры в пропозиции	Количество высказываний, ед.			Общее количество, ед.
			«City»	«Questa storia»	«Seta»	
Вопросительное	Непрямой конвенциональный	Намерение	19	7	–	26
		Желание С	21	3	–	24
		Возможность С/Г	– /5	1/1	–	7 (1/6)
		Эмоциональное состояние С	5	–	–	5
		Причина	2	2	1	5
		Риторический вопрос	1	1	1	3
		Способность С	2	–	–	2
	Непрямой неконвенциональный	На данном этапе исследования указанные маркеры нерелевантны	7	2	2	11
Общее количество			62	17	4	83
Всего			492	207	83	782

Примечание. Г – говорящий, или адресант; С – слушающий, или адресат.

Как видно из таблицы, побудительное высказывание является преобладающим типом, способным реализовать ПРА (66,5 %). Такой результат представляется вполне логичным, поскольку фактический материал отражает диалогическую речь, максимально приближенную к устно-разговорной форме. Повествовательное и вопросительное высказывания составляют 22,9 и 10,6 % соответственно, что говорит о преимуществе формальной репрезентации побудительной интенции, осуществляемой с помощью сообщения о некотором событии, утверждения некоторого факта, выражения мнения или оценки происходящего, а не посредством вопроса о чем-либо неизвестном или желания получить подтверждение высказанной мысли.

Анализ соотношения способов выражения ПРА свидетельствует о преимущественном употреблении прямых способов (68,2 %) над косвенными (31,8 %) в процессе общения. Возможно, эти цифры касаются лишь письменных художественных текстов или идиолекта писателя А. Барикко, но, на наш взгляд, полученные данные могут считаться вполне объективными, если учесть непропорциональный состав прямых – косвенных способов побуждения в разных романах: 65,65 – 34,35 % («City»), 75,8 – 24,2 % («Questa storia») и 63,86 – 36,14 % («Seta»). Кроме того, косвенные неконвенциональные способы составляют 3,45 % («City»), 2,42 % («Questa storia») и 9,6 % («Seta»), что также говорит об объективном характере общего количества неконвенциональных ПРА – 3,85 %. Отметим, что количественные различия по источникам («City» – 492 единицы, «Questa storia» – 207 единиц и «Seta» – 83 единицы) также могут свидетельствовать в пользу объективности полученных данных, поскольку они не связаны напрямую с объемом текста каждого из романов.

Для прямого способа выражения побуждения (всего 533 единицы) характерным является побудительный тип высказывания (520 единиц), тогда как повествовательный тип используется крайне редко (13 единиц), что может говорить об отсутствии необходимости уточнения семантического типа побуждения с помощью перформативного глагола. Наиболее употребительной формой побудительных высказываний являются собственно-императивные конструкции: позитивный конфиденциальный императив (64,74 %), за которым следуют формы конъюнктива, или формального императива (18,76 %), и императива-инфинитива (10,5 %). На наш взгляд, это говорит о предпочтении доверительного обращения собеседников друг к другу (401 факт (345 единиц – конфиденциальный императив и 56 единиц – императив-инфинитив) – 77 % от общего количества прямых ПРА в побудительном по цели высказывании и 80 % от общего количества императивных ПРА), причем негативное побуждение (отрицание + инфинитив) составляет всего 11 % от последней цифры.

Безглагольная конструкция представлена лишь 3 % языковых фактов, а безличная и неопределенно-личная – 0,57 % языковых фактов, что указывает на минимальное использование подобных форм для выражения побуждения и также объясняется спецификой выборки: в живой разговорной речи преобладают личные формы глагола.

В рамках повествовательных высказываний наибольшее количество ПРА представлено типами, пропозиция которых содержит указание на необходимость осуществления действия для говорящего и слушающего (25 % от общего количества не прямых ПРА), что свидетельствует о важности данного типа модальности при выражении непрямого побуждения, причем адресант основывается на своих нуждах почти в два раза реже, чем когда налагает необходимость выполнения действия на адресата (38 и 62 % соответственно). Значительная часть высказываний содержит формы категорического настоящего и категорического будущего времени (16,25 %).

Интересен тот факт, что желание говорящего (в повествовательном высказывании) и слушающего (в вопросительных высказываниях), на первый взгляд, выражено равным количеством ПРА (24 единицы), что могло бы говорить об одинаковой важности данного вида модальности в не прямом побуждении. Тем не менее их процентный состав внутри каждого типа высказывания, разнится значительным образом: 14,45 % от общего количества повествовательных высказываний (не прямых ПРА) и 28,9 % – вопросительных, что означает преимущественное использование оптативной модальности при кажущемся выяснении наличия у адресата желания выполнить каузируемое действие, чем при выражении адресантом желания, чтобы слушающий осуществил это действие. Такой результат в целом подтверждает соблюдение антиконфликтных правил в речевом общении.

В то же время показательным является тот факт, что говорящий в наименьшей степени интересуется возможностью слушающего выполнить действие (1,38 %), чем его эмоциональным состоянием, желанием или намерением (общее количество – 55 языковых фактов, в их числе 26 единиц – намерение, 24 единицы – желание адресата, 5 единиц – его эмоциональное состояние (76,3 %)), что говорит о преобладании менее вежливых формулировок над более вежливыми при выражении ПРА, так как побуждения, основанные на возможностях адресата, являются более вежливыми, чем те, которые касаются его желания (мотивировать отказ проще при отсутствии объективной возможности выполнить действие).

Таким образом, анализ фактического материала позволил выделить более 20 языковых способов представления прямых и не прямых ПРА, отличающихся по формальным признакам и по степени употребительности, которая отражает реальную картину взаимоотношений коммуникантов в ситуации побуждения. Смысл количественных подсчетов заключается в дополнении общей картины репрезентации побудительной иллокутивной интенции, а также в том, что полученные данные в дальнейшем могут быть сопоставлены с аналогичными показателями по другим текстам или с корпусом устной речи.

Библиографические ссылки

1. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис; 2006. 376 с.
2. Серль ДжР. Классификация иллокутивных актов. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Демьянков ВЗ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. с. 170–194.
3. Fava E. Tipi di atti e tipi di frasi. In: Renzi L, Salvi G, Cardinaletti A, a cura di. *Grande grammatica italiana di consultazione. Volume 3. Tipi di frase, deissi, formazione delle parole*. Bologna: il Mulino; 1995. p. 19–48.
4. Карасик ВИ. *Язык социального статуса*. Москва: Гнозис; 2002. 335 с.
5. Изотов АИ. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. В: Marek L. 2005. 274 с.
6. Остин ДжЛ. Слово как действие. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Медникова АА, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. с. 22–140.
7. Падучева ЕВ. *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. 3-е издание. Москва: Едиториал УРСС; 2002. 288 с.
8. Серль ДжР. Косвенные речевые акты. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Перцов НВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. с. 195–221.
9. Вежицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота». В: Дементьев ВВ, Балашова ЛВ, Седов КФ, редакторы. *Прямая и не прямая коммуникация*. Дубровская ТВ, переводчик. Саратов: Колледж; 2003. с. 136–159.
10. Baricco A. *City*. Milano: BUR La Scala; 2000. 320 p.
11. Барикко А. *City*. Дегтярь Е, Петрова В, переводчики. Санкт-Петербург: Симпозиум; 2002. 367 с.
12. Baricco A. *Seta*. Milano: Rizzoli; 1996. 100 p.
13. Baricco A. *Questa storia*. Milano: Feltrinelli; 2010. 280 p.

References

1. Dement'ev VV. *Nepriyamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow: Gnosis; 2006. 376 p. Russian.
2. Searle JR. [Classification of illocutionary acts]. In: Gorodetsky BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Demyankov VZ, translator. Moscow: Progress; 1986. p. 170–194. Russian.

3. Fava E. Tipi di atti e tipi di frasi. In: Renzi L, Salvi G, Cardinaletti A, a cura di. *Grande grammatica italiana di consultazione. Volume 3. Tipi di frase, deissi, formazione delle parole*. Bologna: il Mulino; 1995. p. 19–48.
4. Karasik VI. *Social status language* [Language of social status]. Moscow: Gnosis; 2002. 335 p. Russian.
5. Izotov AI. *Funkcional'no-semantičeskaja kategorija imperativnosti v sovremennom češskom jazyke v sopostavlenii s russkim = Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie*. Brno: L. Marek; 2005. 274 p. Russian.
6. Austin JL. [Word as an action]. In: Gorodetsky BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Mednikova AA, translator. Moscow: Progress; 1986. p. 22–140. Russian.
7. Paducheva EV. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Statement and its correlation with reality]. 3rd edition. Moscow: URSS editorial; 2002. 288 p. Russian.
8. Searle JR. [Indirect speech acts]. In: Gorodetsky BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Pertsov NV, translator. Moscow: Progress; 1986. p. 195–221. Russian.
9. Wierzbicka A. [Cultural conditioning of the categories of «directness» vs. «indirect»]. In: Dementyev VV, Balashova LV, Sedov KF, editors. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Dubrovskaya TV, translator. Saratov: College; 2003. p. 136–159. Russian.
10. Baricco A. *City*. Milan: BUR La Scala; 2000. 320 p.
11. Baricco A. *City*. Degtyar E, Petrova V, translators. Saint Petersburg: Symposium; 2002. 367 p. Russian.
12. Baricco A. *Silk*. Milan: Rizzoli; 1996. 100 p.
13. Baricco A. *This story*. Milan: Feltrinelli; 2010. 280 p.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2021.
Received by the editorial board 15.09.2021.

УДК 811.161.3+811.162.3

БОГЕМИЗМЫ В СТАРОБЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ «КНИГА О ТОУДАЛЕ-РЫЦАРЕ»

А. В. АЛЕКСЕЕВИЧ¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследование чешского языкового влияния на старобелорусскую письменность ведется в двух основных направлениях: изучение богемизмов в контексте чешско-польско-старобелорусских языковых взаимоотношений XIV–XVIII вв. и анализ старобелорусских письменных памятников, являющихся переводами старочешских редакций. Первое направление учитывает роль польского языка как посредника в процессе усвоения богемизмов старобелорусской письменностью, соответственно, путь проникновения чешских заимствований в старобелорусский язык был непрямым. Второе направление ориентировано на изучение богемизмов, непосредственно заимствованных из старочешских источников. Известно, что некоторые старобелорусские памятники, среди которых библейские переводы Ф. Скорины, «Сказание о Сивилле-пророчице», «Песня песней» из рукописи 588 Синодального собрания, «Книга о Тоудале-рыцаре», «Книга Товита», восходят к чешским редакциям. Богемизмы, обнаруженные в названных памятниках, являются прямыми заимствованиями чешского происхождения. Рассматривается один из таких старобелорусских памятников – «Книга о Тоудале-рыцаре». Внимание направлено главным образом на подробный этимологический анализ богемизмов, сохранившихся в тексте (*враждельник, горкость, мръха, wskварокъ, повлаць, прелишь, штирь*). Отмечаются также другие славянские заимствования: полонизмы и церковнославянизмы (старославянизмы). Полученные результаты углубляют проблематику межславянского языкового взаимодействия, в частности чешского языкового влияния на старобелорусскую письменность.

Ключевые слова: старобелорусский язык; старочешский язык; инославянские заимствования; богемизм; полонизм; церковнославянизм (старославянизм).

БАГЕМІЗМЫ Ў СТАРАБЕЛАРУСКІМ ЛІТАРАТУРНЫМ ПМНІКУ «АПОВЕСЦЬ ПРА ТАЎДАЛА-РЫЦАРА»

Г. В. АЛЕКСЯЕВІЧ^{1*}

^{1*)}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Даследаванне чэшскага моўнага ўплыву на старабеларускую пісьменнасць мае два асноўныя кірункі: вывучэнне багемізмаў у кантэксце чэшска-польска-старабеларускіх моўных узаемаадносін перыяду XIV–XVIII стст. і аналіз старабеларускіх пісьмовых помнікаў, якія з’яўляюцца перакладамі старачэшскіх рэдакцый. Першы кірунак даследавання ўлічвае ролю польскай мовы як пасрэдніка ў працэсе засваення багемізмаў старабеларускай пісьменнасцю, адпаведна, шлях пранікнення чэшскіх запазычанняў у старабеларускую мову быў непрамым.

Образец цитирования:

Алексеевич ГВ. Богемизмы ў старабеларускім літаратурным помніку «Аповесць пра Таўдала-рыцара». *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;3:77–84.

For citation:

Aleksiyevich HV. Bohemisms in Old Belarusian «Book of Taudal the knight». *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3:77–84. Belarusian.

Автор:

Анна Викторовна Алексеевич – кандидат филологических наук; младший научный сотрудник сектора этнолингвистики и фольклора отделения славистики и теории языка Института языкознания имени Якуба Коласа.

Author:

Hanna V. Aleksiyevich, PhD (philology); junior researcher at the sector of ethnolinguistics and folklore, department of Slavic studies and language theory, Yakub Kolas Institute of Linguistics.

hanaaleks@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2950-9890>

Другі кірунак арыентаваны на вывучэнне багемізмаў, якія былі непасрэдна запазычаны са старачэшскіх крыніц. Вядома, што некаторыя старабеларускія помнікі, сярод якіх біблейскія пераклады Ф. Скарыны, «Сказанне пра Сівілу-прарочыцу», «Песня песняў» з рукапісу 588 Сінадальнага зборніка, «Аповесць пра Таўдала-рыцара», «Кніга Тавіта», узяходзяць да чэшскіх рэдакцый. Багемізмы, выяўленыя ў названых помніках, з'яўляюцца прамымі запазычаннямі чэшскага паходжання. Разглядаецца адзін з такіх старабеларускіх помнікаў – «Аповесць пра Таўдала-рыцара». Увага скіравана галоўным чынам на падрабязны этымалагічны аналіз багемізмаў, якія захаваліся ў тэксце (*враждельникъ, горкость, мръха, wskварокъ, повлаць, прелишь, итирь*). Адзначаюцца таксама іншыя славянскія запазычанні – паланізмы і царкоўнаславянскія (стараславянскія). Атрыманыя вынікі паглыбляюць праблематыку міжславянскага моўнага ўзаемадзеяння, у прыватнасці чэшскага моўнага ўплыву на старабеларускую пісьменнасць.

Ключавыя словы: старабеларуская мова; старачэшская мова; іншаславянскія запазычанні; багемізм; паланізм; царкоўнаславянскізм (стараславянскізм).

BOHEMISMS IN OLD BELARUSIAN «BOOK OF TAUDAL THE KNIGHT»

H. V. ALEKSIAYEVICH^a

^a*The Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The study of Czech language influence on Old Belarusian is conducted in two main directions: the study of Bohemisms in the context of Czech-Polish-Belarusian language relations in the 14th–18th centuries and the analysis of Old Belarusian written monuments, which are translations of Old Czech editions. The first direction of research takes into account the role of the Polish language as an intermediary in the process of assimilation of Bohemisms by Old Belarusian, respectively the way of penetration of Czech borrowings into the Old Belarusian language was indirect. The second direction is focused on the study of Bohemisms borrowed directly from Old Czech sources. It is known that some Old Belarusian monuments such as Biblical translations by F. Skaryna, «Tale of Sivilla the prophetess», «Song of songs» from the manuscript 588 of Synod collection, «Book of Taudal the knight», «Book of Tovit» go back to the Czech editions. The Bohemisms found in the named monuments are direct borrowings of Czech origin. This article deals with one of such Old Belarusian monuments which is «Book of Taudal the knight». Mainly attention is paid to a detailed etymological analysis of the Bohemisms preserved in the text (*враждельникъ, горкость, мръха, wskварокъ, повлаць, прелишь, итирь*). Other Slavic loanwords, Polonisms and Church Slavic (Old Slavic) are also noted. The obtained results deepen the problems of inter-Slavic language interaction, in particular the Czech language influence on the Old Belarusian written language.

Keywords: Old Belarusian; Old Czech; foreign Slavic loanwords; Bohemism; Polonism; Church Slavic (Old Slavic).

Уводзіны

Перакладны помнік старабеларускай літаратуры «Аповесць пра Таўдала-рыцара» быў знойдзены ў рукапісным зборніку XVI ст., арыгінальная назва твора – «Книга в Таоудале рыцери». У 1833 г. К. Свідзінскі перадаў зборнік у бібліятэку Красінскіх (Варшава, Польшча), дзе помнік знаходзіўся да 1944 г. Падчас Другой сусветнай вайны зборнік быў знішчаны агнём, адпаведна, арыгінальны тэкст твора не захаваўся.

Дзякуючы польскаму даследчыку А. Брукнеру некалькі буйных урыўкаў з гэтага літаратурнага помніка былі апублікаваны ў яго артыкуле [1]. З арыгінальным тэкстам твора азнаёміўся таксама Я. Ф. Карскі, які ў сваёй працы надрукаваў толькі першыя дзевяць радкоў з яго [2, с. 218–219]. Такім чынам, вывучэнне помніка старабеларускай літаратуры «Аповесць пра Таўдала-рыцара» магчыма на аснове ўрыўкаў, апублікаваных у свой час А. Брукнерам і Я. Ф. Карскім.

Чэшскае паходжанне помніка неаднаразова адзначалася даследчыкамі, сярод якіх А. Брукнер [1], Я. Ф. Карскі [3, с. 80–82], А. В. Флароўскі [4, с. 29–31], З. Кіпель [5, с. 178–179; 6], А. А. Турылаў [7, с. 60], Ю. Верхаланцава [8, р. 52–69, 110–117]. Падобныя высновы грунтаваліся на ўскосных даных, паколькі чэшскі пратограф да гэтага часу не адшуканы.

Першакрыніцай папулярнага сюжэту ў еўрапейскай сярэднявечнай літаратуры з'яўляецца лацінамоўная аповесць «Прывіды Тундала», якая была створана ў XII ст. у Ірландыі. Вядомы пераклады твора на многія заходнееўрапейскія мовы: нямецкую, англійскую, галандскую, шведскую, ісландскую, пра-

вансальскую, французскую, італьянскую, іспанскую, каталонскую, партугальскую [1, S. 200; 6, с. 140]. У славянскім свеце аповесць перакладалася на чэшскую, харвацкую, старабеларускую і царкоўнаславянскую мовы [8, р. 54]. А. Брукнер, які азнаёміўся з найбольш поўным тэкстам старабеларускага перакладу, прыйшоў да высновы, што помнік узыходзіць да лацінскага твора В. дэ Бавэ «Visio Tundali». Лінгвістычны асаблівасці старабеларускай аповесці, аднак, сведчаць пра пасрэдніцтва невядомай чэшскай рэдакцыі [1, S. 209–210]. Нягледзячы на тое што чэшскі пераклад так і не знайшлі, аповесць была вядома ў чэшскіх землях: у Пражскіх аналах захаваўся запіс *Tungdalus visionem vidit*, датаваны 1149 г.; адна з нямецкіх рэдакцый змяшчалася ў рукапісе чэшскага паходжання XV ст. [8, р. 57]. Неабходна таксама выключыць польскае пасрэдніцтва, паколькі першая падобная аповесць на польскай мове – «Przeraźliwe echo trąby ostatecznej» К. Балеславіуша – была надрукавана толькі ў 1670 г. [8, р. 59]. Дадатковым доказам таго, што старабеларуская «Аповесць пра Таўдала-рыцара» ўзыходзіць да чэшскага праатографа, з’яўляюцца змешчаныя разам з ёй у рукапісе «Сказанне пра Сівілу-прарочыцу» і «Кніга Тавіта», якія дакладна былі перакладзены з чэшскай мовы [8, р. 71–89].

Першыя грунтоўныя вынікі пасля даследавання твора «Аповесць пра Таўдала-рыцара» былі атрыманы А. Брукнерам. Даследчык вызначыў паходжанне старабеларускага помніка, апісаў рукапіс, акрэсліў яго месца сярод іншых заходнееўрапейскіх перакладаў, правёў тэксталагічны аналіз, супаставіўшы старабеларускі тэкст з лацінамоўным твораў В. дэ Бавэ «Visio Tundali». Што тычыцца мовы, А. Брукнер лічыў яе «бела- або літоўска-рускай, мовай Скарыны і яго сучаснікаў»¹ [1, S. 208]. Асобна даследчык вылучыў паланізмы (*мовіль, речь, посполоу, найгорше, довнималь*) і багемізмы (*вдиньцовъ, повлаць, жини, играемъ, нистцомъ, гоудцомъ, потвора, зуфати, шахта* і інш.) [1, S. 208–210]. Я. Ф. Карскі зрабіў кароткі агляд твора «Аповесць пра Таўдала-рыцара», спасылаючыся на высновы А. Брукнера, і адзначыў уплыў чэшскай, польскай і царкоўнаславянскай моў [3, с. 80–82]. Пэўныя дапаўненні па тэме змясціў у сваёй працы А. В. Флароўскі. На яго думку, да чэшскай моўнай стыхіі можна аднесці таксама старабел. *прелишь* (чэш. *přiliš*), старабел. *безъ оуразоу* (чэш. *bez úrazu*), старабел. *похвили* (чэш. *po chvíli*), старабел. *горкость* ‘гарачы’ (чэш. *horký, horkost*), старабел. *страхъ и грозоу* (чэш. *strach a hrůzu*) [4, с. 29–31]. З. Кіпель цікавіў галоўным чынам літаратуразнаўчы аспект узнікнення помніка [5, с. 178–179; 6]. Ю. Верхаланцава даволі падрабязна даследавала «Аповесць пра Таўдала-рыцара»: адна глава яе кнігі была прысвечана гісторыі стварэння, паходжанню помніка, параўнанню яго з харвацкім і царкоўнаславянскім перакладамі [8, р. 52–69], другая глава – вывучэнню моўных асаблівасцей старабеларускага тэксту; даследчыца асобна вылучыла заходнеславянскія фанетычныя, марфалагічныя, сінтаксічныя і лексічныя кампаненты [8, р. 110–117]. Нягледзячы на тое што чэшскія запазычаныя неаднаразова прыцягвалі ўвагу даследчыкаў, іх вывучэнне нельга прызнаць поўным найперш таму, што не ўлічваліся даныя этымалагічных і гістарычных слоўнікаў.

Матэрыялы і метады даследавання

Лінгвістычны аналіз літаратурнага помніка «Аповесць пра Таўдала-рыцара» на сённяшні дзень застаецца адзіным надзейным спосабам абгрунтаваць яго чэшскае паходжанне. У выпадку, калі будзе адшуканы чэшскі помнік, з’явіцца магчымасць правесці таксама тэксталагічны аналіз. Даследуючы старабеларускі тэкст, А. Брукнер, А. В. Флароўскі і Ю. Верхаланцава асобна разглядалі словы, якія маглі быць чэшскімі запазычаннямі [1, S. 209–210; 4, с. 30–31; 8, р. 110–117]. Паколькі ў творы фіксуюцца царкоўнаславянскія (стараславянскія) і паланізмы, даказаць, што запазычанне належыць менавіта да багемізмаў, бывае няпроста. Напрыклад, выказвалася меркаванне, што выраз *играемъ а нистцом а гоудцомъ* (Д. скл., мн. л.) узыходзіць да чэш. *přístci, hudci, herci* [1, S. 210; 4, с. 30]. Падрабязнае вывучэнне гэтых слоў паказала наступнае: *нистцомъ* адпавядаюць старажытнапол. *piszczec* (XV ст.) (SlStp, t. 6, s. 144), старацэш. *přščec* (XIV ст.) (StČsl, seš. 16, s. 194; Malý stč., s. 302); *гоудцомъ* – старарус. *гудецъ* (XI ст.) (СлРЯ 11–17, вып. 4, с. 154), старабел. *гудецъ* (1516–1519 гг.) (ГСБМ, вып. 7, с. 191–192), стараўкр. *гудецъ* (1641 г.) (СлСУМ, вып. 7, с. 114), старацэш. *hudec* (XIV ст.) (Malý stč., s. 75; ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 515); *играемъ* – старарус. *игрець* (IX ст.) (СлРЯ 11–17, вып. 6, с. 83), старабел. *игрець* (канец XV ст.) (ГСБМ, вып. 14, с. 9), *играць, игряць* (1516–1519 гг.) (ГСБМ, вып. 14, с. 8), стараўкр. *игрець* (XV ст.) (СлСУМ 14–15, т. 1, с. 422), *граць, грать, кграць, играць* (1566 г.) (СлСУМ 16–17, вып. 7, с. 79–80), старажытнапол. *igracz* (XV ст.) (SlStp, t. 3, s. 12), *igrzec* (XV ст.) (SlStp, t. 3, s. 13), старацэш. *jhráč, hráč* (XV ст.) (Malý stč., s. 88; ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 644). Такім чынам, старабел. *гоудцомъ* і *играемъ* былі вядомы яшчэ з агульнаўсходнеславянскага перыяду. Не выключана, што пад чэшскім ці польскім уплывам першапачатковае *-e-* было

¹Тут і далей пераклад наш. – Г. А.

заменена на **-а-**, параўнаем старарус., старабел., стараўкр. *игрець* і старажытнапол. *igracz*, старачэш. *jhráč, hráč*. Што тычыцца старабел. **нистцомъ**, немагчыма адназначна сцвярджаць, што гэта багемізм, паколькі слова было зафіксавана ў польскай пісьменнасці.

Даследаванне чэшскіх запазычанняў у творы «Аповесць пра Таўдала-рыцара» павінна ажыццяўляцца з улікам усходнеславянскага, польскага і царкоўнаславянскага (стараславянскага) лексічнага матэрыялу. Сярод царкоўнаславянізмаў (стараславянізмаў), якія сустракаюцца ў помніку, можна вылучыць наступныя: **єдинъ, єдиного, єдиное** [1, S. 202, 203] – стараслав. *юдинъ* (ELSJS); **нощи** [1, S. 202] – стараслав. *нощь* (ELSJS); **горлицого, горлицем** [1, S. 203] – стараслав. *горлицы* (ELSJS); **ветрь** [1, S. 203] – стараслав. *вътръ* (ELSJS); **падащих** [1, S. 204] – стараслав. *падаща* (ELSJS); **сирѣчь** [1, S. 204] – стараслав. *сирѣчь* (ELSJS). Асобнай увагі патрабуюць формы з рэфлексамі **-ra-, -la- і -rě-, -lě-** у групе зычных, якія ўласцівы як стараславянскай (царкоўнаславянскай), так і чэшскай мовам: **(з) влах** [1, S. 203; 2, с. 219] – стараслав. *влахъ* (ELSJS), старачэш. *Vlachy* (ESSČ); **смад, смадныи** [1, S. 203] – стараслав. *смадъ* [18], старачэш. *smrad* (ESSČ), *smradný* (Malý stč., s. 460); **страны** [1, S. 203] – стараслав. *страна* (ELSJS), старачэш. *strana* (Malý stč., s. 481); **драгаго** [1, S. 204] – стараслав. *драгъ* (ELSJS), старачэш. *drahý* (Malý stč., s. 54; ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 324); **срѣбра** [1, S. 204] – стараслав. *срѣбро* (ELSJS), старачэш. *stříebro* (ESSČ); **злата** [1, S. 204] – стараслав. *злато* [18], старачэш. *zlato* (ESSČ); **крал, краль, кралем** [1, S. 204] – стараслав. *краль* (ELSJS), старачэш. *král* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 126); **краву** [1, S. 207] – стараслав. *кравиш* (ELSJS), старачэш. *kráva* (Malý stč., s. 107; ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 136). У тэксце аналізуемага твора былі выяўлены таксама паланізмы: **мовиль** [1, S. 202] – старажытнапол. *mówić, mólwić* (SłStp, t. 4, s. 349–359); **процовати** [1, S. 207, 209] – старажытнапол. *procować* (SłStp, t. 7, s. 21); **речах** [1, S. 202] – старажытнапол. *rzecz* (SłStp, t. 8, s. 83–94). На карысць польскага паходжання лексемы **процовати** сведчыць наяўнасць рэфлекса **-ro-**; слова **речах** належыць да семантычных паланізмаў.

Вялікую групу запазычанняў складаюць словы заходнеславянскага паходжання, якія маюць адпаведнікі ў чэшскай і польскай мовах: **рыцари** [1, S. 202] – старачэш. *rytieř, rycieř, řitieř* (Malý stč., s. 432), старажытнапол. *rycerz* (SłStp, t. 8, s. 56–58); **(в) рутерьство** [1, S. 202] – старачэш. *rytieřstvie, rytieřstvo* (Malý stč., s. 432), старажытнапол. *rycerstwo, rycerzstwo* (SłStp, t. 8, s. 56); **валькоу** [1, S. 202; 2, с. 219] – старачэш. *válka* (Malý stč., s. 556), старажытнапол. *walka* (SłStp, t. 10, s. 37–38); **валечного** [1, S. 202; 2, с. 219] – старачэш. *válečný* (Malý stč., s. 556), старажытнапол. *waleczny* (SłStp, t. 10, s. 37); **панеж, панежемь** [1, S. 202] – старачэш. *papež* (StČsl, seš. 15, s. 63), старажытнапол. *papież* (SłStp, t. 6, s. 36); **єдна, єдно** [1, S. 203, 204] – старачэш. *jeden, jedna, jedno* (Malý stč., s. 85; ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 610–611), старажытнапол. *jeden (jaden), jedna, jedno* (SłStp, t. 3, s. 137–146); **вели, вел’ми** [1, S. 202, 203] – старачэш. *velmě, velmi* (Malý stč., s. 562; ESSČ), старажытнапол. *wielmi* (SłStp, t. 10, s. 175–176); **такеж** [1, S. 202] – старачэш. *takež, takéž* (Malý stč., s. 507; ESSČ), старажытнапол. *takież* (SłStp, t. 9, s. 96–99); **посполоу** [1, S. 203] – старачэш. *pospolu* (Malý stč., s. 344; ESSČ), старажытнапол. *pospołu* (SłStp, t. 6, s. 443–444); **жадное, жадьномуу** [1, S. 203] – старачэш. *žádný* (Malý stč., s. 684), старажытнапол. *(žaden), žadni, žadny, żadni, żadny* (SłStp, t. 11, s. 538–541); **катовъ** [1, S. 203] – старачэш. *kat* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 23), старажытнапол. *kat* (SłStp, t. 3, s. 249–250); **заса** [1, S. 203] – старачэш. *zasě* (Malý stč., s. 637), старажытнапол. *zasię, zajsie, zajsie, zasie* (SłStp, t. 11, s. 184–187); **(въ) панви** [1, S. 203] – старачэш. *pánev, pánva, pánvě* (StČsl, seš. 15, s. 45–46), старажытнапол. *panew* (SłStp, t. 6, s. 22–23); **(но) хвили** [1, S. 203] – старачэш. *chvíle* (Malý stč., s. 81; ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 571–572), старажытнапол. *chwila, fila* (SłStp, t. 1, s. 271–272); **(безъ) шкоды** [1, S. 204] – старачэш. *škoda* (Malý stč., s. 502), старажытнапол. *szkoda* (SłStp, t. 8, s. 561–563); **(до) предпекъле** [1, S. 209] – старачэш. *předpeklé* (Malý stč., s. 379), старажытнапол. *przedpiekle, przedpiekło* (SłStp, t. 7, s. 123); **зүфати** [1, S. 209] – старачэш. *zúfatí* (Malý stč., s. 679), старажытнапол. *zufać* (SłStp, t. 11, s. 490); **пане** [1, S. 209] – старачэш. *pán, hpán* (StČsl, seš. 15, s. 39–40), старажытнапол. *pan* (SłStp, t. 6, s. 21); **калүховъ** [1, S. 204] – старачэш. *kalich, kelich* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 12), старажытнапол. *kielich* (SłStp, t. 3, s. 275); **күөликовъ** [1, S. 204] – старачэш. *koflík* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 78), старажытнапол. *kuflik, koflik* (SłStp, t. 3, s. 460).

Акрамя лексічных асобна можна вылучыць некалькі семантычных запазычанняў з чэшскай і польскай моў. У дадзеным выпадку новыя значэнні ў спрадвечна беларускіх слоў з’явіліся пад заходнеславянскім уплывам: старабел. **(с) мѣста** ‘горад’ [1, S. 202] – старачэш. *město* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 342), старажытнапол. *miasto, miesto* (SłStp, t. 4, s. 196–199); старабел. **пышныхъ** ‘ганарлівы’ [1, S. 204] – старачэш. *pyšný* (Malý stč., s. 413), старажытнапол. *pyzny* (SłStp, t. 7, s. 412); **господы** ‘заезджы двор, карчма’ [1, S. 209] – старачэш. *hospoda* (Malý stč., s. 71; ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 469–470), старажытнапол. *gospoda* (SłStp, t. 2, s. 465–466); **потвора** ‘пачвара’ [1, S. 210] – старачэш. *potvora* (StČsl, seš. 20, s. 918–919; Malý stč., s. 352), старажытнапол. *potwora* (SłStp XVI, t. 28, s. 512–513).

Вынікі і іх абмеркаванне

Нягледзячы на ўсю неадназначнаць і складанасці, якія ўзнікаюць падчас вывучэння іншаславянскіх запазычанняў у творы «Аповесць пра Таўдала-рыцара», былі выяўлены і дэталёва прааналізаваны багемізмы, засвоеныя непасрэдна з чэшскай крыніцы.

Прелишь [1, S. 202, 203]. У выданні «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» зафіксаваны старабел. *презлишь* ‘празмерна, занадта’ (ГСБМ, вып. 28, с. 43), старабел. *презлиший* (ГСБМ, вып. 28, с. 43), *преизлиший, преизлиший* ‘празмерны’ (ГСБМ, вып. 28, с. 53). Відавочна, што словы былі запазычаны ад старажытнапол. *przezlisz, przezliszny* (SlStp, t. 7, s. 220).

У польскай Бібліі каралевы Сафіі захавалася форма *przelisz*, якая лічыцца багемізмам (SlStp, t. 7, s. 144). Я. Сяткоўскі, спасылаючыся на высновы А. Брукнера, З. Клемянсевича, В. Цырана, у цэлым падзяляе іх меркаванне аб чэшскім паходжанні старажытнапол. слоў *przelisz, przylisz* (з чэш. пераходзіць *ie > i*), *przezlisz, brzezlisz, bezlisz* (пад уплывам прыназоўнікаў *przez, bez*). Галоўным чынам даследчык звяртае ўвагу на фіксацыю слоў у пісьмовых помніках XV–XVI стст., якія ўтрымліваюць значную колькасць іншых багемізмаў, паколькі ствараліся пад непасрэдным чэшскім уплывам (Basaj – Siatkowski, s. 278–279). А. Банькоўскі таксама лічыць гэтыя старажытнапол. лексемы багемізмамі (Bańkowski, t. 2, s. 859).

Старачэш. *přieliš* ‘занадта, залішне, празмерна’ (Malý stč., s. 394; ESSČ) датуецца XIV ст. і ўзыходзіць да праслав. **per* і **lichъ* (Rejzek 2015, s. 566), **per-lich-ъ* (*per >* чэш. *přě-, pře*) (Machek 1957, s. 401; Machek 1968, s. 493), *pře-* і *lichý* (Holub – Korečný, d. 2, s. 301; Holub – Lye, s. 402). Відавочна, старабел. *прелишь*, якое сустракаецца чатыры разы ў творы «Аповесць пра Таўдала-рыцара», было непасрэдна запазычана з чэшскай крыніцы, што адзначалі А. В. Флароўскі і Ю. Верхаланцава [4; с. 30–31; 8, р. 115]. З улікам выскоў польскіх даследчыкаў, старабел. *презлишь* таксама мэтазгодна разглядаць як багемізм, засвоены пры пасрэдніцтве польскай мовы.

Ўскварокъ [1, S. 203]. Зафіксаваныя у выданні «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» старабел. *скварка* ‘скварка’ (ГСБМ, вып. 31, с. 313), *сквара* ‘спякота, гарачыня’ (ГСБМ, вып. 31, с. 312) з’яўляюцца дэвербатывамі (ЭСБМ, т. 12, с. 128) (параўнаем са старабел. дзеясловам *скварытися* (ГСБМ, вып. 31, с. 313)). Словы маюць адпаведнікі ў розных славянскіх мовах, напрыклад старачэш. *skvarek, škvarek* (ESSČ), старачэш. *oskvarek, oškvarek* (StČsl, seš. 12, s. 634), старачэш. *skvára, škvára* (ESSČ); старажытнапол. *skwarczek, (skwierczek) skwirczek, skwara* (SlStp, t. 8, s. 267); стараўкр. *скварь* (Тимченко, т. 2, с. 323), старарус. *сквара, скварь* (СлРЯ 11–17, вып. 24, с. 183). Этымалагі прытрымліваюцца меркавання аб агульнаславянскім паходжанні гэтых слоў (Rejzek 2015, s. 693; Machek 1957, s. 504–505; Machek 1968, s. 615; Holub – Korečný, d. 2, s. 371–372; ЭСБМ, т. 12, с. 128; Brückner 1927, s. 498; Фасмер, т. 3, с. 636; ЕСУМ, т. 5, с. 268; Boryś, s. 556).

Форма *ўскварокъ*, відавочна, запазычана ад старачэш. *oskvarek, oškvarek* ‘скварка, спечаны кавалак як вынік растаплення або спякання чагосьці, асабліва пасля смажэння тлушчавага мяса’ (StČsl, seš. 12, s. 634). На чэшскае паходжанне старабел. *ўскварокъ* звяртаў увагу А. Брукнер [1, S. 210]. Польскі ўплыў уяўляецца малаверагодным, паколькі старабеларускі адпаведнік фармальна не падобны да старажытнапол. *skwarczek (skwierczek), skwirczek* (SlStp, t. 8, s. 267).

Враждедльникъ [1, S. 203]. У гістарычных слоўніках усходнеславянскіх моў слова не рэгіструецца. Адпаведнікі знаходзім у старапольскай і старачэшскай мовах: старажытнапол. *wraždlnik* ‘забойца’ (SlStp, t. 10, s. 317), старачэш. *vražedlnik* ‘забойца’ (Malý stč., s. 576). Адметна, што старажытнапол. *wraždlnik* з’яўляецца багемізмам. Сярод фармальных асаблівасцей даследчыкі адзначаюць захаванне рэфлекса *-ra-* і групы зычных *-dln-*, неўласцівых польскай мове (SlStp, t. 10, s. 317; Basaj – Siatkowski, s. 446–447; Brückner 1927, s. 632; Reczek, s. 84–85).

Старачэш. *vražedlnik* этымалагічна звязана з *vrah* ‘вораг, забойца’ (Malý stč., s. 575) і паходзіць ад праслав. **vorgъ* (Rejzek 2015, s. 788; Machek 1957, s. 573; Machek 1968, s. 698; Holub – Korečný, d. 2, s. 422; Holub – Lye, s. 511). На чэшскае паходжанне старабел. *враждедльникъ* у разглядаемым творы ўказвалі А. В. Флароўскі і Ю. Верхаланцава [4; с. 30; 8, р. 115]. Між тым, нельга пагадзіцца з А. Брукнерам, які ўжывае ў помніку слова *вражебниковъ* (Р. скл., мн. л.) [1, S. 203] суадносіў з чэш. *vražebník, vraždlnik* і лічыў яго багемізмам [1, S. 210]. Відавочна, слова мае ўсходнеславянскае паходжанне (параўнаем са старарус. *вражьбьникъ* (Срезневский, т. 1, с. 311), *вражебникъ* (СлРЯ 11–17, вып. 3, с. 96)).

Повлаць [1, S. 204]. Старачэш. *pavlač, povlač* у пісьмовых помніках фіксуецца з канца XIV ст. з наступнымі значэннямі: 1. Каштоўная тканіна для апранання; 2. Падлога, ніжні ўзровень памяшкання, пакрыты дрэвам або каменем; 3. бібл. Прыўзнятая (часта някрытая) пляцоўка збудавання, пакрытая дошкамі, асабліва прыбудова-тэраса або роўная страхы; 4. Частка будынка, якая выступае са сцяны на

вышыні, асабліва пакрытая дрэвам, галерэя, балкон і пад.’ (StČsl, seš. 15, s. 103–104). Этымалагічна лексема звязана з дзеясловам (*pod*)*vlěci* (першапачаткова **podvlač* (Machek 1957, s. 358; Machek 1968, s. 438–439; Holub – Korečný, d. 2, s. 267, 290; Holub – Lye, s. 363)) і ўзыходзіць да праслав. **povelkti* (Rejzek 2015, s. 502). Пол. *rawlacz* ‘разнавіднасць галерэі, балкона’ было запазычана з чэшскай мовы напрыканцы XIX ст. (Basaj – Siatkowski, s. 219; Bańkowski, t. 2, s. 518; Rejzek 2015, s. 502; Machek 1957, s. 358; Machek 1968, s. 438–439; Holub – Lye, s. 363; Brückner 1927, s. 400).

У творы «Аповесць пра Таўдала-рыцара» старабел. *повлаць* ужыта ў значэнні ‘каштоўная тканіна’: ...*повлаць та вса ѿ злата и ѿ драгаго каменія блше* [1, S. 204], што адпавядае першаму значэнню старачэш. *pavlač, povlač*. Параўнаем са стараслав. *павлака* ‘каштоўная тканіна, пакроў’ (ELSJS); старарус. *паволока* ‘1. Дарагая шаўковая тканіна (XII–XIII стст.); 2. Пакроў, пакрывала (XI–XII стст.); 3. Вопратка (XVI ст., перапісана з крыніцы XI ст.)’ (СлРЯ 11–17, вып. 14, с. 114); старабел. *паволока* ‘шыкарная прывазная тканіна; верхняе адзенне з такой тканіны’ (пач. XVI ст.) (ГСБМ, вып. 22, с. 379); старажытнапол. *rawłoka* ‘тонкая каштоўная тканіна, таксама адзенне або фіранкі з гэтай тканіны’ (XV ст.) (SlStp, t. 6, s. 58–59). Відаць, што стараслав. слова *павлака* захавала рэфлекс *-la-*, старабел. і старарус. *паволока* – поўнагалоссе, старажытнапол. *rawłoka* – рэфлекс *-lo-*. Наяўнасць рэфлекса *-la-* у старабел. *повлаць* абумоўлена ўплывам не царкоўнаславянскай (стараславянскай) мовы, а чэшскай. А. Брукнер і А. В. Флароўскі ўжо выказвалі меркаванне аб чэшскім паходжанні слова [1, S. 210; 4, с. 30], даныя гістарычных і этымалагічных слоўнікаў пацвярджаюць іх высновы.

(3) *мрѣхи* [1, S. 203], *мрѣха* [1, S. 210]. Старачэш. *mrcha* ‘1. Мёртвае цела (жывёлы або чалавека), труп, падла (жывёлы); 2. Мёртвыя целы, трупы (людзей), падлы (жывёл); 3. Маса (мёртвага цела), астанкі, рэшткі (мяса); 4. (пра жывёлу) Пачвара; 5. (пра асобу, асабліва грэшніка) Падла, нячысцік’ датуецца XIV ст. (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 407). Слова з’яўляецца экспрэсіўным утварэннем ад *mr-tvola, *mr-tina, mr-tvina*, дзе ў другой частцы адбылася замена на *-cha* (Rejzek 2015, s. 434; Machek 1957, s. 309; Machek 1968, s. 379; Holub – Korečný, d. 1, s. 232; Holub – Lye, s. 323), і ўзыходзіць да праслав. асновы **mьr-* (Rejzek 2015, s. 434).

Усе выпадкі ранняга ўжывання старажытнапол. *marcha* ‘мёртвае цела, труп чалавека або жывёлы’ зафіксаваны ў Бібліі каралевы Сафіі з XV ст. (SlStp, t. 4, s. 160–161). Гэта дало падставу А. Банькоўскаму разглядаць старапольскі адпаведнік як семантычны багемізм (Bańkowski, t. 1, s. 141).

У творы «Аповесць пра Таўдала-рыцара» старабел. *мрѣха* па значэнні блізкае старачэш. *mrcha*: *ѿтоудж выхожахоу дивове и аeko з мрѣхи и вельми смраднии смрад...* [1, S. 203]. Дадзеная лексема ў гістарычных слоўніках усходнеславянскіх моў не фіксуецца. А. Брукнер і А. В. Флароўскі адзначалі чэшскае паходжанне слова [1, S. 210; 4, с. 30], што пацвярджаецца праведзеным вышэй аналізам.

Широв [1, S. 209], *штурь* [1, S. 210]. Старачэш. *ščír, šcír* ‘скарпіён’ (Malý stč., s. 498) датуецца XIV ст. (Rejzek 2015, s. 704). Слова паходзіць з праслав. **ščurь* (Rejzek 2015, s. 704; Machek 1968, s. 626–627), магчыма, на яго мела ўплыў праслав. **aščerь* (Machek 1968, s. 626–627; Holub – Lye, s. 473). Ё. Голуб і Ф. Копечны вызначаюць этымалогію слова як цымяную (Holub – Korečný, d. 2, s. 376).

Ва ўсходнеславянскіх мовах былі зафіксаваны наступныя семантычна блізкія адпаведнікі: старабел. *шурь* ‘пацук’, *шурокъ* (XV ст.) (ГСБМ, вып. 37, с. 252), стараўкр. *шурь* ‘пацук’ (XVII ст.) (Тимченко, т. 2, с. 508), *шур* ‘пацук’ (ЕСУМ, т. 6, с. 516), рус. *шур* ‘пацук’ (Фасмер, т. 4, с. 511). Параўнаем таксама са старажытнапол. *szczurek* ‘разнавіднасць грызуноў’ (каля 1500 г.) (SlStp, t. 4, s. 160–161), *szczur* ‘пацук’ (XVII ст.) (Boryś, s. 599; Warsz., t. 6, s. 593).

А. Брукнер і А. В. Флароўскі разглядалі ўжытае ў старабеларускім помніку слова *штурь* як багемізм [1, S. 210; 4, с. 30]. Старачэш. *ščír* з’яўляецца найбольш верагоднай крыніцай запазычання старабеларускага слова.

Горкостию [1, S. 203]. Старабел. *горкостъ, горькостъ* (ГСБМ, вып. 7, с. 77–78) узыходзіць да праслав. **gorьkostь*, якое з’яўляецца вытворным з суф. *-ostь* ад прыметніка **gorькъ* (SP, t. 8, s. 128–129; ЭССЯ, вып. 7, с. 55). Паводле выдання «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» старабел. *горкостъ, горькостъ* ужывалася ў двух значэннях: ‘горкі смак, горкасць’ і ‘гора, жаль’ (ГСБМ, вып. 7, с. 77–78). З падобнай семантыкай фіксуецца стараўкр. *горкостъ, горькостъ, грькостъ, гурькостъ* ‘1. (непрыемны смак, супрацьлеглы салодкаму) Горкасць; 2. перан. Прыкрасці, гора; цяжар; 3. перан. Пачуццё непрыхільнасці, злосці, гневу’ (СлСУМ 16–17, вып. 7, с. 28–29). У старарускай мове адпаведнае вытворнае слова не было зарэгістравана, але значэнні старарус. *горький* ‘1. Горкі; 2. Які прыносіць гора, няшчасце; 3. Горасны, сумны; 4. Цяжкі, пакутлівы; 5. Няшчасны, варты шкадавання’ (СлРЯ 11–17, вып. 4, с. 98)) у цэлым з’яўляюцца сведчаннем семантычнай блізкасці слоў ва ўсіх усходнеславянскіх мовах.

Зыходзячы з кантэксту твора «Аповесць пра Таўдала-рыцара», старабел. *горкостию* (Т. скл.) ужыта ў новым значэнні – ‘гарачыня’ [1, S. 203]. Неабходна выключыць семантычны ўплыў царкоўнаславян-

скай (стараславянскай) і старапольскай моў: стараслав. *горькъ* '1. Горкі; 2. Жорсткі' (18); старажытнапол. *gorzkoć* '1. Горыч, горкі смак; 2. Гора, боль, пакуты', *gorzkość, gorkość, gorskość* '1. Горыч (як фізічная ўласцівасць); 2. Нешта горкае, пякучага смаку; 3. Пакуты, прыкрасць, боль' (SlStp, t. 2, s. 465). Калі звярнуць увагу на старачэшскую мову, высветліцца, што старачэш. *horkost, hořkost* з'яўляецца амонімам і мае два асноўныя значэнні: 'гарачыня, жар, спёка' і 'горыч, горкі смак' (ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 165). Старачэш. *horký* і *hořký* этымалагічна тоесныя і ўзыходзяць да праслав. **gorькъ*, звязанага з праслав. дзеясловам *gorěti* (Rejzek 2015, s. 693; Machek 1957, s. 139; Machek 1968, s. 177; Holub – Korešný, d. 1, s. 128; Holub – Lye, s. 195–196). І. Рэйзак лічыць, што значэнне 'гарачы' развілася і замацавалася толькі ў чэшскай мове, яно сустракаецца таксама ў некаторых іншых дыялектах, але з'яўляецца няўстойлівым (Rejzek 2015, s. 693). Семантычную залежнасць старабел. *горкостію* ад старачэш. *horkost, hořkost* адзначаў А. В. Флароўскі [4, с. 31]. Такім чынам, у тэксце старабеларускага помніка *горкостію* з'яўляецца семантычным багемізмам.

Высновы

Даследаванне чэшскіх запазычанняў у старабеларускім літаратурным помніку «Аповесць пра Таўдала-рыцара» мае істотнае значэнне не толькі для вырашэння прыватных задач па вывучэнню асаблівасцей мовы і абставін узнікнення помніка. У больш шырокім кантэксце дадзенай работа прадстаўляе новы матэрыял, які ілюструе спецыфіку чэшскага моўнага ўплыву на старабеларускую пісьменнасць.

З XIV па XVIII ст. багемізмы пранікалі ў старабеларускую мову прамым і непразым шляхамі. Часцей засваенне чэшскіх слоў адбывалася пры польскім пасрэдніцтве. На працягу некалькіх стагоддзяў польская мова і яе пісьменнасць знаходзіліся пад прамым чэшскім уплывам, што адбілася перадусім на лексічным складзе польскай мовы. Багемізмы, якія замацаваліся ў польскай мове, пазней запазычваліся старабеларускай мовай, паколькі апошняя працягла час знаходзілася пад істотным польскім уздзеяннем.

Прамыя чэшскія запазычання сустракаюцца ў старабеларускіх помніках, якія ўзыходзяць да стара-чэшскіх крыніц, сярод іх «Сказанне пра Сівілу-прарочыцу», «Песня песняў» з рукапісу 588 Сінадальнага зборніка, «Аповесць пра Таўдала-рыцара», «Кніга Тавіта». Адною з рэдакцый стара-чэшскай Бібліі карыстаўся Ф. Скарына падчас перакладу яе на старабеларускую мову.

Праведзены ў артыкуле гісторыка-этымалагічны аналіз дазволіў абгрунтаваць чэшскае паходжанне некаторых запазычанняў, а менавіта слоў *враждельникъ, мрѣха, wskварокъ, повлаць, прелишь, штирь* (лексічныя багемізмы), *горкость* (семантычны багемізм). З пункту гледжання метадычнасці атрыманыя вынікі будуць карыснымі для вывучэння прамых чэшскіх запазычанняў у іншых старабеларускіх перакладных помніках літаратуры.

Скарачэнні

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / А. І. Жураўскі, А. М. Булыка (рэд.). Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. 37 вып. ; ЕСУМ – Етымалагічны слоўнік украінскай мовы / О. С. Мельничук (ред.). Київ : Наук. думка, 1982–2012. 6 т. ; Boryś – Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydaw. Lit., 2005. 861 s. ; СлРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Р. И. Аванесов (ред.). М. : Наука, 1975–2019. 31 вып. ; СлСУМ 14–15 – Слоvník staroukrajinského jazyka XIV–XV st. / Л. Л. Гумецька (ред.). Київ : Наук. думка, 1977–1978. 2 т. ; СлСУМ 16–17 – Слоvník staroukrajinského jazyka XVI – першої половини XVII ст. / Д. Г. Гринчишин (ред.). Львів : Ін-т українознавства НАН України, 1994–2017. 17 вып. ; Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912. 3 т. ; Тимченко – Тимченко Є. Матеріалы до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. Київ : Преса України, 2002–2003. 2 т. ; Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1964–1973. 4 т. ; ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Г. А. Цыхун (рэд.). Мінск : Беларус. навука, 1978–2017. 14 т. ; ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачев (ред.). М. : Наука, 1974–2011. 41 вып. ; Bańkowski – Bańkowski A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wydaw. Nauk. PWN, 2000. 2 т. ; Basaj – Siatkowski – Basaj M., Siatkowski J. Bohemizmy w języku polskim : słownik. Warszawa : Wydaw. Polonistyki Univ. Warszawskiego, 2006. 501 s. ; Brückner 1927 – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Nakł. i Własność Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1927. 808 s. ; ELSJS – Elektronický slovník jazyka staroslověnského [Electronic resource]. URL: <http://gorazd.org/gulliver/> (date of access: 01.09.2021) ; ESSČ – Vokabulár webový [Electronic resource]. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (date of access: 01.09.2021) ; Gebauer – Gebauer J. Slovník staročeský. Praha : Academia, 1970. 2 d. ; Holub – Kopečný – Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha : Státní Nakl. Učebnic, 1952. 575 s. ; Holub – Lye – Holub J., Lye S. Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím. Praha : Státní Ped. Nakl., 1967. 527 s. ; Machek 1957 – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Českosl. Akad. Věd, 1957. 627 s. ; Machek 1968 – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha : Českosl. Akad. Věd, 1968. 868 s. ; Malý stč. – Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha : Státní ped. nakl., 1979. 708 s. ; Reczek – Reczek J. Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku. Wrocław : Wydaw. PAN, 1968. 160 s. ; Rejzek 2015 – Rejzek J. Český etymologický slovník. Voznice : Leda, 2015. 824 s. ; Slp XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku / S. Bąk (ed.). Wrocław : Wydaw. PAN, 1966–2012. 36 t. ;

SlStp – Słownik staropolski / S. Urbańczyk (red.). Wrocław : Ossolineum ; Warszawa : Wydaw. PAN, 1953–2002. 11 t. ; **SP** – Słownik prasłowiański. Wrocław : Ossolineum, 1974–2001. 8 t. ; **StČsl** – Staročeský slovník / B. Havránek, V. Křístek, J. Petr, I. Němec (eds). Praha : Academia, 1968–2008. 26 seš. ; **Warsz.** – Słownik języka polskiego / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki (red.). Warszawa : Nakł. prenumeratów, 1900–1927. 8 t.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Brückner A. Die Visio Tundali in Böhmischer und Russischer Übersetzung. *Archiv für Slavische Philologie*. 1891;13:199–212.
2. Карский ЕФ. *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1962. 712 с.
3. Карский ЕФ. *Белорусы. Том 3. Очерки словесности белорусского племени. Часть 2. Старая западно-русская письменность*. Петроград: 12-я государственная типография; 1921. 246 с.
4. Флоровский АВ. *Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Том 2*. Praha: Slovansky ustav; 1947. 548 с.
5. Кіпель З. Беларуская перакладная літаратура XV–XVI стст. як мост паміж Усходам і Захадам. У: Конан УМ, рэдактар. *Беларусь паміж Усходам і Захадам: праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу: матэрыялы II Міжнароднага кангрэса беларусістаў; май 1995 г.; Мінск, Беларусь. Частка 2*. Мінск: Нацыянальны навукова-асветніцкі цэнтр імя Ф. Скарыны; 1997. с. 175–181.
6. Кіпель З. Лёс беларускай «Аповесці аб Тундалі» ў святле беларуска-заходнеславянскіх узаемадачыненьняў. У: Конан У, рэдактар. *Скарыназнаўства, кнігазнаўства, літаратуразнаўства*. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2001. с. 140–143.
7. Турилов АА. Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV – начале XVI вв. В: Щапов ЯН, Фалькович СМ, Щавелева НИ, редакторы. *Культурные связи России и Польши, XI–XX вв.: материалы конференции Комиссии историков России и Польши; 1996 г.; Москва, Россия*. Москва: УРСС; 1998. с. 58–68.
8. Verkholtantsev J. *Ruthenica Bohemica: ruthenian translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuanian and Poland*. Wien: Lit Verlag; 2008. 215 p.

References

1. Brückner A. Die Visio Tundali in Böhmischer und Russischer Übersetzung. *Archiv für Slavische Philologie*. 1891;13:199–212.
2. Karskii YF. *Trudy po beloruskomu i drugim slavyanskim yazykam* [Works on Belarusian and other Slavic languages]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1962. 712 p. Russian.
3. Karskii YF. *Belorusy. Tom 3. Ocherki slovesnosti beloruskago plemeni. Chast' 2. Staraya zapadno-russkaya pis'mennost'* [Belarusians. Volume 3. Sketches of the Belarusian tribe's vocabulary. Part 2. Old West Russian scripts]. Petrograd: 12-ya gosudarstvennaya tipografiya; 1921. 246 p. Russian.
4. Florovskii GV. *Chekhi i vostochnye slavyane. Ocherki po istorii cheshsko-russkikh otnoshenii (X–XVIII vv.). Tom 2* [Bohemia and the East Slavs. Essays on the history of Czech-Russian relations (10th–18th centuries). Volume 2]. Praha: Slovansky ustav; 1947. 548 p. Russian.
5. Kipel' Z. [Belarusian translated literature of the 15th–16th centuries as a bridge between East and West]. In: Konan UM, editor. *Belarus' pamizh Ushodam i Zahadam: prablemy mizhnacyjanal'naga, mizhrjeligijnaga i mizhkul'turnaga wzaemadzejanija, dyjalogu i sintjezu: matjeryjaly II Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw; maj 1995 g.; Minsk, Belarus'. Chastka 2* [Belarus between East and West: the problems international, interreligious and intercultural interaction, dialogue and synthesis: materials 2nd International congress of belarusists; 1995 May; Minsk, Belarus. Part 2]. Minsk: Nacyjanal'ny navukova-asvetnicki cjenter imja F. Skaryny; 1997. p. 175–181. Belarusian.
6. Kipel' Z. [The fate of the Belarusian «Book of Taudal the knight» in the light of Belarusian-Western Slavonic relations]. In: Konan U, editor. *Skarynaznawstva, knigaznawstva, litaraturaznawstva* [Skarynology, book and literary studies]. Minsk: Belaruski knigazbor; 2001. p. 140–143. Belarusian.
7. Turilov AA. [Translations from Latin and West Slavic by Ukrainian-Belarusian scribes in the 15th and early 16th centuries]. In: Shchapov YaN, Fal'kovich SM, Shchhaveleva NI, editors. *Kul'turnye svyazi Rossii i Pol'shi, XI–XX vv.: materialy konferentsii Komissii istorikov Rossii i Pol'shi; 1996 g.; Moskva, Rossiya* [Cultural ties between Russia and Poland, 11th – 20- centuries: the materials of the conference of the Commission of Historians of Russia and Poland; 1996; Moscow, Russia]. Moscow: URSS; 1998. p. 58–68. Russian.
8. Verkholtantsev J. *Ruthenica Bohemica: ruthenian translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuanian and Poland*. Wien: Lit Verlag; 2008. 215 p.

Артыкул напісаны ў рэдкалегію 18.10.2021.
Recieved by the editorial board 18.10.2021.

Рецензии

Рэцэнзіі

Reviews

Сінькова Л. Беларуская «звышлітаратура». Мінск : Кнігазбор, 2019. 224 с.

Синькова Л. Белорусская «сверхлитература». Минск : Кнігазбор, 2019. 224 с.

Sin'kova L. Belarusian «superliterature». Minsk : Knigazbor, 2019. 224 p.

Уніфікацыя працы, побыту, культурных традыцый і нацыянальных асаблівасцей, як характэрныя тэндэнцыі глабальнай сусветнай прасторы, сёння размываюць маральныя каштоўнасці, нормы, культурную спадчыну, мову – аснову ідэнтычнасці нацыі. У гэтых умовах пераасэнсоўваюцца месца і роля літаратуры ў жыцці грамадства, узнікаюць не толькі новыя каналы распаўсюджвання мастацкіх твораў, але змяняецца змест мастацкіх практык, нараджаецца новая эстэтыка. Менавіта гэтым пытаннем прысвечана кніга Людмілы Дзмітрыеўны Сіньковай «Беларуская “звышлітаратура”», якая з’яўляецца заканамерным працягам ранейшых даследаванняў аўтара і разам з тым крокам наперад у памкненні асэнсаваць познесавецкі і постсавецкі перыяд развіцця літаратурнага працэсу на Беларусі з улікам новых геапалітычных умоў, тэндэнцый і выклікаў сучаснага свету.

Імя Л. Д. Сіньковай (Корань) – доктара філалагічных навук, прафесара, выдатнага крытыка і літаратуразнаўцы – вядома далёка за межамі Беларусі. Яна з’яўляецца аўтарам больш за 200 публікацый у айчынным і замежным друку, сярод якіх такія знакавыя працы, як «Цукровы пеўнік: літаратурнакрытычныя артыкулы» (1996), «Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур»

(1996), «Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI ст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка» (2013), шматлікія вучэбна-метадычныя дапаможнікі. Аднак не колькасць, а якасць, якая вызначае навуковы ўзровень гэтых прац, пацвярджае высокі статус даследчыцы ў навуковым асяроддзі. Л. Д. Сінькова – аўтарытэт для ўсіх, хто цікавіцца развіццём нацыянальнага прыгожага пісьменства.

У свой час Л. Д. Сінькова прыгадала выказванне класіка нацыянальнай літаратуры Я. Брыля: «Крытык адчувае сябе паміж Парнасам і пісьменнікам, а месца яго – паміж пісьменнікам і чытачом»¹. Менавіта ў тым, каб наблізіць да чытача найперш сур’ёзную беларускую культуру, бачыць прафесар Л. Д. Сінькова сваю звышзадачу як крытыка і літаратуразнаўцы. Паняцце элітарнасці ключавое ў канцэпцыі новай кнігі, яно адсылае чытача як да класікі (тэкстаў М. Гарэцкага, К. Чорнага, У. Жылкі, М. Багдановіча), так і да сучасных прэцэдэнтных твораў В. Быкава, А. Адамовіча, С. Алексіевіч, якія актуалізуюць, напаўняюць канкрэтыкай у нейкай ступені палемічны тэрмін А. Адамовіча «звышлітаратура». Паводле меркавання А. Адамовіча, якое ён адстойваў у няпростых умовах познесавецкай рэчаіснасці, «звышлітаратура – гэта ўсяго толькі звышнамаганне таленту (калі ён ёсць), звышнапружанне сумлення (калі ёсць), звышадказнасць твая асабістая за лёс роду чалавечага, чалавецтва»². Л. Д. Сінькова пераканаўча даказвае, што арыгінальная думка А. Адамовіча пра тое, што сучасны свет, які знаходзіцца пад пастаянным пагрозай глабальных апакаліптычных катастроф, павінен стварыць новую літаратуру,

¹Сінькова Л. Д. Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI ст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка. Мінск : Паркус плюс, 2013. С. 3.

²Адамовіч А. З зялёнага сшытка // Крыніца. 2000. № 1(58). С. 37.

новы эпас – звышлітаратуру. Гэта ідэя, якую ён тэарэтычна абгрунтаваў і практычна апрабіраваў у кнігах «Карнікі», «Я з вогненнай вёскі» (у суаўтарстве з Янкам Брылём і У. Калеснікам), «Блакадная кніга» (у сааўтарстве з Д. Граніным), знайшла сваё канчатковае ўвасабленне ў творчасці нобелеўскага лаўрэата С. Алексіевіч. Уплыў А. Адамовіча на сваю мастацкую практыку падкрэсліла і яна сама, у прыватнасці ў сваёй нобелеўскай лекцыі³. З удзячнасцю згадваючы імя настаўніка, С. Алексіевіч сцвярджала, што пра перажытыя беларусамі і ўсім чалавецтвам жахі павінен гаварыць сведка, пра гэты вопыт будзе напісана «звышлітаратура».

Вызначаючы сутнасць тэрміна, яго змештавыстылістычнае нападзенне, жанравую класіфікацыю ў раздзеле «Беларуская “звышлітаратура”: Васіль Быкаў, Алесь Адамовіч, Святлана Алексіевіч» аналізуемага выдання, прафесар Л. Д. Сінькова сцвярджае, што гэта «новая мастацкасць, “крыкавая эстэтыка”, якая, будучы мастацтвам (а ў жанры галасоў – і сведчаннем), не можа не быць яшчэ і справаю густу (які, дарэчы, прафесійная крытыка павінна развіваць). Сапраўды, гэта менавіта ломка старой формы і нараджэнне новай. Новае ж не кожны і не адразу ўбачыць і зможа правільна ацаніць. Новая форма, паводле меркавання і пісьменнікаў, і даследчыцы, знаходзіць для сябе новую мастацкую мову, новы дыкурс. Ён, тым не менш, абумоўлены сталай нацыянальнай традыцыяй. «Інерцыя вядомай дакументальна-мастацкай стылістыкі замаруджвала выпяванне новай жанравай формы: жанр галасоў спачатку парасткам праглядаўся ў розных кантамінацыях дакументальнага, публіцыстычнага і мастацкага», – падкрэслівае Л. Д. Сінькова і даводзіць, што, адштурхоўваючыся ад журналісцкіх стратэгий, С. Алексіевіч «сустварае чужое маўленне з аўтэнтычных маналагічных плыняў. Такім чынам не літаральная стэнаграма, а своеасаблівы дакументальна-мастацкі магістрал: запіс выбраных, яскравых, ужо мастацкіх вобразаў-фактаў, унікальных, як усякае сведчанне рэальнага чалавека, і шматзначных, як усякі вобраз» (с. 42). У гэтым рэчышчы зразумела тая пільная ўвага, якая надаецца ў новай кнізе Л. Д. Сіньковай такой унікальнай з’яве, як дакументальна-мастацкая проза. Даследчыца закранае надзвычай актуальныя для сучаснага літаратуразнаўства праблемы. Падкрэсліваючы неабходнасць удакладнення і карэляцыі самога тэрміна «дакументальна-мастацкая проза», прафесар Л. Д. Сінькова разглядае цэлы масіў мастацкіх тэкстаў айчынай літаратуры ХХ–ХХІ ст. з пункту гледжання ступені іх прыдуманасці ці непрыдуманасці (*fiction or non-fiction*). У выніку яна прапануе ўласную кла-

сіфікацыю дакументальна-мастацкіх тэкстаў з падзелам на дзве плыні: прозу *fiction* («прыдуманую»), у якой дамінуе мастацкі вымысел (і дапускаецца імітацыя, містыфікацыя фактаў), і прозу *non-fiction* («непрыдуманую»), у якой дамінуе фактаграфічная аснова з адпаведнай жанравай дыферэнцыяцыяй і канкрэтнымі прыкладамі.

Як даследчыца, Л. Д. Сінькова надзвычай чуйная да тэндэнцый і выклікаў сучаснага глабалізаванага свету. Вывучаючы і прапагандуючы звышлітаратуру, спрабуючы данесці яе да масавай аўдыторыі, яна не пакідае па-за ўвагай і праблему масавай культуры, падкрэсліваючы няўхільнасць вяртання чытача да класікі. З уласцівым толькі ёй палемічна-задзірыстым пафасам Л. Д. Сінькова кідае выклік сучаснаму чытачу: «Літаратура для нас ніколі не пераможа класіку, не зможа заняць яе месца найперш таму, што кожнаму чалавеку наканавана расці і стаць. <...> Калі ж чытач хоча ўсё жыццё заставацца інфантам, выключна звязаным у харчовым ланцужку, то гэта яго асабістая праблема. Класічная літаратура тут ні пры чым» (с. 8–9).

Кніга «Беларуская “звышлітаратура”», ахарактарызуемая як зборнік літаратуразнаўчых і літаратурна-крытычных артыкулаў, – тым не менш з’ява надзвычай цэласная і канцэптуальна прадуманая. У ёй выразна вылучаюцца з’яднанні паміж сабой сюжэтаўтваральныя лініі, якія на сёння пазначаюць і злучаюць найбольш блізкія кропкі сучаснага літаратуразнаўства. Найперш гэта дакументальна-мастацкія стратэгіі беларускай літаратуры ад «міжвольнага і трагічнага» дакументалізму М. Гарэцкага (А. Адамовіч) да новага эпасу самога А. Адамовіча і ўрэшце прозы галасоў С. Алексіевіч. Яшчэ адзін напрамак даследавання – задачы і сутнасць метадалогіі сучаснай літаратуразнаўчай навукі. Адным з галоўных прынцыпаў працы літаратуразнаўцы і крытыка прафесар Л. Д. Сінькова робіць «уважлівае стаўленне да твораў і творцаў, любоў да працы з тэкстамі» (с. 141), а таксама абавязковую для філолага «культуру ўспрымання, суперажывання, разумення, а затым інтэрпрэтацыі аб’екта даследавання» (с. 134). Л. Д. Сінькова засяроджваецца на праблемах сучаснага беларускага параўнальнага літаратуразнаўства. Адзначаючы, што беларуская кампаратывістыка – з’ява адносна маладая, прафесар заўважае некаторыя негатыўныя тэндэнцыі ў працах маладых даследчыкаў, калі «існуе спакуса параўноўваць што б там ні было адразу ж, па вонкавых супадзеннях, па “ключавых словах”, элімінуючы з’яву з гісторыка-культурнага кантэксту» (с. 121). Клопатам пра развіццё айчынай літаратуразнаўчай навукі прасякнута выснова

³Нобелевская лекция Светланы Алексиевич [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culturepartnership.eu/article/nobelevskaya-lektsiya-svetlani-aleksievich> (дата обращения: 01.02.2020).

даследчыцы, што «адмаўленне ад традыцыйнай метадалогіі ў кампаратыўных даследаваннях на карысць карэляцыі рознажанравых, рознавідавых, рознастылёвых, розначасавых і рознакультурных з’яў шляхам спекулятыўнага (разумовага) збліжэння фармальных, маргінальных, вонкавых прыкмет вядзе да дэвальвацыі літаратуразнаўства як навукі» (с. 118–119).

Аўтарская зацікаўленасць мастацкімі і літаратуразнаўчымі тэкстамі, пра якія вядзецца гаворка, імкненне да суразмовы з чытачом, заклік да палемікі па дыскусійных пытаннях сучаснага літаратурнага працэсу і асэнсавання апошняга бягучай

крытыкай і літаратуразнаўствам пранізвае ўвесь тэкст новай кнігі прафесара Л. Д. Сіньковай. Трывалыя веды, якія дазваляюць ствараць шырокі гісторыка-культурны кантэкст інтэрпрэтацыі тэкстаў, эсэістычная асацыятыўнасць і разам з тым навуковая выверанасць і дакладнасць фактаў і фармулёвак, постмадэрнісцкая іранічнасць і палемічная парадаксальнасць выказванняў робяць тэкст кнігі запамінальным і па-мастацку дынамічным, інтрыгуючым. Выданне ў пэўнай ступені правакуе чытача, заклікае яго да палемікі.

Г. К. Тычко⁴

⁴Галіна Казіміравна Тычко – доктoр филологических наук, профессор; профессор кафедры периодической печати и веб-журналистики факультета журналистики Белорусского государственного университета.

Галіна Казіміраўна Тычко – доктoр філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры перыядычнага друку і вэб-журналістыкі факультэта журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Galina K. Tychko, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of periodical press and web journalism, faculty of journalism, Belarusian State University.

E-mail: tychko@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-9379-924X>

Конюшкевич М. И. **Белорусские союзы и их аналоги. Грамматика реального использования. Материалы к словарю : в 3 ч. Ч. 1. Диапазон А – З** / М. И. Конюшкевич. Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2019. 302 с.

Канюшкевич М. І. **Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А – З** / М. І. Канюшкевіч. Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2019. 302 с.

Kanyushkevich M. I. **Belarusian conjunctions and their analogues. Real use grammar. Materials for the dictionary : in 3 parts. Part 1. Range A – Z** / M. I. Kanyushkevich. Hrodna : Yanka Kupala State University of Grodno, 2019. 302 p.

«Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка» пакуль першы том з запланаваных трох, якія, спадзяёмся, бліжэйшым часам пабачаць свет. Рэцэнзуемая кніга, падрыхтаваная доктарам філалагічных навук прафесарам Марыяй Іосіфаўнай Канюшкевіч, не шэрагуе ўніверсітэцкае выданне, а сапраўдная падзея для мовазнаўства, прычым далёка не толькі беларускага і нават славянскага. Гэта фундаментальная праца, аналагаў якой няма ў беларускай лінгвістыцы: зробленае М. І. Канюшкевіч закладае трывалы базіс рэальнага ўжывання граматыкі беларускай мовы. Наватарства даследавання заключаецца ў самой канцэпцыі злучнікаў, фарміраванні і атрыбуцыі злучальных адзінак; адначасова яно нагляднае сведчанне і самае поўнае (на гэты момант) апісанне функцыяналу злучальных сродкаў беларускай мовы ў яе рэальным выкарыстанні. Даследчыца паслядоўна, на працягу дзясятка гадоў, рэалізоўвала сваю тэорыю праз апрацаваны ў шэрагу айчынных і замежных публікацый і, урэшце, увасобіла ў асобным выданні, абагульніўшы пад адной вокладкай і тэарэтычныя палажэнні, і вынікі зробленага, і ілюстрацыйна-фактычны матэрыял з яго скрупулёзным функцыянальна-семантычным аналізам і дадатковымі звесткамі: сінанімічным(і) радам(і) і перакладным беларуска-рускім слоўнікам.

Рэстру злучальных сродкаў (с. 78) папярэднічае эпіграф – паэтычныя радкі Д. Бічэль-Загнетавай: *Не веру ў непазбежнасць схемы прастай: // знаёмства і любоў, нянавісць – ростань. // Вялікі свет пачуццяў мае столькі, // іх не складзеш у дзвечатыры столькі, у якім, на маю думку, квінтэсэнцыя стаўлення прафесара М. І. Канюшкевіч да мовы і моўных з'яў: не спрашчаць, не адкідаць, не «ўціскаць у» і не «падганяць пад» трады-*

цыйна-школьныя ці прынятыя ва ўніверсітэцкіх дапаможніках класіфікацыі, каб атрымаць адзіна правільны адказ. Таму і матэрыялам для даследавання сталі не хрэстаматычныя, «гладка-бездакорныя» прыклады, а жывая стыхія беларускай нацыянальнай мовы ва ўсёй палітры яе функцыянальных стыляў і розных тыпаў дыскурсу – ад фальклорных тэкстаў да інтэрнэт-рэсурсаў. Больш за тое, аўтар, з мэтай ахапіць увесь спектр функцыянавання беларускай мовы, злучнікавая сістэма якой «пульсуе, узаемадзейнічае з суседнімі моўнымі сістэмамі, перапрацоўвае запазычаныя ў іх сродкі і застаецца разам з тым у межах сваёй нацыянальнай плыні» (с. 76), узяла пад увагу і ўзуальныя прыклады штодзённага маўлення: русізмы, паланізмы, прастамоўныя адзінкі, аўтарскія наватворы і пад. Такая разнастайнасць і сам аб'ём даследаванага матэрыялу (не толькі ўласна змешчанага ў кнізе (1573 адзінкі), але і прааналізаванага ўвогуле, у тым ліку і змадэлявана-выверанага аўтарам) даюць чытачу абсалютную ўпэўненасць у абгрунтаванасці і верыфікаванасці як самой аўтарскай гіпотэзы, так і прапанаваных на абмеркаванне вынікаў.

Выданне складаецца з ўводзінаў і двух раздзелаў: тэарэтычна-манаграфічнага і практычнага, які дапоўнены тэрміналагічным слоўнікам і спісам умоўных скарачэнняў. Раздзел 1 «Катэгорыя злучніка ў рускай і беларускай мовах» складаецца з дзесяці падраздзелаў, якія наўпрост звязаныя з аўтарскім падыходам да даследавання злучальных сродкаў мовы і скіраваныя на асветленне тэарэтычнага падмурка самой наватарскай канцэпцыі, раскрыццё даследчыцкай метадыкі аўтара і вынікаў выкарыстання таго і другога на прыкладзе асобных злучальных сродкаў.

Кажучы пра піянерскі падыход М. І. Канюшкевіч да вывучэння злучальных адзінак, нельга не згадаць ужо рэалізаваны ёю праект «Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання», увасабленнем якога стала трохтомнае выданне¹, што, як ні дзіўна, засталася фактычна незаўважаным беларускімі мовазнаўцамі. Трохтомнік з'яўляецца вынікам шматгадовай працы даследчыцы ў адкрытым міжнародным навуковым праекце па вывучэнні граматыкі славянскага прыназоўніка, які аб'яднаў лінгвістаў з Расіі, Беларусі, Украіны, Польшчы, Балгарыі, Сербіі і іншых краін. Відавочны факт: калі пэўная канцэпцыя верыфікуецца на вялікім аб'ёме ілюстрацыйнага матэрыялу, прычым з розных моў, то вынікам такіх росшукаў нельга не давяраць. Аналагічны падыход аўтара да даследавання злучальных сродкаў

¹Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А – Л. Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2010. 492 с. ; Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. Ч. 2. Дыяпазон М – П. Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2010. 619 с. ; Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. Ч. 3. Дыяпазон Р – Я. Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2010. 535 с.

мовы, калі ў сферу вывучэння злучнікаў па полевым прынцыпе ўцягваюцца і іншыя адзінкі, у тым ліку і самастойныя, паколькі зрушваецца сам прынцып адбору фактычнага матэрыялу (не часцінамоўная прыналежнасць слова, а яго функцыянальны патэнцыял у межах выказвання-тэксту), мяркую, не што іншае, як паказчык плённасці ўжо апрабаванай метадалогіі і пацвярджэнне перспектывынасці абранага шляху навуковага пошуку.

У першым раздзеле сцісла, але вельмі інфарматыўна раскрываецца неабходнасць цэласна апісаць рэальныя, ці службовыя словы, зыходам у камунікатыўны сінтаксіс і трактоўкай іх як морфасінтаксічных адзінак, пры гэтым, аднак, не адкідаючы напрацаванага папярэднікамі, а, наадварот, цвёрда абапіраючыся на той навуковы багаж, які ўжо ёсць у мовазнаўстве. Таму цалкам заканамерна, што сістэма беларускіх злучнікаў разглядаецца з працы Я. Ф. Карскага «Беларусы» і што М. І. Канюшкевіч улічана і надалей плённа скарыстана выснова вучонага адносна самастойнасці сістэмы службовых адзінак беларускай мовы на фоне рускай літаратурнай мовы. Лагічным працягам гэтаму стаў падраздзел, у якім у параўнальным плане разглядаюцца межы класа злучнікаў у рускай і беларускай мовах пачынаючы ад лексікаграфічных выданняў (разнастайныя энцыклапедыі і слоўнікі), акадэмічных граматык і заканчваючы аўтарскімі канцэпцыямі. Адну з іх, выказаную ў працах рускіх лінгвістаў М. І. Чарамісінай, М. В. Ляпон, Т. А. Коласавай, аўтар узяла за грунт для свайго даследавання: беларускія злучальныя сродкі – гэта морфасінтаксічная катэгорыя, якая рэалізуе сябе ў сказе і тэксце. Такая шырокая трактоўка злучнікаў дазваляе выйсці за межы іх «чароўнага кола» і ўрэшце ўлічыць усё тое «непрычасанае», «вуглаватае», «шурпатае», што аніяк не ўкладалася ў межы традыцыйнага разумення гэтай часціны мовы. Адсюль і мэты аўтара: 1) інвентарызаваць беларускія злучальныя сродкі як рэальныя патэнцыялы беларускай мовы праз фіксацыю іх у рэальным ужыванні; 2) правесці іх першасную атрыбуцыю па некалькіх параметрах (функцыя, сінтаксічныя і сэнсавыя адносіны). Уніканне дакладнага лінгвістычнага статусу такіх сродкаў дазволіла аўтару выкарыстаць полевы метад і ўжываць адносна кожнай адзінкі гэтай надзвычай стракатай «групы» тыя тэрміны, якія найбольш карэктныя для пэўнага кантэксту, дзе зафіксавана тая ці іншая злучальная адзінка ў яе непасрэднай функцыі: *злучнік, злучальнае слова, злучальны сродак, кампаратар, фармант сінтаксемы, маркёр адносінаў* і інш.

Значнае месца ў тэарэтычнай частцы кнігі адведзена карэляцыі прыназоўніка і злучніка, перадусім механізмам трансфармацыі прыназоўніка ў злучальную адзінку (у тым ліку і мадэляванне саміх

трансформаў з прыназоўніка ў злучнік), што да артыкулаў М. І. Канюшкевіч толькі ўскосна закралася ў адзінкавых публікацыях беларускіх лінгвістаў. Нельга не адзначыць, што і гэтыя «крупінкі»-выказванні скрупулёзна ўлічаны даследчыцай, таму яна з удзячнасцю згадвае не толькі тых мовазнаўцаў, чые ідэі наўпрост паўплывалі на яе падыход (М. У. Усеваладава, П. Піпер, А. П. Загнітка і інш.), але і беларускіх даследчыкаў (А. Я. Міхневiч, П. П. Шуба), чые працы, пэўным чынам да тычныя выказанай канцэпцыі, яе ўмацавалі. Такое стаўленне да зробленага папярэднікамі – гэта ўзор не толькі глыбіні ўваходжання ў тэму і шырыні навуковага далягляду, але і (ці не найважнейшае на сёння?) паказчык яе навуковай этыкі, чаго так часта бракуе цяперашнім даследчыкам.

Раздзел 2 «Злучальныя сродкі беларускай мовы» практычны, гэта ўласна тэзаўрус злучальных сродкаў, структураваны такім чынам, што ўключае яшчэ і сінанімічныя адзінкі да кожнай лемы (а значыць, сінанімічны слоўнік) і адпаведнік(і) на рускай мове (а значыць, перакладны беларуска-рускі гласарый злучальных адзінак). Сам жа рэестр ахоплівае ўвесь дыяпазон канектараў сінтаксічнай сувязі (ад слова да іх спалучэнняў), у тым ліку і перыферычныя адзінкі, якія здольныя выконваць ролю злучальнага сродку ў любой канструкцыі: простым, ускладненым і складаным сказах, міжфразавым адзінстве (дыктэме) і тэксце. Такі неардынарны аўтарскі падыход дазваляе, з аднаго боку, інвентарызаваць і тыя злучальныя сродкі, якія засталіся па-за ўвагай папярэднікаў і не зафіксаваныя лексікаграфічнымі крыніцамі і акадэмічнымі граматыкамі. З другога ж боку, такі комплекс выяўленых адзінак (злучнікаў і іх аналагаў) дае магчымасць правесці іх атрыбуцыю паводле функцыі(й) у канкрэтным выказванні-тэксце (злучнік, злучальнае слова, кампаратар, фармант сінтаксемы і пад.), а значыць, разглядаць як морфасінтаксічныя катэгорыі.

Злучальныя адзінкі рэестра характарызуюцца больш чым па дзесяці параметрах: «...даецца кваліфікацыя адзінкі, яе варыянты, знакі прыпынку пры іх, функцыі адзінкі, называюцца сінтаксічныя адзінкі пабудовы (складаназалежны сказ, складаназлучаны сказ, просты сказ, аднародныя члены, дыктэма, ці звышфразавае адзінства) і адзінкі будовы, сінтаксічныя і сэнсавыя адносіны, прыдаюцца сінонімы і рускія адпаведнікі; пры неабходнасці ўлічваюцца камунікатыўныя ўласцівасці злучальнага сродку» (с. 69). Характарыстыкі залежаць уласна ад самога сродку, да прыкладу:

...А ШТО..., ГЭТА Ускладн. злучальны сродак: тлумачальны злучнік *што* ў дыктэме; міжсказ.: супастаўляльн.; тэкстаўтв.; інверсійна пачынае дыктэму актуалізацыяй рэмы, у той час як укажанне на тэму застаецца ў постпазіцыі. ГЧ СС^{залеж}

з карэляц. *Не ведае чалавек слова – і бяда і не бяда. А што філолаг не чуе слова – гэта не дзве, а тры бяды!* (П. Глебка). Сін. *а тое, што... – гэта*. Рус. *а что... – это* (с. 161).

...АЖНО Ж Злучнік у дыктэме; міжсказ.; тэкстаўтв.; супрацьст.: неапраўданы прагноз. «Ну, – кажа Мікіта, – нешта будзе з малога: або вялікі майстар, або вялікі злодзея». *Ажно ж, бачыш, не выйшла ні злодзея, ні майстра* (Я. Брыль). Сін. *але ж*. Рус. *ан нет* (с. 120).

ДЛЯ ТАГО, КАБ² Фармант фінітыва ў СС^{залеж} з прыслоўн. (назоўнік); атрыбутыўна-мэтак. *Чалавечай душы, для таго каб яна была багатай і прыгожай, апрача многага іншага, патрэбна свята* (Н. Гілевіч). Сін. *каб*. Рус. *для того, чтобы* (с. 224).

ДОБРА КАЛІ Фразеасхема; апраксиматар колькасці ў ПС пры адасобленым звароце. *Два большыя хлопчыкі – старэйшаму Хведзьку, добра калі споўнілася чатырнаццаць гадоў – памагалі маці ў рабоце, вяжучы саламянымі перавясламі цяжкія снапы* (І. Чыгрынаў). <...> Сін. *амаль*. Рус. *хорошо, если* (с. 228).

Такая дэталёвая і вычарпальная атрыбуцыя кожнага са злучальных сродкаў дэманструе, з аднаго боку, багацце і функцыянальна-рэлятывы патэнцыял самой беларускай мовы, а з другога – магчымасці новага, нетрадыцыйнага погляду на

звыклія і (або) праблемныя з’явы, а тым самым з’яўляецца імпульсам да далейшых даследаванняў злучальных сродкаў беларускай мовы.

Аўтар, прафесар М. І. Канюшкевіч, бліскуча справілася з пастаўленай мэтай і задачай свайго даследавання: ёй удалося выйсці за межы часцінамоўнай класіфікацыі злучнікаў, пераканальна, даходліва і аўтарытэтна прадэманстраваць функцыянальныя магчымасці слоў, у тым ліку і знамянальных, і іх спалучэнняў, кантактна і дыстантна размешчаных, якія могуць выконваць ролю злучальных сродкаў у рэальных кантэкстах. Усе аўтарскія палажэнні прадумана аргументаваныя і практычна-кантэкстна верыфікаваныя, а самі злучальныя адзінкі скрупулёзна інвентарызаваныя і доказна атрыбутаваныя. Застаецца, аднак, у разы больш складаная задача: каб беларускія лінгвісты «пачулі» аўтара, адэкватна ўспрынялі выказаныя тэарэтычныя палажэнні і вынікі такога лінгвістычнага аналізу і пайшлі далей у гэтым кірунку. І тут ужо мала што залежыць ад аўтара самой канцэпцыі, пашырэнню якой не вельмі спрыяе і наклад такога ўнікальнага выдання – 50 асобнікаў. Застаецца толькі спадзявацца, што той, хто шукае, знаходзіць.

Т. Р. Рамза²

²Татьяна Ростиславовна Рамза – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Татьяна Расціславаўна Рамза – доктар філалагічных навук, дацэнт; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatsiana R. Ramza, doctor of science (philology), docent; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: ramza@bsu.by

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Николай Михайлович
ПИПЧЕНКО**

**Мікалай Міхайлавіч
ПІПЧАНКА**

**Nikolai Mikhailovich
PIPCHENKO**

12 июля 2021 г. ушел из жизни ученый-педагог, талантливый исследователь, организатор науки, блестящий лектор, бескорыстнейший и светлый человек, профессор Николай Михайлович Пипченко. Его судьба была неразрывно связана с историей филологического факультета БГУ: в 1954 г. Николай Михайлович поступил на отделение русского языка и литературы, успешно окончил его, потом учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию, с 1965 г. работал на кафедре русского языка сначала в должности преподавателя, затем доцента, а с 1992 г. – профессора.

Имея основательную научно-теоретическую подготовку, Н. М. Пипченко на высоком профессиональном уровне читал лекции, вел практические занятия по синтаксису современного русского языка, специальный семинар «Экспрессивные сред-

ства художественной речи». Под его руководством подготовлены и защищены три кандидатские диссертации.

Н. М. Пипченко плодотворно занимался научно-методической работой: он является соавтором целого ряда учебных пособий по русскому языку для абитуриентов, учащихся учреждений общего среднего образования, студентов-филологов, а также автором учебных изданий «Современный русский язык: синтаксис словосочетания и простого предложения» (Минск, 2009) и «Справочник по русской пунктуации» (Минск, 2009). Даже выйдя на заслуженный отдых, Николай Михайлович до последнего дня продолжал свою деятельность. Так, в 2019 г. вышло в свет учебное пособие «Русский язык. 9 класс», в котором Н. М. Пипченко выступил соавтором.

На протяжении многих лет Николай Михайлович все силы отдавал родному факультету, кафедре русского языка.

Н. М. Пипченко работал в должности заместителя декана филологического факультета БГУ более 20 лет, внес большой вклад в совершенствование образовательного процесса, учебных планов, программ курсов и дисциплин специализаций, повышение качества подготовки филологов, в процесс оптимизации содержания обучения по филологическим специальностям. Огромное внимание он уделял воспитательной работе, а также внедрению в образовательный процесс новых технологий и созданию в студенческом коллективе такой атмосферы, которая бы способствовала формированию у будущих специалистов активной жизненной позиции, высоких нравственных качеств и эстетического вкуса. Многие поколения филологов с теплотой

вспоминают отеческую заботу Николая Михайловича об их повседневных нуждах.

За заслуги в подготовке научно-педагогических кадров Н. М. Пипченко был награжден Грамотой Верховного Совета БССР, знаком Министерства высшего и среднего образования СССР «За отличные успехи в работе высшей школы», медалью «Ветеран труда», почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь, грамотами БГУ.

Выдающийся педагог-организатор, мудрый наставник, любимый учитель, мужественный, скромный и трудолюбивый человек, обладающий удивительной добротой, отзывчивостью, щедростью, – таким навсегда останется в нашей памяти Н. М. Пипченко.

*Коллектив кафедры русского языка
филологического факультета БГУ*

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННОТАЦІЇ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.111'276.6:341(075.8)

Вологина О. В. Иностранный язык (первый) (английский). Аспект «язык для профессиональных целей» (1 курс) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 01 «Международное право» / О. В. Вологина, И. А. Непомнящих ; [под ред. И. Н. Ивашкевич] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 62 с. : табл. Библиогр.: с. 49–53. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/261804>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.06.2021, № 006914062021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1-го курса специальности 1-24 01 01 «Международное право». Данный комплекс состоит из четырех разделов: 1) теоретический раздел; 2) практический раздел; 3) контроль знаний; 4) вспомогательный раздел. В теоретическом разделе представлен обзор учебного пособия, используемого в преподавании курса. В практическом разделе представлены все тематические модули курса, содержащие списки лексических единиц и вопросы по изучаемым темам. В разделе контроля знаний даны примеры заданий промежуточного контроля, приведены требования и вопросы к зачету. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине «Иностранный язык (первый) (английский)».

УДК 811.111'276.6:341(075.8)

Вологина О. В. Иностранный язык (первый) (английский). Аспект «язык для профессиональных целей» (2 курс) [Электронный ресурс] : электронный учебно-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 01 «Международное право» / О. В. Вологина, И. А. Непомнящих ; [под ред. И. Н. Ивашкевич] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 65 с. : табл. Библиогр.: с. 51–55. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/261810>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.06.2021, № 007014062021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2-го курса специальности 1-24 01 01 «Международное право». Данный комплекс состоит из четырех разделов: 1) теоретический раздел; 2) практический раздел; 3) контроль знаний; 4) вспомогательный раздел. В теоретическом разделе представлен обзор учебного пособия, используемого в преподавании курса, а также показана логика структуры и содержания ЭУМК. В практическом разделе представлены все тематические модули курса, содержащие списки лексических единиц и вопросы по изучаемым темам. В разделе контроля знаний даны примеры заданий промежуточного контроля, приведены требования и вопросы к зачету. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине «Иностранный язык (первый) (английский)».

УДК 80(06)

Мова і літаратура [Электронны рэсурс] : матэрыялы 78-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ (Мінск, 22 крас. 2021 г.) / БДУ ; [рэдкал.: Г. У. Навумава (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2021. 310 с. : іл. Бібліягр. у тэксце. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263485>. Загал. з экрана. Дзп. у БДУ 02.07.2021, № 008002072021.

У зборнік увайшлі матэрыялы дакладаў 78-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ па актуальных праблемах сучаснага мовазнаўства, літаратуразнаўства, педагогікі, методыкі выкладання, класічнай філалогіі, міфалогіі, культуралогіі і фальклору. Прызначаецца студэнтам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 811.112.2(075.8)

2-й иностранный язык-1 (немецкий) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост.: С. Э. Бабок, А. И. Зур. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 155 с. : табл. Библиогр.: с. 145–148. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270635>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.10.2021, № 010022102021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология». ЭУМК включает в себя краткий теоретический раздел по фонетике и грамматике немецкого языка, тексты и практические задания для проведения аудиторных и самостоятельных занятий, направленных на формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык в устной и письменной речи в сферах профессионального и межличностного общения.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Белорусскому государственному университету – 100 лет

<i>Зуева О. В.</i> Начало филологического образования в Белорусском государственном университете	5
--	---

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Губская О. Н.</i> Эго-документ «Свои страницы» (1952–1983) Янки Брыля в нарратологическом прочтении	14
<i>Вострикова Е. В.</i> Идеино-стилевые доминанты художественного мира Арношта Лустига	29
<i>Синило Г. В.</i> Книга Псалмов в творчестве И. Г. Гердера: исследования, переводы, рецепция в поэзии	36

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Сытько А. В.</i> Иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций (на материале русского и немецкого языков)	52
<i>Мельникова Л. С.</i> Языковые способы репрезентации прямых и не прямых побудительных речевых актов (на материале итальянского языка)	65
<i>Алексеевич А. В.</i> Богемизмы в старобелорусском литературном памятнике «Книга о Тоудале-Рыцаре» ...	77

РЕЦЕНЗИИ

<i>Тычко Г. К.</i> Синькова Л. Белорусская «сверхлитература»	85
<i>Рамза Т. Р.</i> Конюшкевич М. И. Белорусские союзы и их аналоги. Грамматика реального использования. Материалы к словарю : в 3 ч. Ч. 1. Диапазон А – З	88

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Николай Михайлович Пипченко	91
Аннотации депонированных в БГУ работ	93

ЗМЕСТ

ВЫДАТНЫЯ ДАТЫ

Беларускаму дзяржаўнаму ўніверсітэту – 100 гадоў

<i>Зуева В. У.</i> Пачатак філалагічнай адукацыі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце.....	5
--	---

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Губская В. М.</i> Эга-дакумент «Свае старонкі» (1952–1983) Янкі Брыля ў нараталагічным прачытанні	14
<i>Вострыкава А. У.</i> Ідэйна-стылёвыя дамінанты мастацкага свету Арнашта Лусціга	29
<i>Сініла Г. В.</i> Кніга Псальмаў у творчасці Ё. Г. Гердэра: даследаванні, пераклады, рэцэпцыя ў паэзіі.....	36

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Сыцько Г. В.</i> Ілакутыўныя характарыстыкі першаасобных дыянтыхных канструкцый (на матэрыяле рускай і нямецкай моў).....	52
<i>Мельнікава Л. С.</i> Моўныя спосабы рэпрэзентацыі прамых і непрамых пабуджальных маўленчых актаў (на матэрыяле італьянскай мовы).....	65
<i>Алексяевіч Г. В.</i> Багемізмы ў старабеларускім літаратурным помніку «Аповесць пра Таўдала-рыцара»...	77

РЭЦЭНЗІ

<i>Тычко Г. К.</i> Сінькова Л. Беларуская «звышлітаратура».....	85
<i>Рамза Т. Р.</i> Канюшкewіч М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А–З.....	88

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Мікалай Міхайлавіч Піпчанка 	91
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	93

CONTENTS

REMARKABLE DATES

Belarusian State University celebrates 100th anniversary

<i>Zuyeva O. V.</i> The beginning of philological education at the Belarusian State University.....	5
---	---

LITERARY RESEARCH

<i>Gubskaya O. N.</i> Ego-document «My pages» (1952–1983) by Yanka Bryl in narratological reading	14
<i>Vostrykava A. U.</i> Ideological and stylistic dominants of the artistic world of Arnosht Lustig.....	29
<i>Sinilo G. V.</i> The Book of Psalms in the works of J. G. Herder: research, translation, reception in poetry	36

LINGUISTICS

<i>Sytko A. W.</i> Illocutive characteristics of deontic <i>I</i> - and <i>We</i> -constructions (based on the material of the Russian and German)	52
<i>Melnikova L. S.</i> Representation forms for direct and indirect incentive speech acts (on the material of the Italian language).....	65
<i>Aleksiayevich H. V.</i> Bohemisms in Old Belarusian «Book of Taudal the knight»	77

REVIEWS

<i>Tychko G. K.</i> Sin'kova L. Belarusian «superliterature»	85
<i>Ramza T. R.</i> Kanyushkevich M. I. Belarusian conjunctions and their analogues. Real use grammar. Materials for the dictionary : in 3 parts. Part 1. Range A–3.....	88

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Nikolai Mikhailovich Pipchenko	91
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	93

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 3. 2021**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 3. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *А. С. Люкевич, А. В. Агеева*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.10.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 421.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 3. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *A. S. Lyukevich, A. V. Ahejeva*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 29.10.2021.

Edition 100 copies. Order number 421.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021